РАСКОЛЪ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ

КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХІИ.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ МѢСТНАГО РАСКОЛА.

И. Тихомировъ.

КАЛУГА.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1900.

Печатать разрѣшено цензурою. Калуга, 3 Іюля 1900 г.
Цензоръ, Инспекторъ Семинаріи протоіерей *М. Лебедевъ*.

Глава I.

Насажденіе и распространеніе раскола старообрядства въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи; состояніе его въ XVIII вѣкѣ.

Мѣстныя условія, способствовавшія насажденію и распространенію раскола старообрядства въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи Насажденіе раскола въ Боровскѣ, Калугѣ и Брынскихъ лѣсахъ. Данныя о состояніи раскола въ Калужскомъ краю въ XVIII столѣтіи до времени учрежденія самостоятельной Калужской епархіи

Пламя церковнаго раздора, вспыхнувшаго первоначально въ Москвѣ на почвѣ исправленія патріархомъ Никономъ церковно-богослужебныхъ книгъ, во второй половинѣ XVII столѣтія охватило огромнымъ пожаромъ всю православную Русь, и Калужскій край сталъ одною изъ первыхъ жертвъ этого раздора. Московскія смуты нашли себѣ здѣсь живой откликъ, а условія края были самыя благопріятныя для того, чтобы церковному расколу насадиться и быстро распространиться въ немъ

Прежде всего самое географическое положеніе Калужскаго края какъ нельзя болѣе благопріятствовало этому. Расположенная, съ одной стороны, на границѣ съ Литвою, съ другой—со степями, по которымъ пролегали „сакмы“, или пути вторженія крымскихъ татаръ въ Московское государство, Калуга въ XVII столѣтіи получила значеніе укрѣпленнаго города, входя въ систему тогдашней сторожевой линіи. Въ южныхъ уѣздахъ ея тянулись длинныя лѣсныя засѣки, которыя должны были заграждать путь вступавшему въ предѣлы государства непріятелю. Поэтому Калуга вмѣстѣ съ Коломною, Серпуховомъ и Алексиномъ составляла такъ назы-

ваемые украинскіе города, а ея область относилась къ Украйнѣ [1]) Какъ окраинный, Калужскій край былъ однимъ изъ удобнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ мѣстъ для укрывательства раскольниковъ. Такъ, дѣйствительно, и было. Послѣ того какъ соборъ 1667 года произнесъ окончательное отлученіе раскольниковъ отъ общенія съ Православной церковью, какъ ея хулителей, и подтвердилъ опредѣленія собора 1666 года, осудившаго и самыхъ расколоучителей, раскольники были признаны и объявлены противниками власти церковной и гражданской Правительство не могло терпѣть отщепенцевъ, особенно послѣ того, какъ они, въ лицѣ князя Хованскаго и Никиты Пустосвята, посягнули на спокойствіе государства, а потому розыскивало ихъ и налагало на виновныхъ, какъ на ослушниковъ и непокорныхъ, соотвѣтствующія наказанія. Съ своей стороны раскольники начали принимать мѣры и изыскивать средства къ тому, чтобы укрыться отъ взоровъ правительства въ мѣста глухія, куда съ трудомъ проникалъ глазъ начальства. Такимъ мѣстомъ, между прочимъ, и явилась окраинная Калужская область, южная и юговосточная часть которой, какъ мы уже сказали, была покрыта въ то время дремучими лѣсами

Далѣе, самый мятежный духъ населенія Калужскаго края въ XVII в., какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ характеру раскольниковъ Къ началу уже XVII столѣтія населеніе края сложилось изъ людей, не привыкшихъ къ осѣдлости и гражданскому порядку. Еще Іоаннъ IV, желая заселить Русскую украйну людьми, годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ укрываться въ ней и спокойно жить разнымъ преступникамъ, которые уходили туда отъ казни, надѣясь въ случаѣ войны имѣть въ нихъ надежныхъ защитниковъ границъ. Царь Ѳеодоръ, вообще не вмѣшивавшійся въ управленіе государствомъ, не обращалъ вниманія на то, что въ самомъ опасномъ мѣстѣ, именно на окраинѣ государства, населеніе слагается изъ ненадежныхъ элементовъ, а Борисъ Годуновъ недальновидно еще болѣе увеличилъ зло, продолжая въ этомъ отношеніи политику Іоанна IV. [2]) По свидѣтельству современниковъ (Авраамій Палицынъ), вся бѣднота того времени, какъ то бродяги, или отпу-

---

[1]) Трейтеръ Засѣчное строеніе Извѣстія Калуж Учен. Архивн. Комиссіи. Калуга, 1898 г, вып 7—8.

[2]) Іер. Леонидъ. Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и Калужскіе іерархи Калуга, 1876 г, стр 133—134. См. Калуж. Епарх Вѣд. 1874 г, стр. 437—438.

щенные господами безъ всякой земельной собственности на волю рабы, или оставшіеся безъ покровительства и пріюта отъ разоренія опальныхъ бояръ, одни по нуждѣ, а другіе „аки воинственному дѣлу искусны, во грады украинные отхождаху, аще и не вкупѣ, но болѣе двадесяти тысячъ, сицевыхъ воровъ, по мнозѣ времени, въ осадѣ въ сидѣніи въ Калугѣ и въ Тулѣ обрѣтеся, кромѣ тамошнихъ собравшихся старыхъ воровъ“ [1]).

Правительству трудно было справиться съ этимъ народнымъ отбросомъ и подчинить его законнымъ формамъ государственной жизни, а смутное время, извѣстное въ народѣ подъ именемъ „Литовскаго разоренія или межеумны“, лишь способствовало еще большему развитію самовольнаго духа въ населеніи Калужской области, которая явилась ареною для самозванцевъ и соискателей Московскаго престола съ слѣдовавшими за ними польскими, литовскими и запорожскими полчищами. На территоріи области происходили всѣ кровавые ужасы войны и измѣны того времени, и надолго послѣ этого разоренный и нравственно испортившійся край не могъ придти въ нормальное состояніе и упорядочить свою гражданскую жизнь. Въ 1606 г. съ казаками, холопами и сѣверскими бродягами въ Калугѣ утвердился Болотниковъ. Укрѣпивъ городъ глубокимъ рвомъ и валами и собравъ около себя до 10 тыс бродягъ и бѣглецовъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ успѣхомъ отражалъ нападеніе московскихъ полковъ. Его орда быстро увеличивалась и не хотѣла признавать законнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго. Когда, по удаленіи уже Болотникова, въ 1608 году царь прислалъ въ Калугу атамана Беззубцова убѣждать жителей ея, чтобы они смирились, послѣдніе отвѣчали: „не знаемъ царя кромѣ Дмитрія, ждемъ и скоро его увидимъ“. Дѣйствительно, Лжедимитрій II-й, извѣстный подъ именемъ Тушинскаго вора, вскорѣ (1 января 1610 г.) явился въ Калугу. Достаточно ему было сдѣлать воззваніе къ калужанамъ, чтобы они съ хлѣбомъ-солью вышли къ нему навстрѣчу и съ честью ввели его въ городъ (онъ прибылъ сначала въ Лаврентіевъ монастырь) [2]) Почти всѣ города нынѣшней Калужской губерніи были на сторонѣ бунтовщиковъ. Въ то время, какъ Тушинскій воръ затворился въ Калугѣ, положеніе

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 293. См. Изслѣдованіе о др. области вятичей, стр. 136.

[2]) Хавыковъ Лѣтопись Калужская отъ отдаленныхъ временъ до 1841 г. Москва, 1878 г., стр. 42—47.

прочихъ городовъ Калужской области, оставшихся на его сторонѣ, было самое печальное: ихъ грабили ляхи и особенно запорожцы. Они опустошили Козельскъ, Мосальскъ, Мещовскъ. Монастыри, служившіе тогда крѣпостями, также всѣ были разорены. 11 декабря 1610 года калужскій царекъ былъ убитъ татарами и похороненъ калужанами съ честью въ прежнемъ Троицкомъ соборѣ. Когда оставшаяся послѣ него Марина Мнишекъ родила сына Ивашку, Калужане были очонь довольны, называли его царевичемъ, крестили его съ возможнымъ волпколѣпіемъ [1]) По смерти Лжедимитрія Московская Боярская Дума присягнула Владиславу и послала въ Калугу воеводою кн. Никиту Юрьевича Трубецкого, который привелъ калужанъ къ присягѣ царевичу. Между тѣмъ ни поляки, ни литовцы, ни запорожцы не переставали разорять Калужскую область. Въ какомъ она бѣдственномъ состояніи находилась, это видно изъ письма кн. Трубецкого къ гетману Сапѣгѣ отъ 1611 г Князь пишетъ: „да здѣся, господине, въ Калугу приходятъ къ намъ дворяне, и дѣти боярскіе, и ихъ люди, и крестьяне и бьютъ челомъ Государю нашому царю и Великому князю Владиславу Жигимонтовичу, всея Русіи, что твоего войска литовскіе люди, Калужской, Воротынской и Перемышльской уѣзды воюютъ и людей побиваютъ, а малыхъ ребятъ емлютъ въ полонъ: и тебѣ бъ, господине, по Государеву указу и по боярскому приговору Калужскихъ и Воротынскихъ и Перемышльскихъ мѣстъ воевати, и въ полонъ никакихъ людей имати не велѣти, и уступити бъ тебѣ изъ Перемышля на непослушные мѣста“. [2])

Прошелъ періодъ междуцарствія, но государственная жизнь не скоро могла притти въ нормальное состояніе послѣ тяжелыхъ потрясеній. Враги государства долго еще продолжали безпокоить его, и Калужская область въ царствованіе уже Михаила Ѳеодоровича, во время первой польской войны, продолжала еще опустошаться польскими и литовскими войсками, казацкою вольницею и своими „ворами“. Калужскій, Мещовскій, Перемышльскій, Лихвинскій и Козельскій уѣзды воевались то панамъ Чаплинскимъ, то гетманомъ Сагайдачнымъ, то Лисовскимъ. Разореніе края прекратилось лишь съ заключеніемъ 14-лѣтняго перемирія съ поляками 1 декабря 1618 г. въ селѣ Деулинѣ [3]). Такимъ образомъ насе-

[1]) Тамъ же, стр. 52.

[2]) Акты Арх. Ком., т. IV, № 284.

[3]) Іер. Леонидъ. Ист. церкви въ предѣлахъ нынѣшней Кал. губ. стр. 137.

леніе края, и безъ того своевольное, въ данное время лишь развило дурныя черты своего характера и явилось хорошею почвою для раскола, который самъ основался на непокорении духовной власти.

Но важнѣйшею и главнѣйшею причиною ранняго насажденія и быстраго распространенія раскола въ Калужскомъ краю должно считать отсутствіе въ немъ въ эпоху насажденія и распространенія раскола ближайшаго церковно-административнаго надзора Въ концѣ XVI в. города Калужской области входятъ въ составъ цѣлыхъ трехъ епархій: 1) Патріаршей—Боровскъ, Малоярославецъ, Медынь Мосальскъ; 2) Суздальской—Таруса, Оболенскъ и Калуга и 3) Сарской (съ резиденціей епископа въ Крутицахъ)—Козельскъ, Перемышль, Лихвинъ, Мещовскъ, Серпейскъ и Воротынскъ. Помимо того, что черезполосица епархіальныхъ территорій должна была отражаться на самомъ ходѣ епархіальнаго управленія, еще хуже вліяла въ этомъ отношеніи самая удаленность частей епархіальныхъ отъ ихъ центровъ. Епархіальнымъ архіереямъ не было возможности лично надзирать свою паству и руководить ея жизнью, а это вело къ различнымъ безпорядкамъ и нестроеніямъ: съ одной стороны, разные свѣтскіе приказные управители, десятинники и боярскіе дѣти усилились и, управляя заглазно отъ архіерея, допускали всевозможныя злоупотребленія, съ другой—дѣятельность выборныхъ органовъ епархіальнаго управленія—поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ, этихъ блюстителей духовнаго чина, ослабѣла и была не въ состояніи поддерживать церковнаго благочинія. Между тѣмъ въ Калужской области, населеніе которой сложилось изъ всевозможныхъ отбросовъ, именно и требовалось особенно сильное вліяніе церкви. Этотъ недостатокъ сознавало, очевидно, и само правительство, посылая въ Калугу усмирять возставшее во имя царевича Димитрія населеніе никого иного, какъ Крутицкаго митрополита Пафнутія. Но калужане, не только не послушавъ, но и не принявъ владыки, доказали, насколько они привыкли къ своеволію. Въ 1668 г. города и уѣзды ихъ, входившіе въ составъ Суздальской епархіи, отошли къ Патріаршей, и такимъ образомъ Калужская область вошла въ составъ уже только двухъ епархій, Патріаршей и Крутицкой, но владыки ни той, ни другой, какъ завѣдывавшіе многолюдными по территоріи епархіями и обремененные дѣлами по управленію вообще русскою церковью—первый въ званіи патріарха, а послѣдній въ качествѣ его

помощника—не могли опять таки лично и съ надлежащею внимательностью руководить ввѣренными имъ паствами. Вотъ почему царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1681 г. указывалъ на необходимость устроить между прочими епархіями и епархію Калужскую, но проэкту царя суждено было не скоро осуществиться. Такъ долго еще суждено было Калужской области входить своими частями въ составъ различныхъ епархій и не имѣть одного руководителя, который бы оберегалъ ее отъ тлетворныхъ ученій

Такимъ образомъ Калужскій край представлялъ собою самую удобную почву для раскола, и мы, дѣйствительно, видимъ, что послѣдній здѣсь насаждается одновременно съ возникновеніемъ его на Руси. Расколъ распространился почти въ одно время сразу въ трехъ пунктахъ края. въ сѣверномъ—Боровскѣ, центрѣ—Калугѣ и въ южномъ—брынскихъ лѣсахъ.

Въ сѣверномъ краю Калужской губерніи насадителемъ его явился знаменитый расколо-учитель, бывшій протопопъ Юрьевца Повольскаго, Аввакумъ, который два раза былъ ссылаемъ въ Боровскій Пафнутіевъ Монастырь [1]).

Въ первый разъ Аввакумъ былъ сосланъ въ Пафнутіевъ монастырь въ 1666 году. Привезенный въ Москву изъ Мезени, куда онъ былъ отправленъ передъ тѣмъ въ ссылку, на открывшій свои засѣданія соборъ, Аввакумъ былъ отданъ предварительно на увѣщаніе крутицкому митрополиту Павлу. Но увѣщаніе не имѣло никакого дѣйствія на убѣжденнаго „священно-протопопа". Тогда правительство, такъ какъ еще нужды въ Аввакумѣ на соборѣ не было, рѣшило выслать его на время изъ Москвы, справедливо опасаясь, что пребываніе его въ столицѣ, гдѣ онъ имѣлъ много послѣдователей и лицъ сочувствующихъ, можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Мѣстомъ такого временнаго пребыванія и былъ избранъ Боровскій Пафнутіевъ монастырь, гдѣ Аввакумъ пробылъ въ этотъ разъ 8½ недѣль—съ 9 марта по 13 мая. „И привезше къ Москвѣ—разсказываетъ самъ Аввакумъ—козновавъ и стязався со мною у крутицкаго митрополита Павла, отвезли въ Пафнутіевъ монастырь и посадили на цѣпь" [2]).

---

[1]) С. М. Марковъ. Протопопъ Аввакумъ въ Боровскомъ Пафнутіевомъ монастырѣ. Калуж. Епарх. Вѣдом. 1882 г. №№ 23 и 24.

[2]) Краткая записка (Аввакума) о своемъ страданіи и страданіи своихъ соузниковъ. Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, V т. 114 стр. Москва 1899 г.

Нѣтъ прямыхъ указаній на то, проповѣдывалъ ли Аввакумъ расколъ въ Боровскѣ въ этотъ разъ, но слѣдующее обстоятельство даетъ основаніе отвѣтить на это утвердительно. Желая еще воротить фанатичнаго протопопа на путь истины, духовныя власти прислали въ Боровскъ для увѣщанія Аввакума ярославскаго діакона Косму съ подъячимъ патріаршаго престола. Но Косма оказался человѣкомъ, въ душѣ сочувствующимъ Аввакуму, и, вмѣсто увѣщаній, наединѣ даже поддерживалъ его. „Козьма той—пишетъ въ своемъ „житіи“ Аввакумъ—не знаю, коего духа человѣкъ: въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобы онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня:! Просто молвить; отрекся предъ Никономъ Христа, такъ уже, бѣдный, не можетъ встать“... [1]). Какъ лице, уполномоченное высшими властями, Косма, конечно, долженъ былъ имѣть авторитетъ у начальствующихъ монастыря, и едва-ли онъ, при сочувствіи къ Аввакуму, не воспользовался своимъ значеніемъ, чтобы облегчить участь узника. И Аввакумъ, дѣйствительно, совсѣмъ не жалуется, чтобы ему тяжело жилось во время этого пребыванія его въ Пафнутіевомъ монастырѣ. Но для Аввакума нужна была очень сравнительно небольшая свобода, чтобы онъ ею съ обычной энергіей воспользовался для проповѣди. Поэтому вполнѣ возможно, что сѣмена раскола были посѣяны Аввакумомъ въ Боровскѣ еще въ это его пребываніе въ монастырѣ.

Снова возвращенный въ Москву для соборнаго суда надъ нимъ, Аввакумъ за хулы на православную церковь и соборъ постановленіемъ послѣдняго „правильно осудися іерейства лишенъ быти и анаѳемѣ предатися“ [2]). Соборный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе надъ Аввакумомъ 13 мая того же 1666 года; послѣ чего разстриженнаго протопопа, продержавъ нѣсколько времени на патріаршемъ дворѣ, помѣстили въ Никольскій Угрѣшскій монастырь, гдѣ онъ и пробылъ съ 15 мая 1666 г. по 5 сентября 1667 г. [3]). Но обнаруженныя тайныя сношенія Аввакума съ сво-

[1]) Матер. для исторіи раскола. т. V. стр. 68—69.

[2]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 г.г. Изд. братства Св. Петра митр., л. 16. Москва 1881 г.

[3]) Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 70

ими родственниками побудили правительство удалить узника изъ подмосковнаго монастыря въ болѣе отдаленный, и таковымъ опять былъ выбранъ Боровскій Пафнутіевъ монастырь.

Были приняты самыя строгія мѣры какъ относительно переправки Аввакума изъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, такъ и содержанія его въ Боровскомъ Пафнутіевомъ монастырѣ. Игумену этого монастыря Парѳенію съ братіею былъ посланъ царскій указъ, въ которомъ говорилось: „по нашему великаго государя указу посланъ къ вамъ въ монастырь бывшій протопопъ Аввакумъ Николского Угрѣшскаго монастыря с провожатыми на ихъ монастырской подводѣ И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ и протопопа Аввакума къ вамъ привезутъ, и вы бъ ево Аввакума приняли и велѣли посадить въ тюрму и приказали ево беречь накрѣпко с великимъ опасеніемъ, чтобъ онъ с тюрмы не ушелъ и дурна никакова бъ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать и никого к нему пускать не велѣть, а корму давать какъ и прочимъ колодникамъ. А котораго числа ево Аввакума въ монастырь посадите, о томъ къ намъ великому государю отписать“ [1])

5 сентября 1667 г. прибылъ въ Пафнутіевъ монастырь и самъ Аввакумъ. Монастырское начальство въ точности исполнило царскій указъ и строго держало Аввакума въ заключеніи, но неожиданный случай сразу измѣнилъ положеніе узника, и ему была предоставлена полная свобода для проповѣди. Вотъ какъ повѣствуетъ про этотъ случай самъ Аввакумъ: „У келаря Никодима [2]) попросился я на великій день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ двери отворя, на порогѣ посидѣть. И онъ меня наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ, въ келію пришедъ, разболѣлся: масломъ соборовали и причащали, и тогда сегда (?) здохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой. И въ нощи противъ вторника пріиде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ, въ ризахъ свѣтлыхъ, и покадивъ его и, за руку взявъ, воздвигнулъ: и бысть здравъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу, идучи говоритъ: блаженна обитель,—таковыя имѣетъ темницы! Блаженна темница,—таковыхъ въ себѣ имѣетъ страдальцовъ! Блаженны и узы! И палъ предо мною, ухватился

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, т. I, стр. 372.

[2]) Игуменъ монастыря въ это время проживалъ въ Москвѣ.

за чѣпь, говоритъ: прости, Господа ради, прости! Согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою; оскорбилъ тебя, и за сіе наказалъ мя Богъ. И я говорю: какъ наказалъ? повѣждь ми. И онъ паки: а ты-де самъ, приходя и покадя, меня пожаловалъ и поднялъ,—что де запираешся! А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: я, батюшко-государь, тебя подъ руку вывелъ ис кельи, да поклонися тебѣ, ты и пошелъ сюды. И я ему заказалъ, (чтобъ) людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ, или-де мнѣ велишь покинуть все и въ пустыню поити. Азъ же его понаказавъ, а не велѣлъ сму келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держалъ старое преданіе отеческое. Онъ же поклонялся, отъиде къ себѣ, и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людіе жо безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня: а я ихъ учу отъ писанія и ползую словомъ Божіимъ. Въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирилися тутъ... Добрыхъ дѣлъ нѣтъ: а прославилъ Богъ!“ [1]), съ притворнымъ смиреніемъ заключаетъ Аввакумъ разсказъ о своемъ „чудѣ“. Нечего, конечно, говорить, что это „чудо“ явилось плодомъ разстроеннаго воображенія неудачно разговѣвшагося келаря Никона, но оно тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ разсказа, послужило въ пользу Аввакума, который сразу пріобрѣлъ въ глазахъ даже монаховъ ореолъ святости и получилъ возможность съ этого времени свободно проповѣдывать расколъ. Правда, пребываніе его послѣ этого „чуда“ продолжалось недолго, такъ какъ 30 апрѣля онъ уже былъ удаленъ изъ монастыря, но сѣмена раскола были брошены и при томъ на очень удачную почву: монахи, какъ болѣе компетентные, по мнѣнію народа, въ рѣшеніи богословскихъ вопросовъ, были на сторонѣ Аввакума, и они, конечно, поддерживали (хотя, можетъ быть, и не явно) сторону поборниковъ старины, каковые были, надо полагать, еще и до Аввакума въ Боровскѣ, какъ городѣ, сосѣднемъ съ Москвою, откуда слухи о „Никоновскихъ новшествахъ“ легко могли проникнуть и сюда. Далѣе, есть извѣстіе, что Аввакума посѣщали въ монастырѣ его дѣти вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Юродивымъ [2]), которые, конечно, не преминули на пути и въ мѣстѣ посѣщенія пропагандировать расколъ. Но гораздо болѣе ихъ въ этомъ отношеніи имѣли значеніе

---

[2]) **Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 73—74.**

[3]) **Тамъ же, т. V, стр. 74.**

пріятельницы Аввакума, сестры изъ рода Соковнинныхъ—княгиня Евдокія Урусова и боярыня Ѳеодосья Морозова. Обѣ онѣ, какъ извѣстныя покровительницы раскола и усердныя почитательницы Аввакума, были сосланы также въ Боровскій дѣвичій Рождественскій монастырь, что на Гноищѣ [1]). Здѣсь онѣ нашли заключенныхъ также за старовѣрство инокиню Іустину и Марью Данилову (жена стрѣлецкаго полковника Акинфея Ивановича Данилова). Сосланныя были посажены въ острогъ, въ земляную тюрьму, но тѣмъ не менѣе поддерживали сообщеніе съ своими единомышленниками. Имъ помогалъ въ этомъ мужъ Даниловой, который въ Москвѣ задабривалъ стрѣльцовъ, отправлявшихся въ Боровскъ караулить узницъ. Подкупленные стрѣльцы свободно пропускали въ тюрьму пріятельницъ Морозовой, старицъ Елену, Меланію и племянника Даниловой Родіона. Боровичи замѣтно сочувствовали страдалицамъ и пособляли имъ, чѣмъ могли. Такъ боровитянинъ Панфилъ на пыткахъ сознался, что однажды онъ, истекая кровью, сказалъ свой женѣ: „Агриппина! теперь хорошо стало, свободно, отнеси свѣтамъ тѣмъ поскорѣе луку печенаго рѣшето“ [2]). Въ Боровскѣ до сихъ поръ на городищѣ сохранился камень на могилѣ Морозовой и Урусовой. На камнѣ высѣчена надпись, нынѣ уже почти изгладившаяся Посѣтившій въ 1820 г. Боровскъ П. М. Строевъ прочелъ слѣдующее: „Лѣта 7... погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокія Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина.. жена.. Морозова боярыня Ѳеодосья Прокопьевна, а въ инокахъ инокосхимница Ѳеодора; а дщери окольничаго Прокофья Ѳедоровича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Ѳедоръ Прокофьевичъ, да окольничей Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины“ Жители города имѣютъ до сихъ поръ большое уваженіе къ могилѣ боярынь и въ прежнія времена служивали на ихъ могилѣ панихиды. Облеченныя въ глазахъ гражданъ города, подобно Аввакуму, вѣнцомъ мученичества, онѣ должны были имѣть на отщепенцевъ отъ православія сильное вліяніе.

Послѣ удаленія Аввакума дѣло распространенія раскола взялъ на себя одинъ изъ его поклонниковъ, попъ Поліевктъ, который, по свидѣтельству раскольническаго историографа Андрея Денисова,

[1]) Упраздненъ въ 1764 г. при учрежденіи духовныхъ штатовъ

[2]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Москва 1872 г., стр. 148—149.

кромѣ ревности къ распространенію раскольническаго ученія, обладалъ еще даромъ краснорѣчія. „Егда, витіевато пишетъ Андрей Денисовъ, Никоновыхъ нововведенныхъ догматовъ многосмущенный мятежъ Россійскую колебати нача церковь, и архіереи и іереи, преослабѣвше, трепетомъ объяти, омрачишася: тогда дивный Божій священникъ стадо свое, яко добрый всегдашними поученьми присно и вседобро утверждаше; да въ древле-отеческомъ православіи непоколебимо преобываютъ, да ново прозябшихъ, многосмущенныхъ новинъ стрегутся. И не только до сихъ Поліевктова языка всекрасный умножается плодъ; но еще сугубо добро плодствуетъ, и по смерти яко розга процвѣтаетъ, по того бо блаженномъ скончаніи, того стада овцы паки ревностно православія утвердившеся, познавше гласъ добраго пастыря, ко инымъ пастыремъ чуждая и новая учащимъ послѣдовати, или прибѣгнути весьма не восхотѣша“ [1]) Проповѣдь Поліевкта имѣла на боровичей громадное вліяніе: онъ мало того, что распространилъ и усилилъ расколъ, но еще болѣе разжегъ фанатизмъ своихъ послѣдователей Уже Аввакумъ въ своемъ сочиненіи. „книга на крестоборную ересь“ писалъ: „въ Боровскѣ Поліевкта священника и съ нимъ 14 человѣкъ сожгли; въ томъ же Боровскѣ 30 человѣкъ сожгли“ [2]). Такъ сурово, конечно, было поступлено съ болѣе фанатичными, но, разумѣется, большинство раскольниковъ осталось нетронутымъ

Вторымъ послѣ Боровска значительвымъ раскольническимъ пунктомъ въ предѣлахъ Калужскаго края явилась сама Калуга Есть основаніе думать, что калужане приняли живое участіе еще въ самыхъ спорахъ изъ-за книжнаго исправленія до оффиціальнаго отдѣленія раскольническаго общества отъ правосл. церкви. Въ силу торговыхъ, а главнымъ образомъ церковно-административныхъ отношеній съ Москвою, въ сосѣдней Калугѣ должны были все знать, что дѣлалось въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ мы находимъ въ Калугѣ ранніе отголоски раскольническихъ московскихъ смутъ. Такъ во время моровой язвы въ 1654 г., когда патр. Никонъ по просьбѣ царя отправился съ царскимъ семействомъ въ мѣста свободныя отъ мороваго повѣтрія, ревнители старины распустили молву, будто общественныя бѣдствія постигли государство за начатое патр. Никономъ исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и, въ под-

[1]) **Русскій расколъ. Щапова, стр. 229.**

[2]) **Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 264.**

твержденіе своихъ догадокъ, ссылались, между прочимъ, на видѣніе какой-то женки Стефанидки „калуженки“ и брата ея Терешки, утверждавшихъ, что имъ было видѣніе отъ образа о прекращеніи печатанія новоисправленныхъ книгъ [1]).

Въ Калугѣ, какъ и въ Боровскѣ, расколъ былъ насажденъ одновременно съ возникновеніемъ его на Руси; по крайней мѣрѣ уже въ концѣ XVII ст. она становится извѣстною въ государствѣ въ качествѣ города, имѣющаго раскольническое населеніе. Такъ въ одной пасхаліи 1623 г. есть позднѣйшая раскольническая замѣтка путеводнаго характера, которую г. Ундольскій относитъ къ концу XVII в., гдѣ, между прочимъ, говорится: „приматовать: ѣхати по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска, а отъ Почепа въ Стародубъ“... [2]).

Имена первыхъ распространителей раскола въ Калугѣ остались неизвѣстны, но несомнѣнно, что духовенство городское составило передовые ряды отщепенцевъ отъ православной церкви. Съ самаго конца XVII в. и до 20-хъ годовъ XVIII въ числѣ старообрядствующихъ считался здѣсь сначала игуменъ (съ 1698 г.), а съ 1708 г. архимандритъ Калужскаго Лаврентьева монастыря Каріонъ, какъ свидѣтельствовали въ 1720 г. московскіе священники, бывшіе управители Тіунской палаты, Вознесенской, что за Серпуховскими воротами, церкви Иванъ Ѳеоктистовъ и Воскресенской, что въ Монетчикахъ, церкви Никифоръ Михайловъ. По ихъ свидѣтельству „въ томъ градѣ (Калугѣ) болши двадцати лѣтъ самъ (Каріонъ) чинилъ соблазнъ и противность церкви святѣй и того града священникамъ и жителемъ во всемъ чинилъ прикрытіе и охраненіе и потачку“, [3]) а по свидѣтельству Антонія, арх. Златоустовскаго монастыря, бывшаго судіи Приказа Церковныхъ Дѣлъ, „тамъ же раскольницами оказались игуменья Калужскаго Казанскаго дѣвичьяго монастыря Гавдѣла и ея предмѣстница Ѳеодосія. По показаніямъ старицiи Евгеніи, говоритъ Антоній, въ этомъ монастырѣ, кромѣ восьми старицъ, о которыхъ показала именами,

---

[1]) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, т. III, № 178.

[2]) Славяно русскія рукописи. В. М. Ундольскаго. Москва 1870 г., № 436, стр. 325.

[3]) Каріонъ умеръ въ январѣ 1720 г., а на его мѣсто былъ опредѣленъ іеромонахъ Александро-иевскаго монастыря Авраамій Шаровкинъ. Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Сунода, I т. № $^{621}/_{429}$.

всѣ раскольницы. Такожъ того града всѣ священники всякое священное служеніе отправляли по старопечатнымъ служебникамъ и требникамъ и другимъ книгамъ, и обхожденіе круга имѣли по солнцу, о чемъ ихъ доношеніемъ показали, что они иное чинили за волю своихъ прихожанъ и смотря на означеннаго арх. Каріона" [1]).

Прикрываясь именами такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ архимандритъ и игумены монастырей, и бѣлое духовенство гор. Калуги не считало нужнымъ таить свою приверженность къ расколу. По крайней мѣрѣ въ началѣ XVIII ст., когда уже особенно были строги законы по отношенію къ раскольникамъ, духовенство городское почти все поголовно является старообрядчествующимъ. Тѣ же московскіе священники—Иванъ Ѳеоктистовъ и Никифоръ Михайловъ доносили Св. Суноду въ 1724 г., что, занимаясь съ 1717 г. розыскомъ раскольниковъ, между прочимъ, и въ Калугѣ: „не токмо во всѣхъ города того жителяхъ, но и во всѣхъ духовнаго чина людехъ,—нашимъ преслѣдованіемъ черезъ всякіе способы,—безъ всякаго фальша изыскана самая раскольническая прелесть и показана явно, какъ всѣ священники града того соблазны церкви святой чинятъ; по двѣ евхаристіи имѣютъ; на семи просфорахъ служатъ, посолонь круга въ таинствахъ обхожденіе имѣютъ за волю своихъ прихожанъ, въ чемъ имъ, калужскимъ жителемъ, на себя и записи давали. Еще въ великороссійскомъ государствѣ—добавляли они—неслыханная нововведенная ересь, что хиротонисанные священники христіанъ исповѣдываютъ и святыхъ таинъ причащаютъ и святымъ елеемъ освящаютъ по старопечатнымъ требникамъ, а послѣ того раскольническіе монахи надъ таковыми таинства еще переправляютъ, и постригаютъ и схимятъ, и складываютъ внѣ града и церкви святой тѣ противническія тѣлеса, отвозя на боръ въ лѣсъ" [2]).

Уличенные Приказомъ Церковныхъ Дѣлъ старообрядствующіе Калужскіе священники въ 1720 г. дали присягу въ томъ, что на будущее время держаться раскола не будутъ, но на самомъ дѣлѣ не отставали отъ закоренѣлой привычки. Не прошло и года, какъ многіе изъ нихъ нарушили присягу, а именно: 1) Покровскій попъ Меѳодій да дьяконъ Матвѣй послѣ присяги вѣнчали свадьбы и крестили младенцевъ и отправляли всякія требы по старопечатнымъ требникамъ и хожденіе творили посолонь; 2) Рождественскій

[1]) Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Сунода, I т. № 296.

[2]) Тамъ-же, № 306.

попъ Иванъ Ивановъ послѣ присяги, о св. недѣлѣ, въ выходѣхъ со святыми образами ходилъ посолонь же, да онъ же допросомъ показалъ, что на вечернѣ на входѣ послѣ возглашенія: премудрость прости, запѣвалъ по старопечатному служебнику: свѣте тихій и съ его гласу запѣвали пѣвцы; 3) Богоявленскій попъ Аѳанасій Мелентьевъ, послѣ же присяги, прихожанъ своихъ въ великій постъ исповѣдывалъ по старопечатному требнику и св. таинъ причащалъ изъ св. потира по трижды; 4) Георгіевскій попъ Евдокимъ Михайловъ тоже служилъ по старопечатнымъ служебникамъ и кромѣ того осьмиконечнымъ дарникомъ просфоры печаталъ и всякія требы исправлялъ (?) на семи просфорахъ; онъ же ноября въ 26 день, на воскресной утрени, послѣ каѳизмъ, читалъ евангеліе со звономъ, да на той же утрени, послѣ славословія, вторично читалъ евангеліе святому со звономъ же безъ прокимна". Кромѣ этихъ священниковъ и всѣ вообще Калужскіе попы явились въ расколѣ „подозрительны и потатчики", исключая только Никольскаго попа Иродіона Кузьмина, да доносителя Никольскаго попа Аѳанасія Герасимова, который былъ въ ту пору въ Калугѣ инквизиторомъ [1].)

Вслѣдъ за пастырями понятно шли и пасомые. Въ городѣ почти всѣ поголовно оказались раскольниками Такъ 29 марта 1721 г. Антоній доносилъ Св. Сѵноду: „въ 1720 г. отправленъ былъ изъ Приказу Церковныхъ Дѣлъ въ Калугу священникъ Никифоръ Михайловъ, для изслѣдованія церковнаго благочинія и забранія о духовенствѣ росписей у тамошнихъ поповъ, и по изыскиванію его явились за Калугою въ пяти верстахъ на бору раскольническія кладбища, въ которыхъ по осмотру того священника явились погребены многіе старцы и старицы знатно и живые, понеже у нихъ рукп и ноги связаны и на устѣхъ подушки, и сандалии и чулки съ ногъ сбиты, изъ которыхъ тамошніе жители именуютъ за святаго погребеннаго въ тѣхъ кладбищахъ старца Ѳеофана [2]) и поютъ по немъ панихиды, и многіе того града жители являютъ себя подъ видомъ благочестія, укрывая свое раскольство, а по всему видно, едваль не всѣ раскольщики, потому

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Сѵнода, II т., № $^{1112}/_{402}$.

[2]) До сихъ поръ сохранилась въ городскомъ бору его могила, извѣстная подъ именемъ „Ѳофановой". Раскольники еще недавно служили надъ ней панихиды; служатъ ли теперь, неизвѣстно, но на поклоненіе ходятъ до сихъ поръ.

что о исповѣди своей приходскимъ попамъ не объявляютъ, и оные попы о таковыхъ противникахъ, кто въ церковь не ходитъ, не объявляютъ же. Да и потому ихъ раскольническая прелесть познавается, понеже во многихъ домѣхъ есть пристанище раскольникомъ, изъ которыхъ уже и пойманы: раскольническій старецъ Андроникъ и старица Еремиопа, да раскольническій же учитель Яковъ со внукомъ Василіемъ Ругадевцовы, у которыхъ выняты приворотныя письма и многія просфоры, крошенныя въ сухари. А паче всего, прибавляетъ Антоній, какъ записные, такъ и потаенные раскольщики большое упрямство и твердую вѣру емлютъ, смотря на противное начертаніе перстовъ на святыхъ иконахъ, которые за волю ихъ исполняютъ ради скверныхъ своихъ прибытковъ иконники“ [1]). Много было въ городѣ раскольниковъ и изъ лицъ, занимавшихъ служебное положеніе, которые, пользуясь своею властью, тормозили сыскъ раскольниковъ. Хотя „нашимъ старательствомъ о церкви святой—писали бывшіе управители Тіунской конторы—вси града того (Калуги) жители, по изобличеніи нашемъ въ раскольнической ихъ прелести, обѣщались повинную принести Государю; но понеже тому изслѣдованію изрядное раскольническое препятіе и остановка учинилася черезъ происк и ласканіе раскольническое тамошняго судіи земскихъ дѣлъ Алексѣя Давыдова съ товарищи, то нынѣ чинится намъ отъ раскольниковъ вездѣ напрасное турбованіе“ [2]) Арх. Антоній въ своемъ донесеніи Св. Суноду отъ 1721 г. разъясняетъ намъ, въ чемъ же именно заключалось покровительство названнаго судьи Давыдова раскольникамъ. „Отправлены были отъ меня въ Калугу съ вышеозначеннымъ священникомъ (Никифоромъ Михайловымъ)—пишетъ онъ—подъячіе Михайло Парѳеньевъ, да Григорій Русиновъ и писецъ Василій Алексѣевъ. И оныхъ подъячихъ, пишетъ Антоній, тамошній отъ юстицъ коллегіи судья господинъ Давыдовъ, не знамо по какимъ дѣламъ, забравъ держитъ у себя оковавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ и изслѣдованію церковному благочинію и духовнымъ дѣламъ учинилъ остановку, токмо помянутый посланный въ Калугу попъ и съ нимъ капралъ и того града протопопъ сказками объявили, что будто оные подъячіе забраны по фискальному доношенію.... въ убивствѣ раскольника Якова Ругадевцова. Не ток-

[1]) Полн. собр. пост. по Вѣд. Прав. Испов., т. I, стр. 56—57
[2]) Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, II т. № 306/248.

мо оныхъ подъячихъ и писца онъ судья держитъ подъ карауломъ, но и вышеписаннаго Никольскаго дьякона Аѳанасія Герасимова держитъ же будто въ убивствѣ помянутаго жъ колодника Ругадевцова, и потому видно, что оный... проискъ чинится отъ тамошнихъ жителей, понеже оный діаконъ доношеніемъ объявилъ, что онъ во многихъ домѣхъ знаетъ пристанище раскольникомъ, пріѣзжимъ съ Вѣтки, которые нынѣ пріѣзжаютъ въ Калугу для исповѣди и причастія тамошнихъ жителей, которыхъ хотѣлъ онъ діаконъ всемѣрно изыскать. Оный же судья, господинъ Давыдовъ, доносилъ еще Антоній, держитъ подъ карауломъ Серпейскаго уѣзда крестьянина Гаврилу Ѳедорова, который, будучи тамъ подъ карауломъ, подалъ въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ доношеніе, что онъ многихъ въ Калугѣ знаетъ въ разныхъ домѣхъ раскольническихъ учителей“ [1])

Положеніе православнаго въ городѣ, особенно если онъ являлся доносчикомъ на раскольниковъ, было очень незавидное. Раскольники расправлялись съ таковымъ своимъ судомъ, посредствомъ домашней расправы. Такъ „кабацкой бургомистръ Золотаревъ, кромѣ синодальнаго суда, захватя билъ батогами доносителя раскольническаго, Спасскаго дьячка Ивана Петрова“, и такъ прибилъ его, что „отъ того бою дьячекъ умре“. Интересно, что при этомъ бою присутствовалъ „калульской староста поповской раскольникъ попъ Иванъ Захаровъ“, который также билъ несчастнаго доносителя и „приговаривалъ: не будь де доносителемъ на раскольниковъ; а инымъ достанется де и не такъ, кто раскольщиковъ мѣняетъ и на нихъ доноситъ“.

Расколъ, по свидѣтельству арх. Антонія, въ Калугѣ былъ такъ силенъ, что онъ считалъ необходимымъ „для увѣренія присягою архимандрита Каріона, игуменьи и старицъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, соборнаго протопопа и прочихъ приходскихъ поповъ и тамошнихъ всѣхъ жителей отъ семилѣтнихъ даже и до престарѣлыхъ“ послать въ Калугу „искусныхъ священниковъ“ или „ему самому ѣхать для лучшаго въ томъ изслѣдованія, дабы тую раскольническую прелесть суще искоренять“. А „безъ того,—писалъ онъ далѣе,—той ихъ раскольнической прелести искоренить не возможно, понеже она происходитъ подъ видомъ благочестія“ [2]).

---

[1]) Поли. собр пост. по вѣд. прав. испов., т. I, стр. 59—60.

[2]) Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. I, № $^{206}/_{40}$.

Св. Сунодъ былъ вынужденъ особенно строго поступить съ священниками калужскими, которые, по принятіи ими присяги въ 1720 г., всетаки продолжали старообрядствовать. „Поповъ, которые, по учиненіи присяги, по раскольническому обыкновенію отправляли церковныя и прочія требы, по изверженіи священства,— опредѣлилъ онъ, — отослать въ розыскную раскольническихъ дѣлъ канцелярію, а на ихъ мѣста опредѣлить отрѣшенныхъ отъ обрѣтающихся въ Москвѣ въ господскихъ домахъ церквей и изъ крестцовыхъ священниковъ доброжелательныхъ; и прочихъ калужскихъ поповъ, которые не въ весьма великихъ преступленіяхъ явились отъ тѣхъ церквей, у которыхъ они служили, не отрѣшать, токмо присмотръ надъ ними во всякихъ исправленіяхъ имѣть онымъ новоопредѣленнымъ священникамъ, а обрѣтающіяся въ Калугѣ во всѣхъ церквахъ старопечатныя книги, отобравъ въ Духовную Дикастерію, отдать въ Сунодальную книгохранительницу, а вмѣсто ихъ новоисправленныя книги въ московской типографіи купить на церковныя деньги и приходскихъ людей и пождвеніе; также какъ оныхъ новоопредѣленныхъ священниковъ, такъ и прочихъ духовнаго и мірскаго чина людей всѣхъ калужскихъ обывателей привесть къ присягѣ [1]). Но строгія мѣры, которыя принимало духовное и гражданское правительство, хотя и значительно ослабили расколъ въ Калугѣ, тѣмъ не менѣе не искоренили въ жителяхъ склонности къ старымъ обрядамъ. Такъ, по доносу дьячка Калужской Казанской церкви Алексѣя Борисова (въ 1734 г) „того города Калуги вся купечина означенной церкви прихожане имѣютъ расколъ и крестятся двуперстнымъ сложеніемъ". По его словамъ, старообрядствовали даже семейные духовныхъ лицъ, а послѣдніе, не допуская уже прежняго явнаго оказательства расколу, тѣмъ не менѣе снисходили къ слабости своихъ прихожанъ и семейныхъ [2]).

Третьимъ и, можно сказать, для своего времени наиболѣе значительнымъ раскольническимъ пунктомъ въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи были извѣстные въ исторіи раскола такъ называемые „брынскіе", а по нѣкоторымъ историческимъ памятникамъ „брянскіе" лѣса. Первое свое названіе лѣса получили отъ протекающей по Жиздринскому и Мещовскому уѣздамъ рѣки Брыни,

---

[1]) Тамъ же, т. II, № $^{1112}/_{492}$

[2]) Арх. Св. Сунода. Дѣло отъ 1743 г., № 349.

второе—отъ города Орловской губерніи. Но это два мѣстныхъ названія одного и того же лѣса, который тянулся непрерывною полосою къ югу отъ рѣки Угры, а потому все, что говорится о расколѣ въ „брянскихъ лѣсахъ", можно относить и къ „брынскимъ" и наоборотъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе между Брынью и Брянскомъ равняется всего лишь 100 верстамъ. Свѣдѣнія о расколѣ въ брынскихъ лѣсахъ мы получили отъ святителя Димитрія Ростовскаго, который въ своей книгѣ: „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ" даетъ цѣнныя данныя для сужденія о времени насажденія и о начальномъ состояніи раскола въ этихъ лѣсахъ.

Неизвѣстно, кто явился первымъ насадителемъ брынскаго раскола. Авторъ „Розыска" называетъ вообще брынянъ учениками Аввакума [1]), но такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Аввакумъ когда-либо проповѣдывалъ въ брынскихъ лѣсахъ, надо думать, что святитель Димитрій именуетъ такъ раскольниковъ въ смыслѣ послѣдованія ихъ ученія Аввакума По примѣру Боровска и Калуги, гдѣ главными зачинщиками раскола явились лица духовнаго званія, можно допустить предположеніе, что и въ южной части нынѣшней Калужской епархіи начало расколу положило мѣстное духовенство, тѣмъ болѣе, что на это есть косвенное указаніе. Въ 1664 году челобитствовала царю Алексѣю Михайловичу игуменья Козельскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, упраздненнаго къ 1764 году, Маремьяна на уставщицу и крылошанокъ того же монастыря; въ челобитной она, между прочимъ, писала: „а нынѣ, Государь, крылошанка Ефимья сошла съ крылоса, не хотя по новымъ книгамъ говорить, да изъ моей кельи крылошанку въ младыхъ лѣтахъ запретила..., и я, Государь, ту крылошанку про то истезала, что и она по новымъ книгамъ не говоритъ: и въ палатку ее сажала и на цѣпь, и въ кельѣ, Государь, поучала, и на соборѣ, Государь, хотѣла ее плетьми бить и уставщикъ ее отпечаловалъ Василей. И мнѣ крылошанки говорятъ: какъ была на уставѣ Елена Хрущова и приказала намъ пѣть и говорить, такъ мы и ноньчи хотимъ, и говорятъ по ея уставу. И та, Государь, Елена уставщица бьетъ челомъ тебѣ, Великій Государь, и святителю Крутицкому митрополиту Павлу, будто я нищая твоя царская богомолица по тѣмъ новымъ книгамъ говорить не велѣла, а я, Государь, въ грамотѣ не умѣю.. А какъ тѣ книги новые... въ

[1]) Розыскъ, л. 36, Кіевск. изд. 1859 г.

монастырь присланы, и она, Елена, съ тоя поры и въ церковь перестала ходить... [1]) Но раскольническое населеніе брынскихъ лѣсовъ, о которомъ говорится въ Розыскѣ, главнымъ образомъ составилось изъ пришельцевъ, бѣжавшихъ отъ кары правительства въ лѣсную чащу бывшей Украйны, куда съ трудомъ проникалъ глазъ сыска, и откуда легко можно было перешагнуть за „рубежъ". Раскольническое скопище въ лѣсахъ образовалось очень рано, въ первые же года возникновенія раскола на Руси. Основаніе такъ думать даетъ св. Димитрій. Когда онъ занималъ епископскую ростовскую каѳедру (1702—1709 г.г.), его посѣтилъ нѣкто старецъ Пахомій, уроженецъ Пошехонскаго уѣзда (Ярославской губ.). Пахомій еще въ дѣтствѣ былъ заведенъ въ брынскіе лѣса, гдѣ выросъ и воспитывался, дважды былъ перекрещиваемъ раскольниками безпоповщинскаго и поповщинскаго толка [2]). Если предположить, что „старцу" Пахомію во время посѣщенія имъ св. Димитрія было всего лишь 50 лѣтъ, то и тогда начало раскола въ брынскихъ лѣсахъ нужно отнести ко времени его первоначальнаго возникновенія на Руси.

Собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ брынскіе раскольники не держались какого-либо одного толка, а дробились на массу различныхъ сектъ. Каждая секта группировалась около своего скита, который носилъ въ большинствѣ случаевъ имя своего основателя. „Елико скитовъ, толико вѣръ", замѣчаетъ св. Димитрій. Скиты замѣтно возникли на первыхъ же порахъ заселенія брынскихъ лѣсовъ раскольниками. Св. Димитрій разсказываетъ, что въ ноябрѣ 1708 г. его посѣтилъ іеромонахъ Іосафъ, строитель Спасской Роевской пустыни, Балахонскаго уѣзда, и далъ ему тетрадки неизвѣстнаго автора, содержащія „слово отвѣтное противураскольщиковъ". Въ этихъ тетрадкахъ, между прочимъ, были перечислены названія брынскихъ скитовъ или сектъ. Имена эти слѣдующія: христовщина, иконоборщина, поповщина, безпоповщина, чувственники, кривотолки, онуфріевщина, ефросиновщина, іосиповщина, калиновщина, кипріановщина, напріоновщина, серапіоновщина, козминщина, волосатовщина, исаковщина, стефановщина, аввакумовщина, сожигатели, морельщики. Въ слѣдующемъ году св. Димит-

[1]) Челобитная игуменьи Маремьяны напечатана въ Калуж. Епарх. Вѣд. за 1862 г., № 9, стр. 142—144 Она писана скорописью и принадлежитъ Калужскому дѣвичьему монастырю.

[2]) Розыскъ, л. 38 и 364. Кіевск. изд. 1859 г.

рія посѣтили нѣкто Петръ Ермиловъ Ярославецъ, Залѣсскаго Переяславскаго монастыря старецъ Андроникъ и вышеназванный Пахомій. Преосвященный обратился къ нимъ, какъ къ знающимъ брынскій расколъ, за свѣдѣніями о брынскихъ скитахъ. Тѣ отвѣтили, что „нынѣ не вси тѣми именами скиты прозываются, развѣ прежде тако бяху, ибо иніи скитоначальники изомроша, иніи же во иныя страны переселишася, и въ Польшу мнози поидоша“ [1]). Очевидно, сообщенное Іосафомъ относилось къ начальнымъ временамъ брынскаго раскола. Во время святительства Димитрія, по сообщенію тѣхъ же Петра Ермилова и старцевъ Андроника и Пахомія, были въ лѣсахъ слѣдующія секты.

Христовщина, называвшаяся такъ потому, что послѣдователи этой секты почитали за Христа одного мужика, который ихъ училъ, и которому они молились.

Иконоборщина, отвергавшая старыя и новыя иконы.

Поповщина, послѣдователи которой принимали бѣглыхъ поповъ и совершали таинства по старопечатнымъ книгамъ.

Безпоповщина, послѣдователи которой не принимали никакихъ поповъ.

Чувственники, вѣровавшіе, будто бы антихристъ пришелъ уже чувственно.

Кривотолки, называвшіеся такъ потому, что криво толковали священное писаніе.

Аѳуфріевщина или аввакумовщина, державшаяся ученія Аввакума.

Серапіоновщина или морельщики.

Волосатовщина или самосожигатели.

Иларіоновщина, признававшая попами простыхъ мужиковъ и имѣвшая у себя муро, освященное будтобы прежде патріарха Никона.

Ѳеодосіевщина, отрицавшая бракъ и не пристававшая ни къ поповщинѣ, ни къ безпоповщинѣ.

Іосифовщина, переставлявшая поповъ по своему нѣкоторому мужицкому чину.

Ефремовщина, хулившая всѣ церковные чины, но негнушавшаяся четвероконечнаго креста.

---

[1]) Тамъ же, л л. 36—38.

Іаковщина, во главѣ которой стоялъ Іаковъ Зуевъ, непризнававшая четвероконечнаго креста, но позволявшая своимъ скитникамъ совмѣстное житіе монаховъ и монахинь.

Субботники, постившіеся по субботамъ.

Св. Димитрій добавляетъ, что „и иныя многія по лѣсамъ тѣмъ сказуютъ быти скиты великія и малыя, мужскія и женскія, и вѣры тѣхъ различныя и дѣла ихъ странная“ [1]).

Понятно, что не всѣ указанные въ „Розыскѣ“ скиты находились въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи, потому что святитель Димитрій подъ именемъ „брынскихъ лѣсовъ“ разумѣлъ вообще лѣсистую полосу, тянувшуюся къ сѣверу отъ Оки на огромное пространство, но, несомнѣнно, нѣкоторые изъ названныхъ скитовъ были въ нашей мѣстности. Такъ близъ села Старая Брынь раскольники указываютъ до сихъ поръ памятныя имъ мѣста нѣкоторыхъ бывшихъ скитовъ. Особенно же уважаютъ такъ называемый Савватіевскій, мѣсто коего указываетъ глубокій оврагъ съ пещерою, куда они ходятъ чтить память сего мнимаго подвижника [2])

Ютясь въ лѣсной глуши, скитники принимали къ себѣ всѣхъ недовольныхъ крѣпостнымъ состояніемъ; къ нимъ охотно шли „дворовые, синодальные и помѣщичьи крестьяне“, изъ которыхъ многіе никогда не были раскольниками, а приписывались къ нимъ „единственно ради вольности“. Изъ подобныхъ бродягъ наряду съ скитами образовались раскольническіе притоны разбойниковъ, изъ которыхъ выходили многолюдныя шайки для грабежей. Такъ одна изъ такихъ шаекъ „въ Мещовскомъ уѣздѣ у многихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ многолюдныя деревни разграбила пріѣздомъ своимъ деннымъ, и все до конца пожгла и людей и крестьянъ вырубила“. Наглость раскольническихъ шаекъ простиралась до того, что жертвою ихъ разбоя въ 1719 г. сталъ Мещовскій Георгіевскій монастырь, на который онѣ напали, и лишь извѣщенные набатомъ монастырскихъ и городскихъ церквей жители города спасли монастырь отъ полнаго разграбленія [3]).

Брынскіе скитники для посторонняго глаза носили на себѣ образъ подвижничества, но въ большинствѣ это были тунеядцы, которые, пользуясь простотою „радѣтелей“ древляго благочестія, при-

---

[1]) Тамъ же, л.л. 38—39.

[2]) Іером. Леонидъ. Ист. церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужск. епархіи, стр 248.

[3]) Тамъ же, стр. 147—148.

вольно жили на готовыхъ хлѣбахъ и наивно мирили строгое внѣшнее благочестіе съ грубымъ развратомъ. Вотъ почему брынскіе скиты не удовлетворяли того изъ приходившихъ въ нихъ, кто сохранилъ въ себѣ хотя искру нравственнаго чувства. Примѣръ тому дастъ собою нѣкій старецъ Антоній (въ міру Антипъ, крестьянинъ Московскаго уѣзда, Гуслинской волости), получившій постриженіе въ брынскихъ лѣсахъ. Его показаніе рисуетъ намъ, какъ слагалось населеніе брынскихъ лѣсовъ, и какова была внутреняя и внѣшняя жизнь обитавшихъ въ нихъ раскольниковъ въ первой четверти XVIII ст. Послѣ долгихъ странствованій въ поискахъ за работою, показывалъ Антоній, „изъ понизовыхъ городовъ пришелъ въ городъ Калугу и жилъ тамо съ годъ бурлакомъ, по харчевнямъ и на постоялыхъ дворехъ, а времянно, у разныхъ калашниковъ сѣялъ муку и черную работу работалъ, переходя по разнымъ домамъ, а потомъ жилъ у посадскаго человѣка Івана Трефильева въ домѣ и, живучи у него, заскорбѣлъ и лежалъ недѣли съ двѣ, и онъ Іванъ говорилъ мнѣ, чтобъ принять старую вѣру и постришася по обычаю старовѣрцевъ въ Брянскихъ лѣсахъ, что за Угрою рѣкою, гдѣ живутъ старовѣрцы по кельямъ; по которымъ словамъ я, Антипа, къ постриженію и склонился; и онъ, Іванъ, посадя въ телѣгу, на своей лошади отвезъ меня въ вышеписанные Брянскіе лѣса. Привесчи въ Брянскіе лѣса, отдалъ въ келью къ черному попу Леонтію, которой спросилъ меня: желаешь ли де постритца въ старую вѣру? На тѣ слова я сказалъ—желаю. И по тому желанію оной попъ меня въ кельѣ своей и постригъ, тому нынѣ лѣтъ съ восмь; имя мнѣ нарекъ Антоніемъ; и по постриженіи отдалъ въ подначальство въ другую келью старцу Трефилью, помянутаго посадскаго человѣка Івана отцу его; и оной Трефиллей, взявъ меня, содержалъ при себѣ въ кельѣ. А молитву творилъ я по ученію его Трефиліеву по старопечатнымъ книгамъ, а имянно: „Господи Іисусе (Ісусе?) Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. И крестное знаменіе на лице свое полагалъ, приклоняя большей перстъ къ четвертому и къ меньшему перстомъ. Вопрошалъ я вышеписаннаго попа—что есть старая и новая вѣра, и на тотъ вопросъ (онъ) сказалъ, что старая вѣра лутче новые, и что старая и новая, того подлинно, за усмотрѣніемъ во мнѣ простоты (?), не сказалъ; и по се время, что есть старая и новая вѣра, не знаю. У Трефилія въ кельѣ жилъ съ годъ. Отъ него отъ Трефилія изъ кельи отшедъ, жилъ, переходя по разнымъ кельямъ съ годъ, въ тѣхъ же лѣсахъ, а имянно: у старцовъ

у Іосифа, у Макарія, у Еѳросима, да его же Еѳросимова сестра родная, старица Ѳедосья, живетъ въ кельѣ, которая разстояніемъ отъ его Еѳросимовой въ верстѣ. А съ нею Ѳедосьею живутъ старицъ съ двадцать, къ которымъ онъ Еѳросимъ ходитъ и въ кельѣ ночуетъ по часту и сими ночими чинитъ блудодѣяніе. Онъ же Еѳросимъ ѣздитъ для прошенія милостыни по разнымъ городамъ, а имянно: въ Тверь, въ Торжокъ, во Ржевъ, въ Верею, въ Бѣлевъ, въ Калугу, а къ кому имяны (sic) про то не знаю. А оттолѣ получаетъ многое подаяніе отъ денегъ и отъ воску и хлѣбными и съѣстными припасами; а ѣздитъ въ мірскомъ уборномъ русскомъ платьѣ съ ружьемъ и съ рогатинами, называяся купецкимъ человѣкомъ. А старицы ѣздятъ для такого жъ прошенія въ вышеобъявленные городы въ мірскомъ же платьѣ съ келейниками своими. И живучи оныя старицы блудно съ старцами и съ келейниками, родятъ младенцевъ и отвозятъ въ деревни и тамо оныхъ подкидываютъ. На молитву сходились по разнымъ кельямъ, пѣли вечерни, и утрени, всенощныя, часы, а къ тому пѣнію приходили и вышеписанныя старицы. Посты имѣли, какъ христіане жъ и во святый великій постъ по понедѣльникамъ и средамъ и пяткамъ ѣли по однажды. Исповѣдывались попами Ѳилиппомъ, Леонтіемъ и по исповѣди причащалися въ кельяхъ. Тѣ попы причастіе получали изъ рубежа, изъ Стародубскаго Покровскаго монастыря, что на берегу рѣки Вѣтки, въ которомъ живутъ раскольники, выѣхавъ изъ Брянскихъ же и Керженскихъ лѣсовъ". Такая жизнь не удовлетворила Антонія, и онъ ушелъ изъ Брынскихъ лѣсовъ въ поиски болѣе благочестивой жизни, но послѣ напрасныхъ скитаній снова „пришелъ въ Калужскій уѣздъ, въ помянутые брынскіе лѣса, къ наставнику своему Трефилью и жилъ у него въ прежнемъ расколѣ пять лѣтъ; и, признавъ свое предъ Богомъ прегрѣшеніе, сказалъ ему, наставнику, что по вышеписаннымъ скитамъ ходя, келейное житіе не понравилось, и чтобъ онъ, Трефилей, отпустилъ меня куда въ монастырь; и онъ, Трефилей, мнѣ сказалъ: хотя въ скитѣ или въ монастырѣ жить равно. И отъ того времени, положилъ себѣ намѣреніе идти куда въ монастырь" [1]).

Тѣмъ не менѣе брынскіе лѣса славились большою популярностью, и туда отправлялись многіе съ цѣлью научиться въ тамошнихъ раскольническихъ скитахъ грамотѣ или же иконному

[1]) Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. прав. испов. Россійской Имп. С.-П.Б. 1879 г., изд. 2, стр. 56—58.

письму. Такъ священникъ Можайскаго уѣзда, села Пречистинскаго, до своего поступленія въ клиръ въ 1710 г., жилъ за Угрою въ скитахъ Кириллова согласія, гдѣ учился иконному письму у старца Никиты мѣсяцевъ пять. За науку послѣдній заставилъ своего ученика перекреститься. Крещеніе совершилъ проживавшій въ скитахъ іеромонахъ Леонтій такимъ образомъ. „Въ горшкѣ налито было воды, а на горшкѣ поставлены были четыре свѣщи и его Ивана съ воспріемникомъ старцемъ Сергіомъ, и съ воспріемницею, старицею Ѳеодуліею, оболокли великимъ полотномъ бѣлымъ и вокругъ по солнцу творили хожденіе, а вторичнаго погруженія и отрицанія отъ православной христіанской вѣры не было, а отъ сатаны отрицаніе было“. Другой можайскій священникъ Иванъ Якимовъ въ Угорскихъ скитахъ учился грамотѣ. Кромѣ Кирилла они знали скитниковъ—монаховъ: Антонія, Александра, Іосифа, Варлаама, Илью и Филарета. Послѣдній особенно уважался раскольниками, и они считали его святымъ [1]).

Правительство рано обратило вниманіе на раскольническіе притоны въ брынскихъ лѣсахъ. Такъ въ 1712 г. Угорскіе скиты были разорены посланнымъ изъ Смоленска сыщикомъ Авдѣемъ Васильевымъ Ражищевымъ, но они не прекратили своего существованія. Изъ показанія старца Антонія видно, что раскольники послѣ этого собирались въ лѣса зимою, когда сыскать ихъ было трудно. „Во брынскихъ лѣсахъ,—показывалъ онъ,—кельи были многія жъ, и какъ де присланъ въ Калугу изъ Москвы изъ Приказу Церковныхъ Дѣлъ наказной попъ, и отъ того де страху изъ Калуги и изъ за Угры и изъ оныхъ брянскихъ лѣсовъ раскольники всѣ разбѣжались въ разные лѣса, и до зимы де ѣздить не для чего, и потому что де никого ихъ не сыщешь, а къ зимѣ де они могутъ съѣхаться.“ [2]).

Такимъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи образовалось три главныхъ раскольническихъ пункта: Боровскъ, Калуга и брынскіе лѣса. Насколько шло быстро распространеніе раскола въ названномъ краю, видно, напримѣръ, изъ того, что главнымъ мотивомъ, выставленнымъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ его проектѣ 1681 г. объ открытіи самостоятельной епархіи въ Калугѣ, было ослабленіе и искорененіе раскола, въ виду умноже-

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода т. I, № $^{302}/_{316}$.

[2]) Полное собр. постанов. и распор. по вѣд. прав. исповѣд. Росс. Имп. С.-П Б. 1879 г., изд. 2, стр. 194.

нія здѣсь „церковныхъ противниковъ“. Но калужская область, мало того, явилась вскорѣ же послѣ насажденія въ ней раскола и довольно значительнымъ раскольническимъ центромъ въ государствѣ. По крайней мѣрѣ она завязала близкія отношенія со всѣми извѣстными тогда на Руси раскольническими центрами и помогала устраиваться только что возникавшимъ. Ближе всего калужскіе раскольники стали къ сосѣднему Стародубью, а затѣмъ къ Вѣткѣ. Калужскіе купцы—раскольники вели торговлю въ сѣверной Малороссіи, а потому были знакомы съ краемъ тѣмъ. Такъ извѣстный паломникъ, московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, впослѣдствіи раскольническій старецъ Леонтій, нашелъ въ малороссійскихъ городахъ въ началѣ 1702 г. „богомольцевъ“—раскольниковъ калужанъ, какъ содержателей постоялыхъ дворовъ и разныхъ торговцевъ, которые принимали его съ людьми его, „покоили и кормили и всякое поможеніе чинили, что сродницы“.[1]) Существованіе торговой связи калужанъ съ Малороссіей видно изъ дѣла 1709 – 1710 г. о разграбленіи мѣстными жителями въ гор. Борзнѣ, во время шведской войны, разныхъ купеческихъ товаровъ. Изъ дѣла явствуетъ, что калужскіе раскольники—купцы торговали здѣсь сѣрымъ сукномъ, толстымъ полотномъ, оливой, корнями для крашенія яицъ, инбиремъ, шнурками, иголками, золотомъ малярскимъ, смирной, дротомъ тонкимъ, цинамономъ и проч. [2]).

Знакомые черезъ торговыя сношенія съ сѣверной Малороссіей нѣкоторые калужскіе раскольники не преминули удалиться туда, чтобы укрыться отъ суровыхъ мѣръ московскаго правительства. Вотъ почему среди насельниковъ раскольничьихъ стародубскихъ слободъ на первыхъ же порахъ ихъ образованія мы встрѣчаемъ калужанъ. За періодъ времени отъ 1684 г. по 1729 г. въ слободахъ поселилось 33 семейства изъ предѣловъ нынѣшней Калужской епархіи, причемъ калужскіе уроженцы были даже осадчими нѣкоторыхъ слободъ, какъ, напримѣръ, слободы Дѣменки и Городища [3]) (первой крестьянинъ Козельскаго уѣзда Аѳанасій Пузеевскій, а второй—Борисъ Поляковъ).

---

[1]) Рус. Арх. 1863 г., кн. 1, стр. 33—34.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд. 1852 г., № 22, стр. 233—235. См. изслѣд. М. И. Лилеева: изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в.в. Кіевъ. 1895 г., стр. 83.

[3]) М. И. Лилеевъ. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в.в. Кіевъ. 1895 г., стр. 50, 60 и 80.

Такъ первоначально образовалась связь между стародубскими и калужскими раскольниками, которая еще болѣе усилилась и окрѣпла, съ одной стороны, благодаря тому, что послѣдніе покровительствовали матеріально первымъ, а съ другой—благодаря тому, что Стародубье пріютило у себя бѣглыхъ поповъ, которые исправляли духовныя нужды калужскихъ раскольниковъ. Но Стародубье само не долго существовало въ качествѣ раскольническаго центра. Гоненія, поднятыя на стародубскихъ раскольниковъ въ концѣ XVII ст., заставили духовныхъ вождей раскольническихъ, попа Козьму изъ слободы Понуровки и попа Стефана изъ Замишева, съ согласія своихъ пасомыхъ, удалиться въ мѣста болѣе безопасныя, именно въ сосѣднюю Польшу, на извѣстную въ исторіи раскола Вѣтку. Вѣтка—небольшой островъ, имѣющій около 2— 3 верстъ въ окружности. Названіе свое она получила по небольшому проливу, отдѣляющему ее отъ рѣки Сожа и составляющему какъ бы вѣтвь послѣдней. Раскольническія населенія образовались на Вѣткѣ почти одновременно съ стародубскими слободами, но съ удаленіемъ на нее названныхъ раскольническихъ поповъ, они быстро стали увеличиваться, и въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. уже и кругомъ Вѣтки на значительное разстояніе возникли раскольническія слободы. Теперь Вѣтка замѣнила собою Стародубье, и калужскіе раскольники въ духовныхъ нуждахъ начинаютъ обращаться къ вѣтковскимъ попамъ Но слѣдующее обстоятельство еще тѣснѣе сблизило калужскихъ и вѣтковскихъ раскольниковъ.

Проживавшіе у вѣтковскихъ раскольниковъ бѣглые попы Козьма и Стефанъ, по словамъ раскольническаго историка Ивана Алексѣева, отправляли по старопечатнымъ книгамъ общественное богослуженіе и совершали требы, но они не служили литургіи, такъ какъ не имѣли церкви и антиминса съ престоломъ, причащая пасомыхъ запасными дарами, принесенными съ собою ранѣе. Заботу о постройкѣ на Вѣткѣ церкви взялъ на себя, по смерти Козьмы и Стефана, замѣнившій ихъ черный попъ Іосафъ, проживши здѣсь съ 1689 г. по 1695 г. Запасные дары приходили къ концу, и раскольники вѣтковскіе, конечно, сознавали грозившую имъ бѣду остаться безъ причащенія. Поэтому Іосафу не стоило труда убѣдить вѣтковцевъ построить церковь, въ которой можно было бы, обзаведшись антиминсомъ, совершать свою литургію. Вѣтковское общество энергично принялось за постройку и „кійждо древо на строеніе тоя представляше“. Церковь во имя Покрова

была построена, хотя Іосафъ за смертію и не успѣлъ освятить ея. Вѣтковцы были очень озабочены вопросомъ о пріемникѣ Іосафу и объ освященіи церкви и обратились въ Калугу къ проживавшему въ оной бѣглому попу Ѳеодосію Воронынину, слава о которомъ въ то время распространилась во всѣхъ центрахъ поповщинскаго міра.

Ѳеодосій Воронынинъ до ухода въ расколъ былъ священникомъ Васильевской церкви въ гор. Рыльскѣ и рукоположенъ патр. Іосифомъ. Но „утѣсненъ бывъ тамо новодогматныхъ введеніемъ“, удалился на Донъ; здѣсь былъ въ 1686 г. схваченъ и по приговору патр Іоакима, какъ не пожелавшій снова сдѣлаться членомъ церкви, лишенъ сана и заточенъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, провелъ „семь лѣтъ въ темницѣ нужней и водней“. Но на самомъ дѣлѣ его пребываніе въ монастырѣ было кратковременнѣе, такъ какъ онъ вскорѣ оказалъ „пристрастіе къ новотворнымъ догматамъ“, и его положеніе было облегчено, чѣмъ воспользовались его друзья—раскольники, чтобы увезти его сначала въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ онъ прожилъ приблизительно до 1694 г., откуда бѣжалъ въ Калугу. Калуга, какъ мы уже видѣли, въ это время представляла собою гнѣздо раскольниковъ, покровительствуемыхъ мѣстною гражданскою и духовною властью. Ѳеодосій поэтому въ Калугѣ встрѣтилъ себѣ радушный пріемъ и здѣсь могъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, безнаказанно совершать свои противозаконные поступки, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ слѣдующій. Въ Калугѣ была ветхая церковь Покрова Пр. Богородицы, въ которой не совершалось службы, но въ ней сохранялись престолъ и антиминсъ, освященные еще при патр. Іосифѣ, и иконостасъ временъ Іоанна Грознаго. Ѳеодосій Воронынинъ святотатственно рѣшился въ великій четвергъ ночью (1695 г.) совершить въ этой церкви литургію, а „ко удовленію причастія и агнецъ запасный сотворить“. Пріобрѣтенные такимъ образомъ запасные дары сообщили Ѳеодосію извѣстность во всемъ раскольническомъ мірѣ, и слава о немъ дошла до Вѣтки, которая, за смертью Іоасафа, оставалась безъ попа. Не смущаясь ни святотатственнымъ совершеніемъ литургіи, ни подложностью даровъ, пріобрѣтенныхъ такимъ оскорбительнымъ для святыни образомъ, вѣтковскіе отцы послали „искуснаго попа Нифонта“ и другихъ въ Калугу съ пригласительными письмами къ Ѳеодосію. Ѳеодосій

охотно согласился, такъ какъ популярность, пріобрѣтенная имъ, могла оказаться для него опасною въ Калугѣ, и удалился на Вѣтку „гдѣ вси радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ, и вси, увядшіе печалію весело хождаху“ [1]) Съ этого времени связь между калужскими и вѣтковскими раскольниками окончательно установилась. Калужскіе раскольники не только уступили Вѣткѣ своего попа, но снабдили еще вѣтковцевъ—впрочемъ за деньги—старымъ иконостасомъ изъ вышеупомянутой Покровской церкви въ ихъ новоотстроенную. Обѣдня, совершенная Ѳеодосіемъ въ этой церкви при освященіи ея, была первою раскольническою обѣднею и признана старообрядцами совершенною правильно, какъ отправленная по старому служебнику, на дониконовскомъ антиминсѣ (послѣдній былъ принесенъ на Вѣтку еще при Іоасафѣ „Маланіей, старицей Бѣлевской“) священникомъ до никоновскаго рукоположенія. Теперь раскольникамъ уже не было нужды заботиться „объ оскуденіи причащенія“, и вѣтковское причастіе пошло бойко въ ходъ между русскими раскольниками, развозимое старцами и старицами подъ видомъ странниковъ или купцовъ. Какъ видно изъ донесенія Златоустовскаго архим. Антонія Св. Суноду и калужскіе раскольники питались вѣтковскимъ причастіемъ.

Вслѣдъ за Ѳеодосіемъ начали перебѣгать и калужскіе священники на Вѣтку. Начало побѣгамъ положилъ смаененный имъ попъ Борисъ изъ Калуги. Вѣтковцы имѣли нужду въ бѣломъ попѣ для вѣнчанія браковъ, и Борисъ, главнымъ образомъ, былъ принятъ ими съ этою цѣлью, но Ѳеодосій нашелъ нужнымъ отправить его въ стародубскія слободы, гдѣ онъ и подвизался бо́льшую часть своего пребыванія въ расколѣ. Среди поповъ, подвизавшихся на Вѣткѣ, мы встрѣчаемъ также нѣкоего священноинока Іосифа Боровскаго. За бѣглыми попами тянулись и раскольники-міряне съ цѣлью поучиться у вѣтковскихъ иноковъ (среди нихъ особенно славились иноки Покровскаго монастыря, устроеннаго при вышеупомянутой Покровской церкви) правиламъ иноческой жизни, или обучиться грамотѣ, церковному уставу и, наконецъ, съ своими духовными нуждами. Вѣтковцы охотно принимали гостей, заставляя ихъ дорого оплачивать науку и свою монопольную благодать. Но вѣтковскіе старцы съ старицами и ихъ руководители, бѣглые попы, охотно и сами посѣщали щедрую на подачки свою раскольническую Калужскую паству. Подъ предлогомъ исповѣди и причаще-

[1]) Истор. о бѣгствующемъ священствѣ, стр. 62.

нія, они разъѣзжали по Калужскому краю, подолгу гащивали въ домахъ богатыхъ „христолюбцевъ“ и возвращались во-свояси съ туго набитыми карманами. Невѣжественный народъ не могъ разглядѣть сквозь личину наружнаго благочестія въ этихъ старцахъ и старицахъ бродягъ-тунеядцевъ и охотно слушалъ ихъ хулы на Православную церковь, закоснѣвая въ расколѣ. Эти вѣтковскіе пришельцы, облеченные въ глазахъ темной раскольнической массы ореоломъ святости, являлись и главными поддерживателями и пропагандистами раскола въ нашемъ краю въ XVIII ст. Проживавшіе въ угорскихъ скитахъ монахи—Антоній, Александръ, Іосифъ, Макарій, Ефросимъ, Варлаамъ, Илья и Филаретъ, повидимому, были съ Вѣтки. Главную роль среди нихъ игралъ черный попъ Леонтій, который, по показанію старца Антонія, устроилъ скитъ въ брянскихъ лѣсахъ по сосѣдству съ скитомъ старицы Ѳеодосіи и исповѣдывалъ собиравшихся у него въ келіи скитниковъ и скитницъ. Онъ же крестилъ и совращавшихся въ расколъ (Неусыпаева) и постригалъ въ монашество (напримѣръ старца Антонія) [1]).

Калужскіе раскольники настолько преклонялись передъ Вѣткой, что спѣшили ввести у себя все то, что появлялось тамъ. Такъ въ 1733 г. появляется на Вѣткѣ старообрядческій епископъ въ лицѣ кіевскаго монаха Епифанія Ревуцкаго, который былъ нѣкоторыми слабожанами принятъ и „на архіерейское дѣйство опредѣленъ“, благодаря чему образовался епифановскій толкъ. Часть калужскихъ раскольниковъ также признала Епифанія законнымъ епископомъ, и среди нихъ такимъ образомъ возникла Епифанова секта По словамъ лѣтописца Бѣляева, „какъ въ слободахъ, такъ и за границею монастыри и скиты были болѣе Епифанова секту, также и въ городахъ въ Калугѣ, въ Бѣлевѣ и въ прочихъ мѣстахъ тысящъ до 10000 находились“ [2]).

---

[1]) По соображеніямъ г. Лилеева этотъ старецъ тотъ самый Леонтій, который оставилъ послѣ себя извѣстныя путевыя паломническія записки Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, стр. 215—256.

[2]) М. И. Лилеевъ. Изъ истор. раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, стр. 360. Послѣ первой вѣтковской выгонки центръ Епифановской секты былъ перенесенъ въ Стародубскія слободы, посадъ Клинцы, и калужскіе раскольники еще въ концѣ прошлаго вѣка присылали сюда милостыню. Послѣднимъ попомъ Стародубовскаго Епифаніевскаго поставленія былъ Іаковъ (ум. 1780 г.), на могилѣ котораго калужскіе епифановцы долго послѣ его смерти служили панихиды.

Зарубежные раскольники, изъ которыхъ много было великороссійскихъ крестьянъ, давно обращали на себя вниманіе русскаго правительства, которое старалось насильственными мѣрами прекратить переходъ послѣднихъ въ Польшу или же призывало ихъ на родину, обѣщая прощеніе. Но все это не имѣло успѣха; а потому рѣшено было воротить силою русскихъ раскольниковъ, что было и приведено въ исполненіе въ 1735 г. при Аннѣ Іоанновнѣ. Во время выгонки оказалось на Вѣткѣ 33 монаха калужанъ (6 мещовскихъ, 21 калужскихъ, 3 козельскихъ и 3 малоярославецкихъ) и 44 черницы калужанокъ [1])

Но Вѣтка, послѣ первой выгонки, скоро оправилась и не безъ помощи опять таки калужскихъ раскольниковъ. Возстановленный Покровскій монастырь снова занялъ авторитетное значеніе среди послѣднихъ, хотя и долженъ былъ дѣлить свою славу съ другимъ зарубежнымъ монастыремъ—Лаврентьевымъ. Послѣдній былъ основанъ уроженцемъ г. Калуги, нѣкіимъ Викентіомъ, который пришелъ на Вѣтку еще во времена Петра Великаго, принялъ здѣсь монашество съ именемъ праведнаго Лаврентія, Калужскаго чудотворца, которому, какъ онъ увѣрялъ, приходился родственникомъ. Любитель уединенія, Викентій удалился съ Вѣтки въ окружавшіе ее лѣса, и на берегу р. Узы поставилъ маленькую часовню (около 1635 г.), около которой потомъ образовался монастырь. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія Лаврентьевъ монастырь пользовался уже большою извѣстностью, и усердствующіе калужскіе раскольники несли сюда денежныя приношенія, жертвовали богослужебныя книги и рукописи, ризы и иконы, нерѣдко богато украшенныя [2]). Не замедлили возстановиться и даже вновь возникнуть и другіе монастыри и скиты.

Съ возстановленіемъ Вѣтки, ея „чернецы и черницы, говоритъ изслѣдователь вѣтковскаго раскола, опять разсыпались по всѣмъ тѣмъ русскимъ предѣламъ, гдѣ расколъ упрочился еще до первой выгонки и гдѣ болѣе или менѣе было сильно вѣтковское вліяніе. Изъ числа такихъ мѣстъ можно указать главнымъ образомъ Калугу и Ржевъ, какъ самые сильные раскольническіе центры того времени, стоявшіе въ ближайшей связи съ Вѣткой. Посредниками между Вѣткой и великороссійскими раскольниками были главнымъ образомъ вѣтковскіе лжемонахи и лжемонахини. Всюду, гдѣ ни

[1]) Тамъ же, стр. 310—311.

[2]) Тамъ же, стр. 369.

появлялись эти лица, они замѣняли для раскольниковъ священниковъ: совершали богослуженіе, исповѣдывали, пріобщали, поучали несвѣдующихъ въ расколѣ, а также крестили, вѣнчали и погребали“ [1]). Но нѣкоторые изъ калужскихъ раскольниковъ имѣли постоянное пребываніе на Вѣткѣ, какъ, напримѣръ, купеческая вдова Коробова съ дочерью, которыя жили здѣсь въ качествѣ монахинь въ Спасскомъ монастырѣ, содержавшемся на средства исключительно Калужскихъ купцовъ Петра и Матвѣя Коробовыхъ.

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II (1764 г.) была произведена вторая выгонка раскольниковъ съ Вѣтки, послѣ чего послѣдняя потеряла уже значеніе раскольнической митрополіи, и ея мѣсто по прежнему заняло Стародубье. Калужскіе раскольники съ своими нуждами начинаютъ обращаться уже въ Черниговскія слободы, и стародубскіе монахи съ монахинями смѣняютъ вѣтковскихъ, наводнивъ собою Калужскій край. Сюда являются въ большинствѣ случаевъ старцы и старицы, урожденные калужане, но бѣжавшіе съ родины предварительно въ Польшу, гдѣ раздобывались подложнымъ видомъ, а оттуда въ Стародубскія слободы и, принявъ монашество, возвращались домой, чтобы здѣсь эксплуатировать свои мантіи и клобуки. Среди нихъ первое мѣсто занимали лжемонашествующіе Климовскаго Покровскаго монастыря, новой столицы старовѣрства. Этотъ монастырь, очевидно, основанъ въ память знаменитаго Покровскаго вѣтковскаго монастыря, и изъ послѣдняго была перевезена въ слободу Климову Покровская церковь, освященная здѣсь 12 декабря 1765 г. Но Стародубье не сумѣло держать раскольническій міръ въ своихъ рукахъ такъ, какъ держала его Вѣтка, и скоро должна была уступить значительную часть свой паствы новооткрывшемуся Московскому Рогожскому кладбищу. Московскіе раскольники Вѣтковскаго согласія въ 1771 г. въ Москвѣ на Рогожской Ямской слободѣ во время моровой язвы устроили кладбище, а на немъ монастырь съ огромнымъ молитвеннымъ домомъ, на подобіе церкви, съ теплою часовнею и съ множествомъ келлій, гдѣ жило по нѣсколько сотъ душъ обоего пола, довольное количество монаховъ, монахинь, бѣглыхъ поповъ и діаконовъ. Рогожское кладбище сразу отбило массу прихожанъ у Стародубскихъ раскольническихъ слободъ и, конечно, часть калужскихъ раскольниковъ, особенно изъ сѣверной половины

[1]) Тамъ же, стр 373.

губерніи, вслѣдствіе географической близости къ Москвѣ, должна была отойти къ кладбищу. Насколько быстро развивалось кладбище, видно, напримѣръ, изъ того, что черезъ 25 лѣтъ своего существованія оно насчитывало до 20 тысячъ своихъ прихожанъ [1]). Конкуренція Рогожскаго монастыря съ Стародубьемъ была невольная, а потому по началу между ними было полное согласіе. Рогожцы считали Климовскій Покровскій монастырь своею матерью, а проживавшаго въ немъ бѣглаго астраханскаго попа Михаила Калмыка общимъ отцемъ, но скоро, уже въ 1776—7 г., они перессорились между собою изъ-за вопроса о перемазаніи священниковъ. Московскіе заправилы раскола настаивали, что бѣглыхъ поповъ нужно „принимать отъ ереси“ черезъ помазаніе мvромъ, хотя *самаго* мvра и не было у нихъ. Но нѣкто крестьянинъ Василій, называвшій себя попомъ, внушилъ имъ мысль, что раскольники сами могутъ сварить мvро. Раскольники повѣрили, купили благовонныхъ веществъ, и тотъ же Василій въ самоварѣ наварилъ имъ 1 п. 16 ф. „мvра“. Стародубскіе раскольники возмутились такимъ кощунствомъ, мvра рогожскаго не признали, а съ кладбищемъ порвали связь [2]). Раскольники нынѣшней Калужской епархіи, такъ скаааать, выросшіе подъ покровительствомъ Вѣтки и Стародубья, по прежней памяти тянули къ югу, и лишь въ XIX столѣтіи Рогожское кладбище для нихъ замѣнило прежнія митрополіи.

Основная масса раскольниковъ Калужской губерніи принадлежала къ сектѣ поповщинской и лишь незначительная часть къ безпоповщинской. Число раскольниковъ ко времени открытія самостоятельной Калужской епархіи точно неизвѣстно, но несомнѣнно, что ихъ было еще много, хотя духовное и свѣтское правительство XVIII в. сначала суровыми, а во второй половинѣ столѣтія болѣе гуманными мѣрами и старалось задержать развитіе раскола. Новооткрывшейся 16 октября 1799 года самостоятельной Калужской епархіи такимъ образомъ предстояло широкое поле для миссіонерской дѣятельности.

---

[1]) Н. Варадиновъ. Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ. т. VIII. стр. 103.
[2]) Тамъ же, стр. 104.

Глава II.

Состояніе мѣстнаго раскола *) отъ учрежденія Калужской епархіи до царствованія Александра II.

Состояніе раскола въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I.

Мѣстный расколъ въ продолжительный періодъ времени отъ учрежденія самостоятельной Калужской епархіи до царствованія императора Александра II продолжаетъ развиваться почти внѣ всякаго нравственнаго воздѣйствія на него со стороны православной миссіи. Главною причиною этого явленія, имѣвшаго мѣсто не только въ нашей епархіи, но и вообще на Руси, должно считать отношеніе свѣтской власти къ расколу и раскольникамъ. Эти отношенія не регулировались ясно выраженными и опредѣленными законами, а измѣнялись періодически, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ вѣяній: нынѣ рекомендовались мѣры снисходительности, а чрезъ нѣсколько времени предписывались мѣры суровой строгости, но тѣ и другія были неблагопріятны для духовной миссіи. Съ точки зрѣнія характера правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ расколу, указанный періодъ времени можно въ свою очередь раздѣлить на два: на время царствованія императора Александра I и время царствованія императора Николая I.

Калужская епархія открыта при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Какъ извѣстно, послѣдній строго относился ко всякаго рода сектантамъ, а потому положеніе раскольниковъ мѣстнаго края, какъ это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ, было довольно стѣсненное. Губернскія духовныя и свѣтскія власти съ

*) Такъ какъ основную массу раскольниковъ въ калужской епархіи составляютъ такъ называемые „поповцы“, то мы предлагаемъ первоначально исторію поповщинскаго толка, удѣливъ обзору безпоповщинскихъ сектъ послѣднюю (V) главу.

чуткостью слѣдили за случаями обнаруженія раскола, стараясь по возможности уничтожить все, чѣмъ расколъ могъ напоминать о себѣ. Въ 1800 г. боровскіе купцы—старообрядцы Гавріилъ Петровъ Никишовъ и Иванъ Лукинъ Щукинъ построили на особо отведенномъ раскольничьемъ кладбищѣ каменный „голубецъ“ на могилахъ своихъ родственниковъ. Освидѣтельствованіе „голубца“ показало, что это былъ простой памятникъ, такъ какъ представлялъ собою строеніе о четырехъ столбахъ, вышиною въ $3^1/_2$ арш., съ промежуткомъ между столбами въ квадр сажень и съ огородкой между ними вышиною въ 1 аршинъ; внутри на могилахъ лежали два камня, а посреди нихъ стоялъ крестъ. Не смотря на невинность постройки, преосвященный Ѳеофилактъ тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы губернское правленіе „благоволило приказать, чрезъ кого слѣдуетъ, каменное строеніе на кладбищѣ, яко самовольно начатое и больше похожее на часовню, чѣмъ памятникъ, вовсе уничтожить“. Губернское правленіе согласилось съ преосвященнымъ и отъ 1 Августа приказало уничтожить зданіе [1]).

Юные годы самостоятельной Калужской епархіи прошли въ царствованіе императора Александра I. Этотъ государь по отношенію къ раскольникамъ продолжалъ политику своей либеральной бабки Екатерины II,—относясь къ расколу снисходительно: за принадлежность къ расколу теперь уже не преслѣдуютъ, слѣдовательно онъ признается терпимымъ; старообрядцамъ дозволяется имѣть особыя отъ православныхъ кладбища, хотя разрѣшеніе на отведеніе ихъ должно быть испрашиваемо каждый разъ у гражданскаго начальства; запрещается лишь явное оказательство раскола, каковымъ считалось открытое отправленіе богослуженія и требъ, а главнымъ образомъ, запрещалась пропаганда раскола. Въ указѣ 1803 г. императоръ писалъ: „общее правило, принятое мною...., чтобы, не дѣлая насилія совѣсти, не допускать однако никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе всѣмъ соблазны не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка“. Поэтому раскольники отдавались въ исключительное вѣдѣніе полиціи, обязанной вести списки раскольниковъ и слѣдить за исполненіемъ раскольниками существующихъ касательно ихъ постановленій, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ общимъ уставомъ благочинія; духовенству же пред-

[1]) Арх. Губ Правл. Дѣло за № 34711, отъ 1800 г.

писывалось дѣйствовать на заблуждающихся исключительно въ духѣ христіанской любви, избѣгая всякихъ репрессивныхъ мѣръ, дабы имъ не казалось, что духовенство тѣснитъ и преслѣдуетъ ихъ.

Такимъ образомъ законодательство въ царствованіе императора Александра I значительно облегчало положеніе раскольниковъ. Чуткіе ко всему, что клонилось къ улучшенію ихъ участи, калужскіе раскольники въ этотъ періодъ времени стремятся обезпечить себѣ прежде всего свободу въ отправленіи богослуженія, хотя это было сдѣлать и не такъ легко. Дѣло въ томъ, что относительно раскольническихъ молитвенныхъ домовъ къ началу настоящаго столѣтія оставались дѣйствующими старые законы отъ 10 іюня 1734 г., отъ 21 іюня 1734 г., отъ 21 іюля 1768 г. и 1 апрѣля 1772 г, каковыми законами безусловно воспрещалась раскольникамъ постройка новыхъ молитвенныхъ домовъ. По этому имъ приходилось дѣйствовать окольными путями. Воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что расколъ отданъ въ вѣдѣніе свѣтской власти, мѣстные раскольники стараются ужиться въ ладахъ съ полиціей и мѣстной администраціей, дабы при снисходительномъ отношеніи послѣднихъ обзавестись молитвенными домами. Дѣйствительно мы видимъ, что съ первыхъ же годовъ царствованія императора Александра I въ Калужской епархіи начинаютъ быстро появляться раскольническія часовни. Въ этомъ отношеніи прежде всего подала примѣръ Калуга. Калужскіе раскольники, извѣстные въ это время еще подъ именемъ „Вѣтковскаго согласія“, въ день открытія самостоятельной Калужской епархіи не имѣли у себя въ городѣ закономъ дозволенной часовни; но, благодаря снисходительности перваго Калужскаго намѣстника Кречетникова, еще въ 1790 г. старообрядцы гор. Калуги обзавелись отдѣльнымъ кладбищемъ въ городскомъ бору и тамъ имѣли часовню для отпѣваній тѣлъ умершихъ. Названная часовня если и могла служить мѣстомъ раскольническихъ моленій, во всякомъ случаѣ по дальности отъ города, представлялась неудобною, а потому у раскольниковъ естественно должно было явиться желаніе перенести ее въ черту самаго города. Воспользовавшись благопріятнымъ временемъ, раскольники, по ихъ собственному показанію, и перенесли часовню изъ бора въ городъ, въ „кожевни“, въ 1802—1804 г.г. На участкѣ земли, купленномъ у Ак. Ив. Кашина, гражданами Ив. Ларіоновымъ, Еф. Дружининымъ, Прок. Кашинымъ, Гавр. Масловымъ, Ив. Черниковымъ и Тим. Хохловымъ было поставлено деревянное зданіе, куда соби-

рались раскольники на общественную молитву. Но пожаръвъ 1812 г. уничтожилъ моленную, и раскольники самовольно на мѣстѣ прежней снова воздвигаютъ новую, но уже каменную. Она представляла собою большую комнату, на передней стѣнѣ которой были развѣшены въ большомъ количествѣ иконы, передъ которыми стоялъ столъ съ церковно-богослужебными книгами; передъ иконами стояли большого размѣра подсвѣчники со свѣчами. Полиція, конечно, знала про незаконное существованіе моленной, но не считала нужнымъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и она существовала такъ до начала 1818 г., когда объ ней донесъ духовной консисторіи священникъ каѳедральнаго собора Никита Богоносцевъ. Преосвященный Антоній потребовалъ уничтоженія моленной, и, послѣ произведеннаго слѣдствія, губернское правленіе отъ 20 апрѣля предписало калужскому исправнику „распорядиться объ уничтоженіи часовни, при чемъ ему замѣтить, что если возникнутъ гдѣ-либо по городу раскольническія часовни то сіе падетъ на собственную его отвѣтственность и строгое взысканіе“. Часовня была запечатана, но раскольники снова вскорѣ открыли ее, о чемъ исправникъ на этотъ разъ уже безъ понужденій и довелъ дѣло до уѣзднаго суда, а тотъ передалъ его въ консисторію. Преосвященный Филаретъ также обратился къ губернатору съ просьбою закрыть моленную, но полиція предупредительно запечатала ее, не дожидаясь разрѣшенія высшаго начальства [1]). Раскольникамъ оставалось лишь обратиться съ ходатайствомъ къ губернатору и испросить у него законнаго дозволенія на открытіе моленной, что они и сдѣлали въ іюнѣ того же 1820 г.; но такъ какъ моленная была построена самовольно и существованіе ея ничѣмъ не оправдывалось, то калужскимъ раскольникамъ было отказано въ ихъ просьбѣ [2]).

Счастливѣе въ этомъ отношеніи оказались боровскіе раскольники. Неизвѣстно, когда и кѣмъ воздвигнута была раскольническая часовня въ гор. Боровскѣ, но, кажется, ее должно считать одною изъ старѣйшихъ не только въ Калужской епархіи, но и вообще среди раскольническихъ молитвенныхъ домовъ въ государствѣ. Къ сожалѣнію, въ мѣстныхъ архивахъ нигдѣ не сохранилось дѣла объ ней. Въ 1828 г. боровскій исправникъ кн. Гинглятъ въ своемъ

---

[1]) Арх. Губ. Прав. Дѣло № 82072 отъ 1818 г.

[2]) Тамъ же. Дѣло № 90227 отъ 1820 г.

отношеніи къ боровскому духовному правленію по дѣлу о совершеніи богослуженія въ названной часовнѣ, между прочимъ, говоритъ, что „состоящая въ гор. Боровскѣ старообрядческая часовня подъ названіемъ „по повщинѣ“ устроена *издревле*, по многимъ перепискамъ утверждена блаженной памяти Государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 22 день декабря 1817 г.“ [1]). Неизвѣстно, чѣмъ было вызвано такое Высочайшее снисхожденіе къ боровскимъ раскольникамъ, но, дѣйствительно, моленная была имъ разрѣшена подобно тому, какъ разрѣшены были въ это же время таковыя раскольникамъ г. Чугуева Слободско-украинской губерніи, и г. Саратова, устроившимъ богадѣльные дома; правительство предписало только снять главы съ послѣднихъ и не допускать на будущее время возведенія часовень и богадѣльныхъ домовъ раскольниками [2]). Интересно, что правительство для боровской моленной сдѣлало исключеніе, очень можетъ быть, какъ болѣе древней, и не приказало уничтожить существовавшихъ на ней купола и главы, такъ что она совершенно имѣла видъ православнаго храма. По своему внутреннему устройству и виду она также вполнѣ соотвѣтствовала понятію о храмѣ: въ ней былъ алтарь съ царскими вратами, престолъ, жертвенникъ. Въ алтарѣ стоялъ дубовый столъ въ видѣ престола; за столомъ на горнемъ мѣстѣ деревянный крестъ, по правую сторону его образъ Божіей Матери, на обратной сторонѣ котораго изображеніе препод. Пафнутія, Боровскаго чудотворца; по лѣвую сторону образъ Смоленской Божіей Матери съ изображеніемъ на другой сторонѣ Николая Чудотворца. Иконостасъ столярной работы, мѣстами съ колонками, окрашенный синею лакированною краскою. Въ иконостасѣ царскія двери столярной работы съ иконами благовѣщенія Пр. Богородицы и четырехъ евангелистовъ. Надъ царскими дверьми вверху—образъ Господа Вседержителя, въ срединѣ—живоначальныя Троицы; иконы въ иконостасѣ были въ пять ярусовъ. Въ часовнѣ было два клироса съ иконостасами и хоругвями, по стѣнамъ иконы. Подсвѣчники, люстра, паникадила—все это какъ въ православныхъ храмахъ и въ достаточномъ количествѣ. Особое изобиліе было въ священническихъ одеждахъ, евангеліяхъ, сосудахъ, крестахъ и богослужебныхъ книгахъ, такъ что въ этомъ отношеніи раскольническая часовня много превосходила бѣдные боровскіе храмы. Раз-

[1]) Арх. Бор Дух. Правл. Дѣло отъ 1828 г.

[2]) Варадиновъ. Исторія Мин. Вн. Дѣлъ, кн. VIII, стр. 75.

мѣры часовни были также довольно значительны. Въ алтарѣ она имѣла 4×12½ арш., а отъ царскихъ дверей до западныхъ 20×12½; высота 7 арш. При часовнѣ была паперть съ венеціанскимъ окномъ [1]). Въ этой часовнѣ „по благовѣсту, издавна существующему“, показывалъ Хомутинниковъ въ 1828 г., сходились боровскіе раскольники для богомоленій [2]).

Точно также раскольники и другихъ болѣе населенныхъ пунктовъ епархіи стремились всѣми недозволенными и дозволенными мѣрами обезпечиться моленными, хотя ихъ попытки и не увѣнчивались успѣхомъ. Они желали постепенно добиться своихъ цѣлей, а потому обыкновенно начинали ходатайство предъ правительствомъ не сразу о дозволеніи имъ устроить у себя часовни, а сначала объ отводѣ имъ отдѣльнаго отъ православнаго кладбища. Разсчетъ былъ понятенъ. По закону 1771 г. отведеніе раскольническихъ кладбищъ было возложено на обязанность гражданской власти, слѣдовательно, по понятіямъ раскольниковъ, легче было добиться разрѣшенія. Но раскольники размышляли, что, разъ имъ отведутъ кладбище, тогда легко будетъ обзавестись часовней на немъ или по близости отъ него, подъ предлогомъ временнаго храненія или отпѣванія умершихъ, хотя закономъ отъ 7 мая 1812 г. положительно запрещено было, при отводѣ раскольникамъ кладбищъ, давать имъ разрѣшеніе на устройство часовенъ. Такъ наприм дѣйствовали сухиническіе раскольники. Въ 1814 г. сухиническое раскольническое общество, черезъ уполномоченнаго своего Леона Васильева обратилось къ губернскому начальству съ ходатайствомъ дозволить имъ имѣть свое особое кладбище. Послѣ сношенія съ консисторіею, просившей лишь гражданское начальство не дозволять раскольникамъ постройки часовни, отдѣльное кладбище указомъ отъ 17 августа 1814 г. было разрѣшено Сухиническимъ раскольникамъ. Но черезъ три года со времени отвода кладбища, раскольники начали въ довольно глухомъ мѣстѣ постройку каменной часовни значительныхъ размѣровъ (24×12 арш.). Благочинный Козельскаго уѣзда, священникъ гор. Сухиничъ Петръ Кедровъ въ началѣ 1818 г. донесъ консисторіи, что неокоченное еще вышеозначеиное строеніе предназначается для часовни „а какъ оная еще не открыта, то для уничтоженія сего злоупотребленія“

[1]) Арх. Кал Дух. Конс. Дѣло № 21 по общему реестру.
[2]) Арх. Бор. Дух. Правл. Дѣло отъ 1828.

онъ и представляетъ сіе на разсмотрѣніе консисторіи. Преосвященный Антоній, въ силу указа Св. Синода отъ 21 февраля 1818 г., потребовалъ отъ свѣтской власти уничтоженія этой часовни. Губернское правленіе приказало Козельскому земскому суду „ни подъ какимъ видомъ не дозволять въ означенномъ выстроенномъ зданіи и нигдѣ часовни не заводить подъ строгимъ отвѣтствіемъ". Но земскій судъ снисходилъ почему-то къ раскольникамъ и моленной не запечаталъ; только въ сентябрѣ того же года о. Кедровъ снова доноситъ консисторіи, что раскольники „начали отправлять въ ней съ августа служеніе". Консисторія снова потребовала уничтоженія часовни, и губернское начальство вторично предписываетъ земскому суду, но послѣдній упорно отмалчивается. Такъ въ перепискахъ прошелъ почти цѣлый годъ 7 января 1819 г. крестьяне гор. Сухиничъ Леонъ и Аѳанасій Васильевы подаютъ губернатору Омельяненко прошеніе, въ которомъ просятъ разрѣшить имъ моленную, какъ построенную до указа 1818 г., при томъ вмѣсто „издавна" существовавшей. Но губернское правленіе, понятно, не могло уважить незаконныхъ ходатайствъ, и моленная въ томъ же году была запечатана [1]).

Нѣсколько ранѣе, именно въ августѣ 1817 г., съ подобнымъ же ходатайствомъ вошли къ губернатору съ прошеніемъ раскольники Полотнянаго Завода, въ которомъ, между прочимъ, писали: „при погребеніи нѣкоторыхъ умершихъ тѣлъ изъ среды нашей за то, что не бываемъ мы передъ смертью приходскими священниками исповѣданы и пріобщены св. таинъ и за внесеніе въ метрическія книги,—священники сіи съ причтомъ, живущіе въ помянутыхъ фабрикахъ (т. е. въ Полотняномъ Заводѣ), ежели не получатъ за погребеніе и прочія требы съ насъ большой суммы денегъ, чинятъ намъ величайшія разныя притѣсненія и отягощенія, а тѣмъ отлучая насъ на не малое время отъ фабричныхъ должностей и работы, открывая тѣмъ единственное свое корыстолюбіе; почему за отдаленностью отъ насъ Московскаго кладбища (Рогожскаго) желаемъ обществомъ своимъ имѣть для погребенія умершихъ нашихъ тѣлъ особое кладбище, а на отправленіе богослуженія по старымъ обрядамъ, какъ то: крещеніе, браковѣнчаніе и пр. устроить молитвенную избу, имѣть при оной отъ помянутаго кладбища священника; а на отводъ мѣста (для кладбища и молитвенной избы)

[1]) Арх. Губ. Прав. Дѣло № 81887 отъ 1818 г.

господинъ нашъ согласился и имѣть намъ священника согласенъ". Губернаторъ обратился съ запросомъ по этому поводу къ консисторіи, но послѣдняя указала лишь на законъ отъ 10 іюля 1734 г., коимъ запрещалась постройка часовенъ, сдѣлавъ въ свою очередь предписаніе причту Полотнянаго Завода, чтобы онъ избѣгалъ подозрѣнія въ вымогательствѣ. Раскольникамъ было отказано въ ихъ просьбѣ, но они въ 1819 г подаютъ прошеніе на Высочайшее имя. Прошеніе было передано въ Калугу. Но консисторія слагала съ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ злоупотребленій, какія могли произойти отъ разрѣшенія раскольникамъ имѣть у себя часовню и своего священника, а потому и губернское правленіе снова отказало раскольникамъ Полотнянаго Завода въ ихъ просьбѣ [1]).

Итакъ раскольники Калужской епархіи, за исключеніемъ боровскихъ, не успѣли до 1822 г. добиться дозволенія открыто имѣть у себя часовни. Имъ оставалось по-прежнему собираться въ частныхъ домахъ для общественной молитвы, или же пользоваться тайными моленными, не напоминая о существованіи ихъ губернскимъ властямъ. Но еще труднѣе раскольникамъ было практически разрѣшить вопросъ о попахъ. Бѣглые священники, совершавшіе у нихъ службу и требы, разсматривались правительствомъ какъ бродяги, а потому полиція поступала съ ними на основаніи 57, 65, 120, 121, 124, 199, 200—202 и 208 ст ст. Устава благочинія. Поэтому пребываніе въ одномъ мѣстѣ для бѣглаго попа было рисковано, а для паствы его черезъ-чуръ обременительно, такъ какъ мѣстная полиція свое снисхожденіе заставляла обыкновенно дорого оплачивать. Вотъ почему даже въ такихъ многолюдныхъ раскольническихъ пунктахъ, какъ Калуга, Сухиничи и Полотняный Заводъ, раскольники не имѣли постоянныхъ поповъ, а должны были пробавляться наѣзжими или изъ Стародубскихъ слободъ, или изъ Московскаго Рогожскаго кладбища, или же тайно проживавшими въ болѣе глухихъ мѣстахъ южной части губерніи. Бѣглые попы во время тайныхъ наѣздовъ успѣвали лишь главнымъ образомъ совершать требы и изрѣдка отслужить обѣдню, а потому обычныя моленія совершались самими мірянами, или монахами. Монаховъ и монахинь особенно много ютилось въ Калугѣ и южныхъ отъ Оки уѣздахъ. Они проживали негласно, но являлись главными вожаками и въ тоже время эксплуататорами тем-

[1]) Арх. Губ. Прав. Дѣло № 81812 отъ 1818 г.

ной раскольнической массы. Въ началѣ 1800 г. въ новооткрытую калужскую консисторію изъ губернскаго правленія было доставлено нѣсколько раскольническихъ иноковъ, показанія которыхъ интересны для характеристики ихъ дѣятельности и жизни. Такъ одинъ изъ нихъ, Филаретъ, показалъ, что въ міру онъ Ѳеодоръ Степановъ Любимовъ, крестьянинъ Боровскаго уѣзда, 60-ти лѣтъ отъ роду. Лѣтъ 30 тому назадъ былъ отданъ въ рекруты, но бѣжалъ безъ письменнаго вида въ Брынь, на заводы Демидова, откуда былъ отправленъ въ брынскій лѣсъ къ раскольникамъ; жилъ у нихъ лѣтъ 8, а потомъ ушелъ въ Польшу, гдѣ въ мѣстечкѣ Черно былъ постриженъ священникомъ Павломъ Воиномъ въ монахи. Принявъ монашество, Филаретъ приписался къ клинцовскому мѣщанству и, выпросивъ паспортъ изъ суражскаго уѣзднаго казначейства, ушелъ въ Калугу. Здѣсь онъ лѣтъ 10 жилъ въ купленномъ имъ сообща съ мѣстнымъ мѣщаниномъ Ѳеодоромъ Холщевниковымъ домѣ. За просрочку паспорта былъ судимъ, содержался на гауптвахтѣ, откуда бѣжалъ и скрывался по знакомымъ домамъ, но былъ найденъ полиціей въ домѣ сосѣда инока Ѳеодосія При обыскѣ обнаружились при немъ слѣдующіе предметы: книжка „Скитское покаяніе“, по которой онъ исповѣдывалъ кающихся, разрѣшительная по покаяніи молитва, пелена, крестъ небольшой серебряный, „Исповѣдь моихъ грѣховъ“, пилочка, ножичекъ, желѣзный штемпель съ буквами Ѳ. Х, камилавка, мантія, просфора и еще раздробленная просфора, сосудецъ съ лжицею, раскольническіе дары, завернутые въ трехъ бумажкахъ. Этими дарами монахъ по зову нѣкоторыхъ жителей гор. Калуги и деревень пріобщалъ въ различное время младенцевъ а большею частью больныхъ. Кромѣ исповѣди и причащенія, онъ въ своемъ домѣ служилъ панихиды, читалъ каноны, служилъ всенощныя съ чтеніемъ евангелія. Совершеніе всего этого было разрѣшено ему его духовнымъ отцемъ, клинцевскимъ бѣглымъ попомъ Иваномъ. Въ одномъ домѣ съ нимъ проживала женка, Мосальскаго уѣзда, Аксинья, постриженная тѣмъ же Павломъ Воиномъ съ именемъ Ксенофонтіи; между собою, по ихъ сознанію, они жили блудно. Изъ показанія того же инока мы узнаемъ, что въ Калугѣ совершались тайныя раскольническія моленія и въ другихъ частныхъ домахъ, между прочимъ въ домѣ купца Алтынникова, гдѣ отправлялъ службы мѣщанинъ Ив. Ив. Чистоклѣтовъ. Въ деревнѣ Астрилучьи, Дворцовой волости, подобнымъ образомъ дѣйствовалъ кресть-

янинъ Семенъ Алексѣевъ, которому право исповѣди и причащенія было дано бѣглымъ попомъ Егоромъ [1]). До тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія епархія попрежнему была наводнена подобными праздношатающимися иноками и и инокинями, которые выдавали себя отшельниками Стародубья, Керженца, Иргиза и др. извѣстныхъ въ расколѣ центровъ. Переходя изъ дома въ домъ христолюбцевъ-раскольниковъ, они повѣствовали имъ о своихъ подвигахъ и о тѣхъ вымышленныхъ гоненіяхъ, какія имъ пришлось претерпѣть отъ никоніанъ. М. С. Дударевъ приводитъ нѣсколько повѣстей, слышанныхъ имъ еще въ дѣтствѣ, но имѣвшихъ на его впечатлительную душу большое вліяніе. „Монастырь нашъ находится на Керженцѣ,—разсказывалъ одинъ странникъ,—въ лѣсахъ непроходимыхъ. Не разъ проклятые никоніане пытались проникнуть во св. мѣсто; но все не удавалось имъ: либо со звѣромъ лютымъ встрѣтятся, либо въ трясину попадутъ, либо заблудятся въ лѣсу непроходимомъ; ходятъ вокругъ св. обители, слышатъ звонъ колокольный, а войти не могутъ: сила-то Божія заграждала имъ путь! Но вотъ Господь послалъ за грѣхи наши искушеніе и на нашу св. обитель. Пошли антихристовы слуги разыскивать христіанъ, разгонять благочестивыхъ иноковъ: пришли и въ нашу св обитель, разорили всю до основанія и огнемъ сожгли, а иноковъ благочестивыхъ веригами обложили да по темницамъ разсадили. Вотъ и меня, христолюбецъ ты нашъ, привелъ Господь пострадать за старую вѣру: цѣлый годъ томился въ острогѣ, къ стѣнѣ двумя цѣпями былъ прикованъ, голодомъ и жаждою томимъ,—по двое и по трое сутокъ пищи и питія не давали, чтобы склонить къ никоніанству, отвергнуть отъ Христа. И явился мнѣ, христолюбецъ ты нашъ, въ тонкомъ сновидѣніи ангелъ Господень, укрѣпляя меня стоять до крови за древле отеческія преданія,—особенно хранить истинный крестъ (двуперстіе) наказывалъ. Такъ-то я томился въ узахъ и темницѣ цѣлый годъ, не сдаваясь врагамъ Христовымъ. И какъ увидѣли они, что никакія муки на меня не дѣйствуютъ, выпустили на свободу, крѣпко-на-крѣпко заказавъ, чтобы я не смѣлъ распространять въ народѣ вѣру Христову (расколъ), но я ничего не страшусь и всюду проповѣдую древлее благочестіе. А теперь мы, рабъ христовъ, живемъ въ далекой пустынѣ, за Ураломъ за рѣкою, въ высокихъ горахъ, въ непроходимыхъ дебряхъ

[1]) Арх. Св. Синода. Дѣло отъ 1800 г. за № $^{141}/_{838}$.

души свои спасаемъ. Живемъ мы пять иноковъ, да одинъ бѣлецъ въ пещерѣ, день и ночь Богу молимся за рабовъ христовыхъ, которые не оставляютъ насъ своими подаяніями". „Жили это мы, родимый христолюбецъ,—распѣвала стихами странница, выдававшая себя за инокиню,—за рѣкою Волгою многоводною, по которой корабли и всякія суда плаваютъ; жили въ своемъ святомъ скиту припѣваючи, Бога прославляючи; въ постѣ и въ молитвѣ трудилися, духовно веселилися, о мірскихъ прелестяхъ не помышляя, духъ своей горѣ возвышая, занимаясь рукодѣліемъ, богодухновеннымъ чтеніемъ и сладостнымъ пѣснопѣніемъ. Вдругъ прослышали, что антихристово воинство по бѣлу свѣту гуляетъ, древнихъ христіанъ изгоняетъ, святыя обители разоряетъ, преподобныхъ иноковъ и инокинь по темницамъ разсылаетъ! Пріуныли мы, припечалились, бѣды великой ожидаючи И стали Богу молитися, всю ночушку трудитися, слезами обливаючись, ко сырой землѣ склоняючись. Да знать, молитва наша была недоходная, и постигла насъ бѣда неисходная: налетѣло на насъ воинство антихристово, словно стадо ястребиное, съ ружьями и штыками, съ острыми тесаками; разогнали насъ, распудили, словно звѣри лютые, а скитъ нашъ предали огни и пламени и пепелъ его развѣяли. Вотъ теперь мы, горемычныя, по бѣлу свѣту скитаемся, христовымъ именемъ питаемся" [1]). Всѣ эти проходимцы слушались съ разинутыми ртами невѣжами—раскольниками; вѣря ихъ святости, за недостаткомъ бѣглыхъ поповъ,раскольники поручали имъ службу, а иногда исповѣдывались и причащались отъ нихъ развозимыми ими запасными дарами.Необходимость для бѣглыхъ поповъ скрываться отъ глазъ полиціи доводила иногда до курьезовъ. Такъ въ одномъ изъ селеній Мещовскаго уѣзда бѣглый попъ обвѣнчалъ свадьбу въ конюшнѣ, очевидно, скрывая свое пребываніе. Но не смотря на свое стѣсненное положеніе, раскольники тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умудрялись держать у себя бѣглыхъ поповъ почти постоянно. Такъ въ Козельскѣ проживалъ бѣглый попъ, котораго привозили къ себѣ для совершенія требъ сухиническіе раскольники, какъ они сами показали на допросѣ ихъ исправникомъ [2]). Въ лѣсной засѣкѣ того же уѣзда скрывался бѣглый попъ Тарасій [3]). Но съ

---

[1]) М. С. Дударевъ. Воспоминанія о жизни въ расколѣ, стр. 13—15.
[2]) Арх. Губ. Прав. Дѣло № 81887 отъ 1818 г.
[3]) Арх. Св. Синода Дѣло № $^{141}/_{638}$.

большимъ удобствомъ умѣли устроиться боровскіе раскольники. Въ 1814 и 1815 г.г. благочинный о. Виноградовъ черезъ каждые три мѣсяца рапортовалъ преосвященному, что въ Боровской часовнѣ, тогда еще неразрѣшенной, бѣглымъ попомъ совершаются службы и требы. Напрасно преосвященный Евгеній требовалъ объясненія у гражданскаго начальства,—ему ничего не отвѣчали, а потому онъ на рапортѣ о. благочиннаго отъ 14 сентября 1815 г. положилъ резолюцію: „рапортовать погодично“ [1]).

Проживавшій въ гор. Боровскѣ бѣглый попъ чувствовалъ себя какъ дома и настолько пользовался вниманіемъ полиціи, что былъ ограждаемъ даже въ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Православное духовенство должно было молчать. Иначе оно подвергалось самой гнусной мести со стороны прихожанъ бѣглаго попа. Интересенъ для характеристики этихъ отношеній слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1821 г. Въ Боровскѣ уже нѣсколько лѣтъ подвизался бѣглый попъ изъ Тверской епархіи Михаилъ Васильевъ. Одно время онъ служилъ во флотѣ и былъ священникомъ на кораблѣ, но прослужилъ тамъ не болѣе года, а потомъ снова возвратился въ Тверскую епархію и поступилъ священникомъ въ село Погорѣлое Городище, но пробылъ въ немъ всего лишь около двухъ лѣтъ; въ началѣ столѣтія, на 18 году своего служенія, похитивъ ставленную грамоту, онъ бѣжалъ въ Стародубскія слободы, гдѣ прожилъ около 10 лѣтъ. Оттуда переселился въ Москву на Рогожское кладбище, попечители котораго и командировали его въ Боровскъ для отправленія требъ раскольникамъ. Съ этимъ бѣглымъ попомъ и пришлось столкнуться православному духовенству города по слѣдующему поводу. Въ ночь на 1 іюня изъ Покровской, что на Высокомъ, церкви, приписанной къ Крестовоздвиженскому приходу, былъ похищенъ древній антиминсъ. Крестовоздвиженскій причтъ высказалъ очень основательное подозрѣніе на вышеупомянутаго бѣглаго попа Василія Михайлова, о чемъ и донесъ боровскому земскому суду, прося задержать попа и произвести слѣдствіе. Бѣглый попъ былъ взятъ. Городничій единолично, безъ депутата съ духовной стороны, произвелъ обыскъ въ домѣ дѣвки Смирновой, у которой проживалъ онъ, и въ часовнѣ, но самого Михаила Васильева допросилъ, уже спустя цѣлую недѣлю. На требованіе духовнаго правленія за усиленною охраною отпра-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Докладной реестръ за 1814 и 1815 г.г.

вить попа въ калужское губернское правленіе, городничій отвѣчалъ отъ 8 іюня, что онъ уже отправленъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ попъ находился въ Боровскѣ подъ присмотромъ внутренней стражи, а 13 іюня былъ и вовсе, по ходатайству раскольниковъ, выпущенъ на свободу. Духовное правленіе, конечно, довело все это до свѣдѣнія своего начальства, что не особенно понравилось г. городничему. Были озлоблены и раскольники на православное духовенство за своего попа. Они рѣшили отомстить и жертвою своей мести намѣтили почтеннаго протоіерея Симеона Звѣрева. Того же 13 іюня, какъ бы празднуя освобожденіе своего попа, нѣсколько раскольниковъ, Макаръ и Кононъ Молчановы, Алексѣй Капыринъ, Яковъ и Григорій Щукины и Василій Санинъ, собравшись въ кабакѣ Конона Молчанова, рѣшили послать протоіерею, котораго они видѣли сидѣвшимъ въ своемъ саду, съ работникомъ пива въ глиняной посудѣ и деревянный стаканъ. Возмущенный протоіерей, конечно, выгналъ пьянаго работника и тутъ же донесъ городничему, но Кононъ Молчановъ въ свою очередь отправился къ нему и заявилъ, что будто бы протоіерей поручилъ его служителю принести пива, а когда тотъ доставилъ просимое, вылилъ пиво на голову принесшаго и посудою разбилъ ее до крови. Сердитый городничій сдѣлалъ цѣлую исторію изъ этого; на третій день подвергъ медицинскому освидѣтельствованію пьянствовавшаго работника, но протоіерею легко было опровергнуть всю нелѣпую выдумку Молчановыхъ, тѣмъ болѣе, что у него нашлись свидѣтели происходившей сцены. [1]) Къ сожалѣнію подобные факты не только были, но и проходили безнаказанно для ихъ авторовъ.

Но въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I было значительно облегчено отправленіе у раскольниковъ богослуженія. Указомъ отъ 26 марта 1822 г. разрѣшено раскольникамъ, пріемлющимъ священство, имѣть бѣглыхъ поповъ. Именно въ указѣ сказано, что если бѣглый попъ не совершилъ преступленія, то его оставлять на мѣстѣ у раскольниковъ, какъ такого человѣка, коимъ не дорожатъ, а на требованіе духовенства о высылкѣ бѣглыхъ поповъ отвѣчать: „они находятся на своихъ мѣстахъ“. „Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ, гласитъ тотъ же указъ, тамъ бѣглыхъ священниковъ не держать ни подъ какимъ видомъ,

[1]) Арх. Боров. Дух. Прав. Дѣло отъ 1821 г.

а гдѣ они есть, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству". Положеніе раскольниковъ, съ изданіемъ этого указа, рѣзко измѣняется. Бѣглыми попами спѣшатъ обзавестись не только тѣ раскольники, часовни которыхъ разрѣшены правительствомъ, но по возможности всѣ. Въ Боровскѣ, кромѣ Михаила Васильева, явился еще какой-то бѣглый попъ Василій; оба они открыто совершали требы и богослуженіе въ раскольнической часовнѣ [1]). Въ Калугѣ подвизался бѣглый попъ Василій Крыловъ, совершавшій требы „даже въ домахъ православныхъ", на что жаловалось преосвященному Филарету православное духовенство города. Такая свобода, предоставленная правительствомъ раскольникамъ въ отправленіи богослуженія, навела ихъ на мысль о своевременности ходатайства разрѣшать имъ имѣть и молитвенные дома, гдѣ можно было бы отправлять это богослуженіе. Начались ходатайства этого рода раскольниковъ епархіи передъ губернскимъ начальствомъ. Послѣднее въ виду новыхъ вѣяній, находило возможнымъ удовлетворять эти ходатайства, и такимъ образомъ нѣкоторые изъ раскольниковъ успѣли въ своихъ искательствахъ. Такъ, градо-калужскіе раскольники, до сихъ поръ безуспѣшно добивавшіеся законными и незаконными путями имѣть часовню, въ 1822 г. получили разрѣшеніе открыть таковую въ домѣ Кашина. Въ 1824 г. получено таковое же дворцовскими раскольниками [2]) и раскольниками дер. Кривошеинной, Малоярославецкаго уѣзда. [3])

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I отношеніе къ расколу рѣзко измѣняется: его въ первый разъ начинаютъ подвергать послѣдовательному преслѣдованію. Это преслѣдованіе не имѣло характера прежнихъ (конца XVII и первой половины XVIII ст.) гоненій; напротивъ, внѣшняя сторона отношенія правительственной власти къ расколу какъ будто сохранила тотъ же самый отпечатокъ терпимости, какой обнаруженъ былъ въ царствованіе Павла I и Александра I, но зато теперь преслѣдованія касались внутренней жизни раскола, били его по живымъ жиламъ. Преслѣдованіе ересеначальниковъ, уничтоженіе мѣстъ общественнаго богослуженія, послѣдовательное непризнаваніе въ

[1]) Арх. Бор. Дух. Правл Дѣло отъ 1824 г.

[2]) М. С. Дударевъ. Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола. Москва 1887 г., стр. 10.

[3]) Арх. Кал. Дух. Консист. Дѣло № 73 отъ 1824 г.

жизни старообрядчества чего-либо отдѣльнаго, общественнаго, лишеніе въ пользованіи гражданскими правами, вытекающими изъ таинства брака, крещенія, какъ, напримѣръ, непризнаніе законнорожденности,—вотъ тѣ принудительныя средства, къ которымъ прибѣгало правительство, начиная съ царствованія императора Николая. Указомъ отъ 23 іюля 1826 г. дѣла и свѣдѣнія о раскольникахъ во всей имперіи были сосредоточены во вновь учрежденномъ III Отдѣленіи, въ Комитетѣ Министровъ и въ особомъ Секретномъ Комитетѣ. Закономъ отъ 17 сентября 1826 г. было положено: раскольническія церкви, часовни и молитвенные дома, построенные до изданія закона, оставляются въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были; послѣ же того не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и передѣлка или возобновленіе старыхъ подобныхъ зданій ни по какому случаю не дозволяется. Указомъ отъ 5 іюля 1827 года повторено запрещеніе старообрядцамъ строить и чинить старые молитвенные дома и церкви. Правительство не дозволяетъ старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ. Указомъ 1832 г предписывалось гражданскому начальству „вновь не дозволять являться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ давно живущихъ“. Рядомъ указовъ запрещалось раскольникамъ имѣть свои школы, богоугодныя заведенія, печати, выдавать свидѣтельства въ исполненіи христіанскихъ обязанностей и утверждать духовныя завѣщанія, составленныя въ пользу старообрядческихъ заведеній. Система преслѣдованія раскольниковъ при Николаѣ I была доведена до послѣдняго слова въ концѣ его царствованія. Секретный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова выработалъ суровыя мѣры по отношенію къ раскольникамъ, по которымъ раскольники подлежали самому строгому надзору, безусловно лишены были права общественнаго богослуженія, обложены были особымъ налогомъ, лишены общественной службы, перехода въ высшія сословія и, какъ исключеніе, допускалось имъ записываться въ купеческія гильдіи на временномъ правѣ, но зато они лишены были защиты гражданскихъ и семейныхъ правъ. Вся внутренняя и внѣшняя жизнь раскола находилась въ рукахъ администраціи, и этотъ періодъ времени можно по справедливости назвать временемъ господства чиновничества или даже полиціи въ расколѣ. Дѣло въ томъ, что взамѣнъ строго выработанныхъ законодательныхъ опредѣленій, въ дѣлахъ раскола было предоставлено широкое

поле административной распорядительности. Все вращается около такихъ эластичныхъ понятій, какъ „внѣшнее оказательство“, „болѣе или менѣе вредныя секты“, „полиція должна стараться всѣми зависящими отъ нея мѣрами прекращать соблазны“ и т. д Болѣе строгое отношеніе правительства къ раскольникамъ въ царствованіе Николая развязало руки еще нѣсколько стѣсненной въ своихъ дѣйствіяхъ полиціи, и если наверху говорилось еще, что правительство не преслѣдуетъ за мнѣніе о вѣрѣ, то внизу—полиція, суды уголовные закрывали скиты, молеинныя, забирали и сажали въ тюрьму собравшихся на молитву въ частные дома, при желаніи повсюду искали и находили совратителей и совращенныхъ, или же, наоборотъ, по понятнымъ побужденіямъ, смотрѣли на все это сквозь пальцы.

Правительство императора Николая I озаботилось прежде всего привести въ извѣстность численность раскольниковъ въ имперіи. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ уже 1826 года были собраны статистическія данныя по этому вопросу, при чемъ по Калужской губерніи раскольниковъ оказалось:

	Разныхъ сословій		Помѣщичьихъ крестьянъ	
	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.
пріемлющихъ священство.	4899	5910	4074	4016
не пріемлющихъ священства	1247	1868	648	853
духоборовъ..	11	28	29	47
скопцевъ	17	3	7	8
Всего....	23665 [1])			

Данныя, собранныя Министерствомъ черезъ полицію, разумѣется, были не точны. Это уже видно изъ того, что свѣдѣнія слѣдующаго 1827 г. слишкомъ разнятся какъ въ однородныхъ цифрахъ, такъ и въ общемъ итогѣ съ предшествующимъ годомъ. Статистика 1827 г показала слѣдующее число раскольниковъ.

	Разныхъ сословій.		Помѣщичьихъ крестьянъ.	
	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.
пріемлющихъ священство..	3588	3642	4469	4919
не пріемлющихъ священства	1187	1731	859	1099
духоборовъ.....	11	26	30	48

[1]) Н. Варадиновъ. Ист. Мин. Вн. Дѣлъ, VIII т., стр. 161—162.

	Разныхъ сословій		Помѣщичьихъ крестьянъ.	
	муж п	жен. п.	муж. п.	жен. п.
скопцевъ	—	1	21	7
субботниковъ	7	10	—	—
Всего		21815		

Поиятно, что въ годъ не могло обратиться въ православіе или выбыть изъ губерніи до двухъ тысячъ раскольниковъ; слѣдовательно мы должны предположить, что самыя статистическія данныя были не точны. Подобныя свѣдѣнія собирались и въ послѣдующее время, и мы видимъ то же колебаніе въ цифрахъ. Такъ по подсчету 1837 г. раскольниковъ въ губерніи было:

	муж. п	жен п.
пріемлющихъ священство	7648	8672
не пріемлющихъ священства	2713	4029
духоборовъ	17	32
скопцовъ	3	2
Всего		23120 [1])

Въ 1839 году:

	муж. п.	жен. п.
пріемлющихъ священство	7751	8897
не пріемлющихъ священства	2245	3288
духоборовъ	16	32
Всего		22229

Въ 1841 году:

	муж. п.	жен. п.
пріемлющихъ священство	7527	8571
не пріемлющихъ священства	1946	2739
духоборовъ	15	32
скопцовъ	6	20
Всего		20856 [2])

Въ 1846 году:

	муж. п.	жен. п.
пріемлющихъ священство	7692	9287

[1]) Тамъ же, стр 374.
[2]) Тамъ же. стр. 378.

		муж п	жен п.
не пріемлющихъ священства	признающихъ браки и молящихся за царя	1718	2216
	не признающихъ	18	28
духоборовъ...		23	49
скопцовъ.....		8	—
Всего.....			22099

Но выражали ли эти цифры приблизительное число раскольниковъ? Нельзя сказать этого утвердительно, потому что строгія мѣры правительства по отношенію къ раскольникамъ заставляли послѣднихъ скрывать свою приверженность къ расколу, такъ что дѣйствительное число раскольниковъ было трудно уловить полиціи, которая, при собираніи свѣдѣній, пользовалась полицейскими списками такъ называемыхъ уже „записныхъ раскольниковъ".

Положеніе калужскихъ раскольниковъ въ царствованіе императора Николая I было довольно тяжелое. Закономъ отъ 17 сентября 1826 г. была воспрещена постройка новыхъ молитвенныхъ зданій, но мы уже знаемъ, что раскольники Калужской епархіи не успѣли въ царствованіе императора Александра I, за исключеніемъ болѣе центральныхъ раскольническихъ мѣстъ, заручиться оффиціальнымъ разрѣшеніемъ имѣть молитвенные дома. Мѣстами собраній для общей молитвы служили частныя помѣщенія, куда собирались раскольники тайкомъ, слѣдовательно послѣднимъ нельзя было трактовать ихъ какъ молитвенныя зданія, чтобы подвести подъ законъ 1826 года Поэтому имъ приходилось попрежнему отправлять службу тайно, назначая мѣстомъ ея, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, различные частные дома. Но правительство не оставило въ прежнемъ видѣ часовенъ, существовавшихъ до изданія этого закона: оно запечатало въ нихъ алтари. Повидимому положеніе раскольниковъ въ отношеніи мѣстъ богослуженія почти не измѣняется; на самомъ же дѣлѣ было далеко не такъ. Прежде безъ особой причины раскольниковъ не трогали, когда они собирались для молитвы въ тотъ или другой домъ, теперь же полиція обязывалась слѣдить за всякими сборищами раскольниковъ. Такимъ образомъ послѣдніе оказались въ полной зависимости отъ мѣстной администраціи. Если раскольники жили въ ладахъ съ нею, то полиція не замѣчала ихъ дѣяній, если же та не находила расчета покровительствовать раскольникамъ, то заслышанное издали

массовое пѣніе въ частномъ домѣ давало поводъ полиціи придраться, ибо это было уже „внѣшнимъ оказательствомъ“ раскола. Хотя раскольники епархіи умѣли въ большинствѣ случаевъ уживаться съ чиновничествомъ, и послѣднее обращало на нихъ вниманіе главнымъ образомъ лишь по требованію духовенства, когда раскольники забывались настолько, что ихъ дѣйствія становились явными и производили соблазнъ среди православныхъ, тѣмъ не менѣе для нихъ, раскольниковъ, конечно, удобнѣе было заручиться оффиціальнымъ разрѣшеніемъ имѣть у себя молитвенные дома. Сдѣлать это было очень не легко, но имъ, однако, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, удавалось достигнуть этого Ходатайствовавшіе обыкновенно старались доказать, что ихъ моленная существовала до закона 1826 г., и какъ таковая имѣетъ право на существованіе. Такъ, напримѣръ, въ 1838 г. въ селѣ Глазовѣ, Мещовскаго уѣзда, было обнаружено три моленныхъ, устроенныхъ на задворкахъ у крестьянъ Еф. Аван. Кузнецова, Дмитрія Васильева и Андрея Яковлева Косарева. Въ моленныхъ проживали дѣвки, отправлявшія вмѣстѣ съ крестьяниномъ того же села Алексѣемъ Ефимовымъ службы. На основаніи указныхъ предписаній 30 апрѣля 1838 г. названныя моленныя были запечатаны становымъ приставомъ по требованію духовнаго начальства. Но проживавшія въ нихъ дѣвки подали прошеніе въ мещовскій земскій судъ съ просьбою распечатать моленныя потому-де въ нихъ находится ихъ необходимое въ крестьянскомъ быту имущество. Губернское правленіе по представленіи земскаго суда позволило распечатать (что и было сдѣлано 28 декабря того же года), обязавъ земскій судъ слѣдить, чтобы служенія въ нихъ отнюдь не было совершаемо, но таковыя снова возобновились, о чемъ и донесъ глазовскій благочинный преосвященному Николаю. Губернское правленіе, дозволивъ распечатать моленныя, не сочло нужнымъ увѣдомить объ этомъ консисторію, а потому такой оборотъ дѣла былъ совершенно неожиданностью для епархіальнаго начальства. Преосвященный по этому поводу отнесся съ просьбою въ Палату Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи которой были глазовскіе крестьяне, но та, предписавъ окружному начальству, чтобы оно содѣйствовало священникамъ села Глазова „къ склоненію крестьянъ къ принятію православія мѣрами кроткими и закономъ дозволенными, болѣе дѣйствуя благоразумными совѣтами и внушеніями“, передала дѣло снова въ губернское правленіе. Послѣднее лишь въ декабрѣ 1847 г.

увѣдомило консисторію, оправдывая свою медлительность „необходимостью формальнаго изслѣдованія“, что оно опредѣлило „оставить моленную Кузнецова, какъ существовавшую до 1826 г., въ прежнемъ ея видѣ, но имѣть бы черезъ пристава строжайшее наблюденіе, чтобы въ ней не производилось отнюдь никакихъ передѣлокъ и возобновленій“, а относительно остальныхъ двухъ моленныхъ, какъ возникшихъ ужо послѣ закона 1826 г, правленіе постановило обязать владѣльцевъ ихъ не допускать сборищъ [1]). Подобными путями раскольники епархіи добились того, что въ 1840 г. они имѣли уже 8 часовенъ и моленныхъ, разрѣшенныхъ правительствомъ, а въ 1846 году 14 часовенъ и 1 молитвенный домъ съ престоломъ [2]), тогда какъ въ дѣйствительности къ 1826 г. даже такіе крупные раскольническіе пункты, какъ, напримѣръ, Сухиничи, не имѣли у себя открыто молитвенныхъ домовъ. Легче было устроиться съ своими моленными деревенскимъ раскольникамъ. Они обыкновенно ставили избу на задворкахъ, поселяли въ ней, для отвода глазъ полиціи, двухъ—трехъ женщинъ или мужчинъ и собирались небольшими партіями для молитвы. Вотъ почему въ одномъ селеніи оказывалось по три и болѣе молитвенныхъ дома. Труднѣе было скрыть свои молитвенные дома городскимъ раскольникамъ, а потому они собирались въ жилыхъ помѣщеніяхъ, стараясь, чтобы комнаты, въ которыхъ совершались службы, выходили окнами не на улицу. Въ Боровскѣ, гдѣ духовенство болѣе внимательно слѣдило за раскольниками, послѣдніе собирались къ службамъ даже по „наряду“ [3]).

Еще больше стѣсненія раскольники чувствовали въ царствованіе императора Николая I въ отношеніи бѣглыхъ поповъ. Съ наступленіемъ строгихъ временъ, бѣглые попы повыѣхали изъ предѣловъ епархіи, а указомъ 1832 г. имъ воспрещено было удаляться съ мѣста своего жительства. Для бѣглыхъ поповъ такимъ образомъ не было выгоды рисковать попасться въ руки полиціи, а потому они почти совершенно оставили свою калужскую паству. Раскольники были поставлены этимъ въ страшное затрудненіе, такъ какъ для вѣнчанія браковъ и нѣкоторыхъ другихъ требъ приходилось ѣздить въ Москву и Тулу, гдѣ проживали „указные“

---

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 7 отъ 1838 г.

[2]) Н. Варадиновъ. Ист. Мин. Вн. Дѣлъ, VIII т., стр. 378.

[3]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло за № 375.

бѣглые попы, при томъ ѣздить тайно, такъ какъ оставленнымъ у раскольниковъ попамъ запрещалось принимать къ себѣ для требоисправленій раскольниковъ другихъ губерній. Такія паломничества должны были совершать одинаково, какъ боровскіе, напримѣръ, раскольники, [1]) такъ и жиздринскіе [2]). Въ 40 годахъ боровскіе раскольники обращались съ своими духовными нуждами въ подмосковное мѣстечко Орлово (въ 18 вер. отъ Москвы и 70 отъ Боровска), гдѣ на фабрикѣ купца Пѣшкова проживалъ бѣжавшій въ 1842 г. изъ Пафнутіева монастыря подначальный священникъ градо-Калужской Косьмодаміанской церкви Егоръ Моисѣевъ Розановъ, въ рѣдкихъ случаяхъ навѣщавшій свою боровскую паству. Въ 1854 г. раскольники на второй недѣлѣ великаго поста привезли его въ Боровскъ, и онъ совершалъ богослуженіе въ домахъ Томилина, Шапошникова и Большакова, исповѣдывалъ, пріобщалъ и до 20 человѣкъ вновь „помазалъ“. [3]) Въ большинствѣ же случаевъ калужскіе раскольники обращались съ своими нуждами къ „указному“ попу Павлу въ Тулу, отчего они и называютъ себя въ это время „тульскими“. Этотъ Павелъ стяжавшій себѣ извѣстность въ исторіи мѣстнаго раскола, до времени ухода въ расколъ (въ 1830 г.). былъ священникомъ въ селѣ Князищевѣ Лихвинскаго уѣзда. Приверженный пороку пьянства, Павелъ Алексѣевичъ Побѣдоносцевъ (полное имя и фамилія попа Павла), въ бытность свою православнымъ священникомъ, дозволилъ себѣ занять изъ церковныхъ денегъ 100 руб. ассигн., сумму для того времени значительную, но выплатить долгъ оказался не въ состояніи. Послѣдовалъ доносъ. О. Павелъ отказался въ томъ, что онъ состоитъ должникомъ церкви, но былъ уличенъ. За это, а равнымъ образомъ и за пьянство, епархіальное начальство присудило его къ запрещенію служенія и низведенію на причетническую должность. Привыкшему къ разгульной жизни о. Павлу, конечно, не хотѣлось нести наложеннаго на него наказанія, а тутъ явились къ нему раскольники съ предложеніемъ итти къ нимъ „священнодѣйствовать и жить въ привольной жизни“. Соблазнъ великъ,—и П. А. Побѣдоносцевъ не устоялъ. Забравъ свою семью, онъ бѣжалъ къ тульскимъ раскольникамъ, для которыхъ и исправлялъ требы. Указъ 1832 г., дозволявшій бѣглымъ попамъ оставаться на мѣстахъ сво-

[1]) Тамъ же Дѣло № 200 по общему реестру.
[2]) Тамъ же Дѣло № 61 за 1849 г.
[3]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 200 по общему реестру.

его служенія съ отвѣтственностью лишь за совращеніе православныхъ и исправленіе требъ раскольникамъ иныхъ губерній, засталъ Павла въ Тулѣ, а потому онъ и считался „указнымъ“. Паволъ былъ человѣкъ слабой воли, а больше всего его губила страсть къ водкѣ. Пребываніе въ расколѣ его страшно тяготило, но онъ не имѣлъ характера на столько, чтобы порвать съ нимъ связь. Отсюда еще большее хмелеваніе, чтобы заглушить укоры совѣсти. Когда послѣ продолжительнаго пьянства онъ приходитъ въ себя и впадалъ въ тоску отъ сознанія сдѣланнаго имъ преступленія, раскольники изъ боязни, какъ бы онъ не возвратился обратно въ церковь, старались его спаивать снова и такимъ путемъ достигали того, что до смерти удержали его у себя. Чувствуя себя не въ состояніи вырваться отъ раскольниковъ, онъ по крайней мѣрѣ старался не погубить свою семью и двухъ своихъ сыновей воспитывалъ въ Калужской Духовной Семинаріи, подъ угрозою проклятія запрещая имъ уклоняться въ расколъ. Павелъ подъ конецъ своей жизни разсорился съ тульскими раскольниками. Онъ повѣнчалъ бракъ, заключенный въ незаконныхъ степеняхъ родства, чѣмъ возмутилъ противъ себя своихъ тульскихъ прихожанъ. Послѣдніе собрали по этому поводу соборъ, на который пригласили представителей московскихъ раскольниковъ, но эти приняли сторону Павла и переманули его къ себѣ. По разсказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, Павелъ передъ смертію умолялъ окружавшихъ его раскольниковъ пригласить для напутствованія православнаго священника, въ чемъ, конечно, ему было отказано, а послѣ смерти у него нашли „покаянную“, которую онъ собирался отослать въ Св. Синодъ. [1])

Какъ же обходились раскольники безъ поповъ въ обычное время? Ихъ мѣсто замѣняли уставщики. На нихъ лежала обязанность крестить, отпѣвать умершихъ, а въ крайнихъ случаяхъ исповѣдывать и причащать запасными дарами, нарочито оставляемыми имъ для этого бѣглыми попами, а также совершать службу, за исключеніемъ обѣдни. Бѣглые попы, изрѣдка посѣщавшіе свою паству, лишь помазывали крещенныхъ, вѣнчали браки, исповѣдывали и пріобщали кающихся. Уставщики, избиравшіеся изъ лицъ болѣе знакомыхъ съ обрядами и чиномъ богослужебнымъ, пользовались обычно громаднымъ вліяніемъ среди раскольнической массы и даже большимъ, чѣмъ бѣглые попы. Роли уставщиковъ въ это время въ

[1]) Кал. Еп. Вѣд. 1886 г. №№ 19, 20, 21 и 24.

нѣкоторыхъ мѣстахъ еще играютъ раскольническіе иноки, келіи которыхъ на ряду съ келіями неизбѣжныхъ ихъ спутницъ-инокинь встрѣчаются на протяженіи всей епархіи. Въ гор. Калугѣ были келіи, въ которыхъ проживало много лицъ изъ другихъ уѣздовъ. [1]) Въ селѣ Толстошеевѣ, или Брынскомъ заводѣ, Жиздринскаго уѣзда, на усадьбахъ крестьянъ существовали келіи, въ которыхъ проживали иноки и инокини, отправлявшіе службу. Такъ на усадьбѣ крестьянки Козакиной въ кельѣ жилъ около 25 лѣтъ какой-то инокъ Іона, на усадьбѣ Клеменовой—однодворки Орловскаго уѣзда, дѣвка Настасья, которая въ 1823 г. поселилась здѣсь съ матерью, потомъ умершею; на пустоши стояла келья, въ которой проживалъ слѣпой старецъ Ефимовъ; на землѣ Залогиной около 40 лѣтъ жили въ келіяхъ инокини Домна и сестра ея Анна. Въ 1845 г. всѣ пришедшіе со стороны иноки и инокини были высланы, а съ конторы помѣщицы Рябининой, во владѣніи которой состояло Толстошеево, была взята подписка не дозволять селиться вновь. [2]) Въ селѣ Вѣйнѣ Козольскаго уѣзда издавна существовали келіи, изъ которыхъ болѣе извѣстныя были Бирюкова и въ деревнѣ Грыни-Похольцева, Петрова и Машкаркина. Въ келіяхъ также жили дѣвки, отправлявшія службу, которая состояла въ чтеніи часослова и псалтири; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ по безграмотству, читали по памяти, служили панихиды, читали каноны о здравіи. [3]) Въ часовнѣ дер. Кривошеиной, Малоярославецкаго уѣзда, службу совершалъ крестьянинъ той же деревни Алексѣй Гавриловъ, носившій иноческое платье. [4]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвицамъ отдавалось предпочтеніе при отправленіи службъ, и на нихъ лежала обязанность читать „съ благословенія“ попа евангеліе. Какъ бы ни были опытны и фанатичны всѣ эти иноки и инокини, тѣмъ не менѣе они не могли замѣнить для раскольниковъ собою бѣглыхъ поповъ. Нужда въ послѣднихъ была тѣмъ болѣе ощутительна, что являлись самозванцы, выдававшіе себя за поповъ. Такъ однажды, въ концѣ 40-хъ годовъ, пріѣхалъ въ Черную Грязь изъ Глотова попъ. Старообрядческій попечитель Щербаковъ встрѣтилъ его съ подобающею честію, принялъ въ свой домъ и помѣстилъ въ самой

---

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс Дѣло № 12 отъ 1842.
[2]) Тамъ же. Дѣло № 47 отъ 1844 г.
[3]) Тамъ же. Дѣло № 61 отъ 1849 г.
[4]) Тамъ же. Дѣло № 73 отъ 1849 г.

лучшей комнатѣ, въ своей образной. Пришелъ и другой попечитель, Худяковъ, поздоровался съ попомъ, принялъ благословеніе и остался весьма доволенъ его осанистой наружностью и разговоромъ: попъ разсказалъ про свои великіе подвиги, будто-бы совершенные на пользу „древляго благочестія“, и приказалъ на завтра готовиться старообрядцамъ къ исправѣ. Утромъ, чѣмъ свѣтъ, стали черногрязскіе дворы наполняться пріѣзжими старообрядцами. Попечитель Худяковъ соблаговолилъ допустить исправу въ своей часовнѣ, которая находилась у него въ саду, въ глухомъ мѣстѣ. Народъ потянулся къ часовнѣ. Въ это время попъ, затворившись въ своей комнатѣ, тоже приготовлялся къ исправѣ. Небольшая внучка Щербакова изъ дѣтскаго любопытства заглянула черезъ скважину въ комнату пока и увидѣла, что онъ сидитъ за столомъ, рѣжетъ бѣлый хлѣбъ на мелкіе кусочки и смачиваетъ изъ бутылки чѣмъ-то краснымъ. Дѣвочка сказала это матери; та посмотрѣла сама и сказала мужу, молодому Щербакову. Онъ не повѣрилъ и обругалъ жену. А въ это время подъѣзжаетъ верховой, и, соскочивъ съ лошади, спрашиваетъ хозяина. Щербаковъ вышелъ. Гонецъ объяснилъ ему, что присланъ изъ Глотова, отъ тамошнихъ попечителей, для нѣкотораго секретнаго объясненія—„Въ чемъ дѣло“? спрашиваетъ Щербаковъ.—„Да вотъ насчетъ батюшки-то заѣзжаго“, отвѣчаетъ посолъ.—„Что же? развѣ бѣда какая? съ тревогой спросилъ Щербаковъ:—„становой чтоли проюхалъ?“—„Нѣтъ дѣло другого сорта. Наши попечители кое-что примѣтили за этимъ батюшкой, такъ и пришли въ сумнѣніе; истовый ли онъ попъ-то? Тутъ сынъ Щербакова отозвалъ отца въ сторону и передалъ ему, что слышалъ отъ жены. Послали за другимъ попечителемъ, Худяковымъ, и стали совѣтываться: что же теперь дѣлать? Рѣшили позвать попа къ себѣ и въ это время осмотрѣть въ комнатѣ всѣ его вещи. Сынъ Щербакова подошелъ къ комнатѣ попа, сотворилъ обычную молитву и просилъ отпереть. Попъ засуетился, сталъ убирать со стола и кое-какъ прятать въ свой дорожный кошель. „Отоприте, батюшка,—неотложное дѣло до васъ есть“, повторилъ молодой Щербаковъ. Попъ отперъ дверь и спросилъ:„ какое дѣло“?—Васъ желаютъ видѣть попечители—пожалуйте“. Попъ хотѣлъ было запереть дверь, но Щербаковъ сказалъ: „не безпокойтесь, батюшка; въ эту комнату никто не войдетъ; она завѣтная, отцовская“ —и повелъ попа къ попечителямъ. Попечители и вида не подали, что имѣютъ подозрѣніе противъ попа, встрѣтили его съ должною

честію и повели разговоръ о предстоящей исправѣ и о прочемъ. Между тѣмъ молодой Щербаковъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ находился попъ, раскрылъ его дорожный кошель, вынулъ изъ него бутылку съ краснымъ виномъ, половину бѣлаго хлѣба, жестянку съ кусочками хлѣба, прошитаннаго виномъ, ножъ и другія вещи,— и все это разложилъ на столѣ. Потомъ, воротившись, говоритъ попечителямъ: „готово, пожалуйте"! Попъ началъ понимать, въ чемъ дѣло. Всѣ вошли въ его комнату. „Что это такое"?—гнѣвно спросилъ попа попечитель Худяковъ, указывая на разложенныя по столу вещи. Сначала попъ нѣсколько сробѣлъ, но скоро оправился и съ наглостію отвѣтилъ: „развѣ не видите что? Полбутылки кагору, половина булки а это жестянка съ накрошеннымъ хлѣбомъ".—„Стало быть, ты насъ такимъ-то причастьемъ хотѣлъ пріобщать"?—горячился Худяковъ, приступая къ нему.—„А то какимъ же"?—отвѣчалъ попъ. Это и есть наше древнее причастіе, которымъ мы васъ, древне-православныхъ христіанъ, пріобщаемъ; больше никакого нѣтъ". Попечители набросились на попа съ ругательствами,—называли его пронырой, мошенникомъ, плутомъ, губителемъ душъ христіанскихъ и т. п „Въ острогъ тебя засадить, мошенника"! Попъ стоялъ и улыбался. Потомъ говоритъ: „не горячитесь, друзья! Въ острогъ вы меня не посадите, потому что я не какой-нибудь бродяга, а имѣю при себѣ годовой паспортъ, который только два мѣсяца назадъ получилъ изъ нашего волостнаго правленія. А если вы меня за поповство хотите посадить въ тюрьму, такъ прежде сами туда не попадите. Намъ-то не учиться стать въ казематахъ сидѣть,—мы люди бывалые! А вотъ какъ васъ, почтенныхъ воротынскихъ купцовъ, запрячутъ, такъ вы по иному запоете"! Попечители примокли. „А вы, почтенные старцы, продолжалъ онъ, лучше вотъ что сдѣлайте: по добру по здорову отпустите меня; я васъ будто не знаю, и вы меня будто не видали. Вы оставайтесь со всякимъ благополучіемъ, а я отправлюсь своей дорогой". Уложилъ все обратно въ кошель, сѣлъ на повозку и отправился дальше „исправлять" другихъ старообрядцевъ [1]). Подобные обманы побуждали раскольниковъ стремиться какъ-нибудь путемъ оффиціальнаго разрѣшенія упорядочить пользованіе бѣглыми попами. Такъ въ 1838 г. боровскіе раскольники подаютъ про-

[1]) М. С. Дударевъ. Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола. Москва. 1887 г., стр. 23—26.

шеніе Государю Наслѣднику и просятъ его позволить имъ имѣть у себя бѣглаго попа на основаніяхъ закона отъ 26 марта 1822 г., въ чемъ, конечно, имъ было отказано [1]) Калужскіе раскольники также обращались черезъ министра государственныхъ имуществъ къ Государю, хотя и съ болѣе скромною просьбою, чтобы имъ дозволено было ѣздить для исполненія духовныхъ требъ у раскольничьихъ поповъ въ Черниговскую губернію. Его Величество, считая неудобнымъ дать раскольникамъ, не имѣющимъ у себя поповъ, явное дозволеніе совершать духовныя требы у раскольничьихъ поповъ въ другихъ губерніяхъ, дабы тѣмъ не подать имъ поводъ мыслить, что заблужденія ихъ одобряются, въ 19 день декабри 1841 г Высочайше повелѣть соизволилъ: „не дѣлая по сему предмету никакихъ гласныхъ распоряженій, предоставить министру государственныхъ имуществъ дать секретное предписаніе мѣстному начальству тѣхъ раскольниковъ не мѣшать имъ отправлять ихъ духовныя требы по ихъ понятіямъ, но безъ соблазна для православныхъ и наружныхъ оказательствъ своей ереси“ [2]).

Строгія мѣры, принятыя правительствомъ въ царствованіе императора Николая I по отношенію къ раскольникамъ, имѣли своимъ ближайшимъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что появилась въ губерніи масса такъ называемыхъ „тайныхъ“ раскольниковъ, которые наружно принадлежали къ православной церкви, въ которой крестились, вѣнчались, но на духъ ходили къ раскольничьимъ попамъ, а на молитву въ раскольничьи часовни. Такое видимое двоевѣріе вызывалось, съ одной стороны, тѣмъ, что попасть въ „записные“ раскольникамъ можно было лишь приговоромъ суда, чего боялись раскольники; такъ какъ хорошо знали волокиту послѣдняго до введенія новыхъ судебныхъ уставовъ, а съ другой — желаніемъ, числясь православными, сохранить за собою гражданскія права, которыхъ отчасти были лишены раскольники въ царствованіе императора Николая I. „Въ каждомъ приходѣ — доноситъ въ 1853 г. протоіерей гор. Боровска Е. І. Чертковъ, тайные раскольники составляютъ собою треть прихожанъ. Требы у сихъ прихожанъ совершаются приходскими священниками, какъ-то: крещеніе, бракъ и погребеніе, только крещеные и вѣнчаные въ церкви „переправляются“, погребеніе же совершается прежде церковнаго, какъ это видно частію изъ того, что умершіе приносятся въ

[1]) Арх. Кал. Кал. Дух Конс. Дѣло № 21 по общему реестру.

[2]) Собраніе постановленій по части раскола. С.-П.Б. 1858 г. стр. 392.

церковь съ возложенными раскольническими вѣнчиками, частію изъ того, что послѣ погребенія церковнаго родные не прощаются съ умершими, говоря, что они уже простились. Во дни праздниковъ тайные раскольники съ принужденіемъ для себя, а принимаютъ въ дома свои священниковъ, избѣгая при этомъ креста и кропленія св. водою. На исповѣди же и у св. причастія въ церкви не бываютъ, отзываясь на увѣщаніе священниковъ недосугами, домашними обстоятельствами“ [1]) Обращаясь въ православную церковь за исключеніемъ нѣкоторыхъ требъ лишь по необходимости, „тайные“ раскольники въ душѣ горѣли ненавистью къ ней не менѣе записныхъ. При отпѣваніи, наприм., покойника они старались сорвать тайкомъ возложенные на него православнымъ священникомъ вѣнчикъ и молитву и замѣнить своими раскольничьими [2]) Въ особенности въ этомъ отношеніи нахальствомъ отличались женщины, которыя въ храмахъ устраивали цѣлые скандалы, если причтъ замѣчалъ ихъ продѣлку [3]).

Съ другой стороны строгія мѣры даннаго времени вызвали стремленіе со стороны раскольниковъ епархіи возстановить расколъ во всей его замкнутости и нетерпимости первыхъ временъ его существованія. Это стремленіе сказалось въ увлеченіи раскольниковъ лужковской сектой *).

---

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 163 по общему реестру.
[2]) Тамъ же Дѣло № 406.
[3]) Тамъ же. Дѣло № 163.

*) Лужковская секта стала вообще извѣстна въ началѣ 40-хъ годовъ. Она открылась по случаю отказа казака войска Донскаго отъ присяги на вѣрность службы и подписи отобраннаго отъ него допроса. Наставникомъ этой секты оказался бѣглый попъ въ селеніи Лужкахъ, Черниговской губ. Послѣдователи ея жили въ 4 посадахъ Черниговской губ.—Лужкахъ, Воронкѣ, Милинѣ и Чуровичахъ, распространились въ землѣ Войска Донскаго и въ Калужской губ. Они не принимали бѣглыхъ поповъ, извѣстныхъ правительству, и потому скрывали своихъ отъ мѣстныхъ властей; признавали какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ еретиками, избѣгали всякаго съ ними общенія, отлучившихся изъ своихъ селеній считали осквернеными до тѣхъ поръ, пока эти не очищали себя молитвою, которую читали надъ ними тайные ихъ попы Считали за грѣхъ носить мундиры, принимать присягу, брать паспорта для отлучекъ и подписывать бумаги, относившіяся къ ихъ расколу. Въ моленныхъ своихъ надѣвали одежду, какую носили ихъ предки, отпавшіе отъ церкви до патр Никона. Секта эта была первоначально въ общемъ пренебреженіи у раскольниковъ, но когда въ посадахъ Черниговской губ. не стало дозволенныхъ бѣлыхъ поповъ и

Лужковская секта прежде всего распространилась въ Боровскѣ, гдѣ существованіе ея обнаружилось въ началѣ 1842 г.

Основателемъ секты лужковцевъ въ Боровскѣ явился Иванъ Яковлевъ Памятушевъ, носившій въ народѣ другую фамилію Лялина. Замѣчательно, что онъ не былъ природнымъ раскольникомъ, родился отъ православныхъ родителей, былъ крещенъ въ Боровской Троицкой церкви, до 27 лѣтъ бывалъ на исповѣди у православнаго священника, но потомъ неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, вѣроятнѣе же всего вслѣдствіе постояннаго вращенія въ раскольническомъ обществѣ, мало-по-малу отсталъ отъ православія и сталъ ходить на богомолье въ раскольническую часовню. Хотя Памятушевъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, но обнаруживалъ сильную привязанность къ расколу: ему хотѣлось видѣть расколъ такимъ, каковъ онъ былъ, по преданію стариковъ, въ прежнее время, т. е. не тронутымъ новыми вѣяніями, во всей его изувѣрской нетерпимости Между тѣмъ его „огнепальное желаніе строгости въ отеческихъ нравахъ и обычаяхъ“ не могло удовлетвориться среди современнаго ему раскольническаго общества, которое уже начало выходить изъ прежней многовѣковой замкнутости.

„Замѣтивъ, какъ самъ объяснялъ Лялилъ, въ часовнѣ безпорядки, какъ-то: многіе приходятъ для богомолья въ непристойныхъ старинным обычаямъ одѣяніяхъ,—сюртукахъ, жилетахъ, манишкахъ, брюкахъ, а иные изъ нихъ курятъ табакъ и сигары по разнымъ мѣстамъ, отсталъ отъ часовеннаго общества“ [1]). Неудовлетворенный въ своихъ стремленіяхъ, онъ сталъ искать истинной древлеправославной вѣры, которая была бы чужда печати антихриста, искать раскольническаго общества, которое бы избѣгало ношенія сюртуковъ, жилетовъ, манишекъ и брюкъ, табаку и сигаръ не курило бы „даже въ мѣстахъ потаенныхъ“. Онъ услы-

---

приняты строгія мѣры къ преслѣдованію ихъ переѣздовъ, то многіе раскольники другихъ посадовъ начали ѣздить въ Лужки и исправлять тамъ духовныя требы у тайнаго бѣглаго попа. Жители этого посада особенно отличались упорствомъ въ своихъ заблужденіяхъ прямо и открыто объявляли, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія присоединиться къ единовѣрію. Отъ такой непреклонности посадъ Лужки получилъ между раскольники названіе „новаго Іерусалима“. Секта эта называлась также тайною Вѣтковскою сектою. (Варадиновъ. Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, VIII т. С.Пб. 1863 г., стр. 477—478.

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 70.

шалъ, что въ Стародубскихъ слободахъ вѣра содержится тверже: „неизмѣнно соблюдаются и по вѣрѣ всѣ стародержимые обычаи, кои сохранялись во времена первыхъ четырехъ патріарховъ [1]). Желая удостовѣриться лично, Памятушевъ въ 1841 г. вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Митрофаномъ Михайловымъ Поздняковымъ отправился въ Черниговскую губернію, въ слободу Лужки, „гдѣ, дѣйствительно, усмотрѣлъ твердость содержимой жителями той слободы вѣры и отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ, бывшимъ въ употребленіи во времена первыхъ четырехъ патріарховъ, а потому оставилъ боровскихъ раскольниковъ, измѣнившихъ даже (?!!) самую одежду и начавшихъ курить табакъ и сигары, и принялъ вѣру, содержимую лужковскими жителями“ [2]).

Въ Лужкахъ была „церковь“ Успенія Богоматери, т. е. раскольническая часовня, но устроенная подобно боровской, по примѣру православнаго храма; имѣлся алтарь, жертвенникъ. При этой Успенской часовнѣ проживалъ попъ Павелъ, который и познакомилъ боровскихъ искателей истины съ сущностью лужковской вѣры. Послѣдніе, плѣнившись чинностью лужковскаго богослуженія, не задумались присоединиться къ обществу фанатичныхъ лужковцевъ. Попъ Павелъ помазалъ ихъ мѵромъ, и они возвратились на родину иновѣрцами, гдѣ и положили начало новому и наиболѣе нетерпимому раскольническому толку.

„Сущность лужковской вѣродержимости, пояснялъ боровичамъ Лялинъ, состоитъ, по внушенію тамошнихъ жителей и онаго священника Павла, въ томъ, чтобы не ходить въ греко-россійску церковь къ божественнымъ службамъ, не заимствоваться отъ нея никакими таинствами, ея ученію совершенно не покоряться, не признавать ее за святую, соборную и апостольскую церковь, а собираться для богомолья съ своими единовѣрцами по домамъ и отправлять самимъ службу по старопечатнымъ книгамъ, мощей, открывшихся послѣ патр. Никола, не признавать святыми, равнымъ образомъ и разныхъ иконъ не почитать, молиться двумя перстами, какъ велѣно старопечатными книгами, а троеперстнаго креста не принимать, съ людьми не нашей вѣры отнюдь общенія не имѣть, даже и на праздникъ Пасхи не чинить съ ними принятаго цѣлованія [3]). Какъ видно, догматика боровскихъ лужков-

[1]) Тамъ же
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

цевъ не отличалось отъ общераскольническаго ученія, и подъ ней одинаково подписался бы любой поповецъ и безпоповецъ, потому что она, кромѣ отрицательныхъ чертъ, имѣющихъ въ виду православную церковь, чего-либо положительнаго не имѣла. Но какъ вообще русскій расколъ есть форма безъ содержанія, религія безъ живой вѣры, такъ и боровскій не составлялъ исключенія. Нѣтъ нужды, что лужковское согласіе, на взглядъ боровскихъ раскольниковъ, ничѣмъ въ существѣ не отличается отъ согласія, но лужковцы не носятъ брюкъ и жилетовъ, такъ надо перемазаться и порвать религіозное общеніе.

Человѣкъ еще молодой, но уже сильно возревновавшій о старооотеческихъ преданіяхъ, строгаго образа жизни, человѣкъ настойчиво идущій къ намѣченной цѣли—Лялинъ пріобрѣлъ сильное нравственное вліяніе на боровичей и успѣшно началъ распространеніе секты. Онъ сразу сталъ авторитетомъ не только среди раскольниковъ, но и многихъ простосердечныхъ православныхъ. *) Но вліяніе Ивана Яковлевича Лялина было ужъ черезъ-чуръ сильно, такъ что обратило на себя вниманіе полиціи. Онъ завелъ моленія въ домѣ мѣщанки Слемзиной, обратившей свое жилище въ лужковскую моленную; здѣсь лужковцы отправляли тайно богослуженіе. Многочисленныя сборища не могли остаться незамѣченными, и 25 апрѣля 1842 г. полиція обнаружила первое собраніе лужков-

---

*) Одними изъ первыхъ послѣдователей Лялина явились его семейные, всѣ дотолѣ православные. сестры Евдокія Яковлева Татаринова, тетка Акилина Степанова; затѣмъ прихожане Троицкой церкви: мѣщ. Андрей Глухаревъ; мѣщ. жена Анна Сапунова; Крестовоздвиженской—Семенъ Гурьевъ Воронковъ, измѣнившій православію и совратившій въ расколъ мать свою Марію Иванову, жену съ дѣтьми, сестру, Спасо-преображенской—Авксентій Второвъ, родившійся отъ православныхъ родителей, воспитанный въ православіи, дважды повѣнчанный въ Боровскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, первую жену похоронившій на православномъ кладбищѣ и тѣмъ не менѣе не только самъ совратившійся въ расколъ, но и семейство свое увлекшій за собою; Рождественской—вдовая мѣщанская жена Анна Щукина, мѣщанскія дѣвицы Елена Иванова, Дарья Алешина, Екатерина Большакова, Васса Муромцева, мѣщ. Борисъ Памухинъ съ женою. Что влекло православныхъ въ лужковскую секту, совершенно не понятно, но тотъ фактъ, что отцы увлекаютъ свои семейства, указываетъ, что дѣло не обходилось безъ насилія совѣсти. Пошли въ лужковскую секту и боровскіе исконные старовѣры: купеческій внукъ Алексѣй Киркинъ, мѣщанская жена Анна Скворцова и мѣщанская дочь дѣвица Евфимія Слемзина.

цевъ, отправлявшихъ всенощную въ домѣ Слезинои. Отобранныя у лужковцевъ книги: псалтирь, толковое евангеліе, рукописное евангеліе, цвѣтная тріодь, рукописный прологъ, рукописное житіе и поученіе преп. Ефрема Сирина (книга эта въ предисловіи названа „богодухновенной"), печатный часовникъ съ святцами и канонами, печатное житіе преп. Василія Новаго, Октоихъ, ирмосы пѣвческіе, сказаніе о лѣствкѣ, 19 образовъ—были препровождены въ Калужскую Духовную Консисторію, а захваченные на собраніи лужковцы привлечены къ отвѣтственности. [1]) Посланные на увѣщаніе въ консисторію, они „остались упорными въ своемъ заблужденіи и непреклонными къ обращенію въ православіе, отъ котораго совратились въ расколъ и данныхъ ими въ консисторіи показаній, писанныхъ со словъ ихъ, подписывать не стали по своему упорству и особенно руководителя своего Ивана Яковлева Памятушева". Все это были въ большинствѣ еще недавніе сыны православной церкви, но уже закоснѣвшіе въ своемъ лжеученіи, а потому съ ними было поступлено по всей строгости законовъ, и губернское правленіе, согласно положенію Комитета г г. министровъ, предписало боровскому городничему „мѣщанку Слезину за допущеніе въ домѣ своемъ сборища для богомолья выдержать въ тюрьмѣ два мѣсяца, а прочихъ участвовавшихъ въ таковыхъ сборищахъ по одному мѣсяцу каждаго, потомъ внушить всѣмъ имъ, что впредь за подобные поступки подвергнутся строжайшему наказанію". [2])

Отсидѣли боровскіе лужковцы назначенные имъ правительствомъ сроки, но, вышедши на свободу, не прекратили своей пропаганды, хотя стали дѣйствовать еще съ большею тайной. Тюремное заключеніе они объясняли какъ мученичество за вѣру, и это особенно дѣйствовало на боровскихъ простаковъ изъ раскольниковъ и, къ особому прискорбію, изъ православныхъ. Только мы видимъ, что уже въ 1845 г. секта настолько стала заявлять себя, что православные пастыри стали опасаться за своихъ духовныхъ дѣтей, склонныхъ по своему воспитанію въ раскольническомъ городѣ къ расколу. Имя Лялина носилось по городу, какъ имя основателя новой секты, ставшей извѣстной уже подъ ея настоящимъ названіемъ. Тогда боровскіе православные священники донесли

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс Дѣло № 10.
[2]) Тамъ же.

своему начальству о той опасности, какая грозила со стороны Лялина православію, такъ какъ лужковцы болѣе нетерпимы, чѣмъ какіе-либо другіе сектанты. Настроенные враждебно даже къ другимъ раскольническимъ толкамъ, къ православной церкви они положительно горѣли злобою. Дѣйствовать на нихъ путемъ пастырскихъ увѣщаній и вразумленій было невозможно, потому что они бѣгали православныхъ священниковъ, не желали даже встрѣчаться съ ними, а въ случаѣ столкновеній говорили имъ грубости и дерзости. Такъ, наприм., Второвъ, еще недавно бывшій православнымъ, не креститъ своего сына. Приходскій священникъ, конечно, обязанъ обратить на это вниманіе и сдѣлать ему надлежащее внушеніе, „но на спросъ нашъ, доноситъ причтъ, о крещеніи сего новорожденнаго младенца онъ, Второвъ, съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что не имѣетъ нужды просить насъ для окрещенія сего сына, а кѣмъ оный сынъ его крещенъ, о томъ онъ, Второвъ знаетъ“ [1]). Или, наприм., другой лужковецъ (Стефанъ Ивановъ Гуляевъ) приходитъ самъ къ приходскому священнику и заявляетъ: „у меня жена родила, а въ тебѣ я не имѣю нужды“, выражая такимъ образомъ полную насмѣшку и презрѣніе къ православному священнику [2]). Самъ Лялинъ настолько былъ дерзокъ, что однажды не счелъ нужнымъ снять шляпу предъ животворящимъ крестомъ, съ коимъ приходскій Троицкій священникъ въ облаченіи сопровождалъ иконы въ дома усердствующихъ православныхъ [3]). „Явившійся въ городъ Боровскъ какой-то сектантъ Памятушевъ (онъ же Лялинъ), доносилъ Спасо-Преображенскій причтъ, со дня на день увлекаетъ въ слѣдъ себѣ слабовѣрныхъ боровскихъ гражданъ и, полагать надо, имѣетъ уже значительное число послѣдователей пагубнаго раскола“.—„Многіе даже самые благорасположенные прежде къ св. Православной церкви, нынѣ оказываются охладѣвшими къ оной, а лица, совратившіяся уже, до того отвергаются православія, писалъ Рождественскій причтъ, что совершенно не имѣютъ никакого отношенія къ св. Православной церкви и ея таинствамъ, а насъ священно и церковно-служителей не только не впущаютъ въ домы свои съ требами, но даже за грѣхъ считаютъ встрѣтиться съ нами“. Дѣйствительно, секта лужковская такъ успѣла утвердиться въ Боровскѣ, что на пятый годъ своего суще-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 70.
[2]) Тамъ же. Дѣло № 100.
[3]) Тамъ же Дѣло № 153.

ствованія она насчитывала, по словамъ Лялина, до ста человѣкъ [1]). Такіе успѣхи частью нужно объяснить тѣмъ, что Лялинъ пріобрѣлъ себѣ рьяныхъ помощниковъ среди боровскихъ гражданъ, изъ которыхъ особо нужно отмѣтить фанатичнаго Второва, Позднякова съ братомъ, Карнѣева, Богомолова и особенно боровскаго купца Акима Куманина. Куманинъ былъ въ однихъ годахъ съ Памятушевымъ, но человѣкъ семейный. Сынъ бѣднаго крестьянина села Порѣчья, Малоярославецкаго уѣзда, онъ въ раннемъ дѣтствѣ лишился родителей и былъ взятъ родственниками раскольниками въ Боровскъ на воспитаніе, незамѣтно для себя отсталъ отъ православія и началъ ходить для богомоленія въ раскольническую часовню Но Куманинъ не имѣлъ привязанности къ расколу; какъ человѣкъ хитрый, дѣятельный, желавшій лишь, во что бы то ни стало, разбогатѣть, онъ смотрѣлъ на расколъ какъ на средство къ наживѣ. Дѣйствительно, съумѣлъ войти въ довѣріе къ московскимъ раскольникамъ, и тѣ дали ему возможность быстро разбогатѣть Но роль Лялина въ часовенномъ обществѣ стушевывалась частью благодаря тому, что онъ былъ новичекъ среди исконныхъ столповъ раскола, а главнымъ образомъ благодаря тому, что боровскіе раскольники хорошо понимали причину мнимой привязанности его къ древнему благочестію. Презираемый единовѣрцами, Лялинъ задумалъ перейти въ лужковскую секту, надѣясь стать во главѣ ея и быть полнымъ хозяиномъ среди лужковцевъ. Лялинъ охотно принялъ Куманина въ свой толкъ, для него было лестно заловить въ свою секту богатаго купца. Дѣйствительно, Куманинъ былъ цѣнной находкой для Лялина. Если послѣдній дѣйствовалъ нравственнымъ вліяніемъ, то Куманинъ расплачивался съ обратившимися въ ихъ секту капиталомъ. Сдѣлавшись лужковцемъ, Куманинъ заручился покровительствомъ московскихъ богатыхъ единовѣрцевъ, и черезъ его руки потекли московскіе рубли. Куманинъ рьяно взялся за новое коммерческое дѣло, прикармливая нищихъ своего согласія „хотя, по выраженію близко знавшаго его лица, былъ настолько хитеръ, чтобы тратить свои капиталы“ [1]).—„Презираемый православными и часовенными, онъ, изъ ненависти къ нимъ, замѣчаетъ то же лицо, наперекоръ собственному сознанію въ глу-

---

[1]) Тамъ же. Дѣло № 70.
[1]) Тамъ же. Дѣло № 153.

постяхъ соблазняетъ слабоумныхъ, но въ такой непроницаемой тайнѣ, что одни лишь слухи и ничего болѣе не изобличало первенства его“ [1]).

Такимъ образомъ секта организовалась; возникъ вопросъ о молитвенныхъ домахъ. Иванъ Яковлевъ Лялинъ выстроилъ у себя на дворѣ съ этою цѣлью избу 8×10 аршинъ, гдѣ поначалу и происходили моленія лужковцевъ. Но съ увеличеніемъ числа послѣдователей помѣщеніе это оказалось черезъ-чуръ тѣснымъ, тѣмъ болѣе, что въ избѣ были устроены двѣ русскія печи. Поэтому пришлось озаботиться новыми помѣщеніями. Строить спеціальныя зданія было рискованно, такъ какъ секта еще таилась и лишь пока завоевывала себѣ право на существованіе въ Боровскѣ, а правительство Государя Николая Павловича не любило давать повадки новымъ сектантамъ. Вслѣдствіе этого пришлось собираться въ частныхъ домахъ лужковскихъ радѣтелей, а чтобы не подать повода къ подозрѣнію въ небольшихъ количествахъ; такъ собирались у Куманина, Богомолова, Воронкова, Позднякова [2]) Попа своего у боровскихъ лужковцевъ не было, и они принадлежали къ паствѣ бѣглаго попа, проживавшаго тайно въ Лужкахъ. Болѣе ревностные изъ раскольниковъ ѣздили туда даже присоединяться, и Павелъ перемазывалъ ихъ „муромъ“. Въ августѣ 1845 г. лужковскій бѣглый попъ пріѣзжалъ въ Боровскъ, исповѣдывалъ сектантовъ лужковскаго согласія и причащалъ ихъ дарами, „про которые говорилъ, что они святые“; вновь обратившихся Павелъ перемазывалъ „муромъ“ и исполнялъ требы.

Кто же служилъ и исправлялъ требы у боровскихъ лужковцевъ въ отсутствіи попа Павла? Павелъ внушилъ имъ, обложивши ихъ клятвою, отнюдь не признавать греко-россійскую церковь соборною, святою и апостольскою и не заимствоваться отъ ней никакими таинствами и требоисправленіями, а обращаться во всѣхъ нуждахъ къ лужковской церкви [3]). Но жизнь, конечно, требовала присутствіи священниковъ. Тогда они, за неимѣніемъ таковыхъ, для отправленія богослуженія и совершенія требъ ограничились такъ называемыми наставниками, или уставщиками; а такъ какъ послѣдніе все-таки не могли исправлять священнической службы, то боровскіе лужковцы довольствовались лишь службою часовъ,

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же. Дѣло № 70.
[3]) Тамъ же.

пѣніемъ канона прилучившагося праздника и чтеніемъ житій святыхъ изъ пролога Кто совершалъ у нихъ крещеніе, не извѣстно; для совершенія браковъ должны были ѣздить въ Лужки. Интересно, какъ рѣшилъ невѣжественнымъ боровскимъ раскольникамъ попъ Павелъ вопросъ о погребеніи. Павелъ разрѣшилъ имъ хорониться самимъ, а погребеніе обѣщалъ имъ служить заочно. „Погребеніе", открыто сознавался заправила боровской лужковской секты, купецъ Акимъ Тимофѣевичъ Куманинъ: „при случающихся среди насъ похоронахъ не поется, а поется положенный канонъ, погребеніе же совершаетъ заочно тотъ же священникъ Павелъ" [1]).

Получивъ донесеніе отъ православно боровскихъ священниковъ о распространеніи въ городѣ лужковской секты, калужская духовная консисторія поручила боровскому о. архимандриту Геннадію и боровскому протоіерею Бѣляеву при депутатѣ отъ свѣтской власти дознать, въ чемъ состоитъ означенная ересь и давно ли она существуетъ и поручила сдѣлать совратившимся приличное увѣщаніе (11 октября 1845 г.). Но всѣ убѣжденія названныхъ духовныхъ лицъ остались напрасными; увѣщевали сектантовъ обратиться въ православіе или единовѣріе, но они всѣ заявили, что не считаютъ греко-россійскую церковь святою соборною и апостольскою потому, что „она поблудила въ истинной вѣрѣ".

Лужковская секта всѣми правыми и неправыми путями продолжала съ неимовѣрною быстротою распространаться въ Боровскѣ. Лялинъ началъ дѣйствовать въ цѣляхъ пропаганды книгою „Желая еще болѣе расплодить эту пагубную ересь,—писалъ Рождественскій священникъ Лихачевъ про лужковцевъ,—они развращаютъ и прочихъ прихожанъ, истинныхъ сыновъ святой, соборной и апостольской церкви, входя въ домы ихъ и прочитывая имъ, какъ слышно, какія-то вымышленныя ими книжки подъ названіемъ Лялинскія. [2]) Какъ на образецъ пріемовъ раскольническаго миссіонерства, укажемъ на слѣдующій случай. У Митрофана Михайлова Позднякова живъ еще отецъ, преклонный старикъ, Михаилъ Кузьминъ, который не хотѣлъ на старости лѣтъ измѣнять православной вѣрѣ. Приближаясь къ кончинѣ, отецъ умолялъ сына послать за православнымъ священникомъ, чтобы по христіански приготовить себя къ смерти. Но сынъ, фанатичный приверженецъ лужковщины, склонялъ его обратиться въ свою вѣру и желанія

[1]) Тамъ же.

[2]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 71.

отца не исполнилъ. Умеръ старикъ, а сынъ лишилъ его даже православнаго погребенія. Такими настойчивыми средствами, насилуя совѣсть ближнихъ, а частью благодаря Куманинскимъ *) капиталамъ, лужковское согласіе процвѣтало и грозило не только православію, но и коренной раскольнической поповщинѣ. Но и на этотъ разъ успѣхъ лужковской секты былъ купленъ цѣною тюрьмы. Такъ Андрей Глухаревъ и Иванъ Памятушевъ за дерзость противъ православной церкви осуждены на 4 мѣсяца; Митрофанъ Поздняковъ, Семенъ Воронковъ и Авксентій Второвъ за привлеченіе къ расколу своихъ семейныхъ (первые двое сверхъ того и за составленіе раскольническихъ сборищъ)—на три мѣсяца; Акимъ Куманинъ и Лука Богомоловъ (за допущеніе у себя въ домахъ противозаконныхъ сборищъ для богомолья)—по одному мѣсяцу; остальные лужковцы за упорство подписываться къ собственнымъ показаніямъ были присуждены къ заключенію въ тюрьму на три дня.

Въ виду быстраго распространенія секты, свѣтское правительство рѣшило принять мѣры къ охранѣ православныхъ жителей отъ совращенія въ лужковскую секту, и губернское правленіе предписало имѣть строгое наблюденіе за сектантами боровскому городничему. Духовная консисторія въ свою очередь распорядилась, чтобы протоіерей и городскіе священники слѣдили за развитіемъ секты. Но протоіерей Чертковъ въ 1853 г. опять доноситъ епархіальному начальству: „въ настоящее время число послѣдователей лужковской секты простирается до двухъ сотъ душъ (какъ дознано мною отъ священниковъ г. Боровска), совращенныхъ въ сію секту частію изъ раскольниковъ—поповщины, частью изъ православныхъ. Раскольническая лужковская секта, разстраивая семейное благосостояніе, такъ какъ послѣдователи ея разобщаются отъ домашнихъ (если они православные или другаго толка) и въ пищѣ и въ молитвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе иконоборцевъ, вредна для церкви и соблазнительна для православныхъ своимъ неуваженіемъ къ святынѣ церкви. Неоднократно замѣчено

*) Такъ въ 1853 г. былъ совращенъ, благодаря стараніямъ Сергѣя Воронкова, православный мѣщанинъ, 73 лѣтній старикъ Иванъ Ѳедоровъ Поповъ, исполнявшій до 9 мая 1853 года всѣ обязанности христіанина по православію и бывшій 14 лѣтъ помощникомъ Боровскаго церковнаго соборнаго старосты. Куманинъ за это выкупилъ, какъ извѣстно, сына его отъ рекрутства, зачисливъ за него квитанцію, стоившую ему 571 руб. (Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 153).

мною, что раскольники лужковской секты не только не поклоняются св. иконамъ православной церкви, но даже не скидаютъ и шляпы предъ св иконами, какъ это сдѣлалъ Сергѣй Воронковъ, когда несли мимо его лавки икону Боголюбскія Божія Матери 13 сего августа, и который, на мои увѣщанія, отвѣчалъ: „не скидалъ, да и не буду скидать шляпы, такъ какъ я не церковный“. И прежде и теперь совращаютъ въ лужковскую секту купецъ Акимъ Куманинъ и Лялинъ (онъ же Памятушевъ). Дозволяя въ своихъ домахъ собираться для богомолья, они вмѣстѣ съ тѣмъ исправляютъ требы и среди бѣлаго дня, тотъ или другой сопровождаютъ всегда умершихъ на кладбище“.

Мы видѣли, что лужковская секта явилась реакціей новымъ вѣяніямъ среди боровскихъ раскольниковъ; она возникла на защиту строгости въ жизни и одеждѣ, ея задачею было поддержать, возродить, такъ сказать, настоящій расколъ во всей его замкнутости. Отсюда строгость лужковцевъ въ частной жизни, ихъ нетерпимость ко всему нелужковскому, а въ особенности къ православному. Воскрешая времена первыхъ раскольническихъ изувѣровъ: Аввакума, Лазаря, Морозовой и др, они заявляли о своей ненависти къ православной церкви открыто, нарочито подчеркивая ее, не страшась отвѣтственности, и какъ будто даже сами вызывались на мученичество, оказывая открытое сопротивленіе полиціи. Въ глазахъ толпы все это имѣло значеніе, и она шла въ лужковскую секту, не знакомясь съ сущностью ея ученія, легкомысленно измѣняя вѣрѣ отцовъ.

Но то же начало строгости въ отцовскихъ обычаяхъ и преданіяхъ, которое было положено въ основаніе лужковской секты въ Боровскѣ, съ теченіемъ времени обратилось на самихъ же лужковцевъ. Дѣло въ томъ что строгость и лишенія больше по плечамъ бѣдняковъ, самою жизнью пріученныхъ къ ней, но не всегда подъ силу богатымъ. Вслѣдствіе этого и произошло несогласіе среди боровскихъ лужковцевъ Болѣе бѣдные изъ нихъ, во главѣ съ Иваномъ Яковлевичемъ Лялинымъ, требовали, чтобы „православные“ отнюдь зловредному и душепагубному бѣсовскому навожденію не поддавались, печати антихриста на себя не воспринимали а крѣпко держали бы вѣру, что была при первыхъ четырехъ патріархахъ, а потому общенія съ иновѣрными ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ одеждѣ, ни въ молитвѣ не имѣли бы. Но хорошо разсуждать было такъ Лялину, жившему въ 8-аршинной избушкѣ,

и его компаніи, тащившейся на помочахъ благотворительности. Совсѣмъ не то пѣли богатые лужковцы во главѣ съ Куманинымъ. Самъ Куманинъ, послѣ двухъ тюремныхъ заключеній, уже не былъ такимъ фанатичнымъ и держалъ ухо востро, такъ что въ своемъ домѣ хотя и устраивалъ сборища для богомоленій, но очень аккуратно, въ задней комнатѣ, выходящей на дворъ, при чемъ приходили и выходили къ нему по одиночкѣ. [1]) Но Куманинъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ жену и дѣтей, дочь Анну и сына Ивана. Строгость жизни въ особенности не нравилась семейнымъ. Дочь была уже на возрастѣ, мечтала о свободѣ, о нарядѣ, а тутъ сиди дома, вычитывай каѳоны да клади поклоны по лестовкѣ... Началось съ того, что мать стала пускать дочку потихоньку отъ отца на прогулки въ уборныхъ нарядахъ. Сталъ замѣчать это и самъ Акимъ Куманинъ, да жаль было обидѣть единственную дочь, и подавалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Но по законамъ справедливости нельзя было сдѣлать послабленія одной дочери Куманина. Узнали про похожденія Анны Акимовной семейные другихъ зажиточныхъ лужковцевъ, и тамъ началась война взрослыхъ дѣтей съ отцами изъ-за свободы и нарядовъ. Молодежь указывала на то, что дочь самого Акима Тимоѳеевича гуляетъ и наряжается. Отцы уступили, но свобода молодежью была пріобрѣтена цѣною раскола въ сектѣ. Фанатичный Иванъ Яковлевичъ Лялинъ былъ очень опечаленъ тѣмъ, что древняя вѣра лужковская порушилась. Онъ именно потому и отдѣлился отъ часовенцевъ, что тамъ вошли въ моду жилетъ, брюки, манишки и галстукъ, а тутъ среди самихъ лужковцевъ является та же нечисть. Разумѣется, онъ возсталъ противъ новшествъ, началъ въ глаза и за глаза бранить и обличать куманинцевъ. Начали образовываться двѣ партіи: одна куманинская, стояла за то, чтобы дозволить молодежи быть въ обществѣ и прилично одѣваться; другая, лялинская, требовала полной лужковской вѣродержимости, безъ всякаго послабленія. Отношенія между главарями партій обострились еще въ 1852 г. настолько, что лялинцы и куманинцы стали обособляться между собою даже въ богослуженіи. Грозилъ такимъ образомъ полный разрывъ. Но какъ Куманинъ, такъ и Лялинъ отлично понимали, что лужковскій расколъ отразится невыгоднымъ образомъ на самой лужковской сектѣ. Поэтому, будучи не въ состояніи сговориться между собою,

[1]) Арх. Кал.-Дух. Конс. Дѣло № 153.

они рѣшили передать дѣло на третейскій судъ Стародубскихъ старцевъ. Зимою 1852 г. пріѣхали судьи для разбора взаимныхъ упрековъ и препирательствъ между Куманинымъ и Лялинымъ. Послѣ долгихъ увѣщаній Куманина не измѣнять вѣры и Лялина— не отдѣляться отъ боровской лужковской паствы, они уѣхали, не достигнувъ цѣли; и секта распалась на двѣ: на одной половинѣ сталъ Куманинъ съ другими, преимущественно имѣющими взрослыхъ дочерей, на другой—Лялинъ, Поздняковъ. Послѣдняя партія была малочисленна, но фанатична, первая—куманинская отличалась большею терпимостью и была многолюднѣе первой [1]).

Теперь каждая партія стала существовать отдѣльно, соперничая другъ передъ другомъ. Лялинъ старался дѣйствовать нравственнымъ вліяніемъ, убѣждая сектантовъ не измѣнять лужковской вѣродержимости, держаться установленныхъ формъ жизни, проклиная отступниковъ. Онъ говорилъ: „моя вѣра самая древняя, а потому истинная; умершіе въ моей вѣрѣ умираютъ настоящими младенцами“ [1]). Но ему трудно было дѣйствовать противъ Куманина, пустившаго въ ходъ свои капиталы. Послѣдній не жалѣлъ денегъ на вспомоществованія своимъ сектантамъ; всякій единовѣрецъ его въ торговлѣ, гражданскихъ искахъ и въ особенности по подсудности за расколъ находилъ въ немъ дѣятельнаго и сильнаго помощника. Благодаря связямъ съ богатыми московскими лужковцами, онъ особенно имѣлъ средства поддерживать своихъ единовѣрцевъ, а это привлекало къ нему толпу [2]).

Отдѣлившіяся другъ отъ друга партіи, или толки, конечно, прежде всего прекратили общеніе въ молитвѣ. Куманинскій толкъ собирался на молитву въ домахъ Луки Васильева Третьякова (онъ же Богомоловъ) въ Солдатской слободѣ, сыновья котораго занимали должность чтецовъ, и Семена Гурѣева Воронкова на Калужской улицѣ. Требы исправляли у нихъ уставщики: Сергѣй Ѳедоровъ Воронковъ, проживавшій на конной площади, и Лаврентій Лаптычевъ (онъ же Соковъ), въ Солдатской слободѣ. Но главнымъ наставникомъ былъ стародубскій старецъ, по имени Кузьма Федоровъ; онъ не имѣлъ постояннаго мѣста жительства, а переходилъ отъ одного сектанта къ другому, проживая у каждаго по двѣ не-

---

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 153.
[2]) Тамъ же.

дѣли. Но и самъ Куманинъ исправлялъ, повидимому, требы, потому что его всегда можно было видѣть сопровождавшимъ умершихъ лужковцевъ своего толка на кладбище [1]).

Небольшой лялинскій лужковскій толкъ собирался на молонія въ домѣ Лялина и Позднякова; здѣсь службу, а равно и требы исправлялъ самъ Иванъ Яковлевичъ Въ это время у лужковцевъ явилось очень важное нововведеніе. Они добыли брошюру, носившую названіе: „Скитское покаяніе“, въ которой излагались правила, „какъ безъ священника исповѣдываться подобнымъ себѣ и причащаться самому Агнцемъ“. Брошюра ходила по всему городу и вызвала много толковъ среди раскольническаго и православнаго люда [2]). Но если другіе читали ее ради интереса, то у лужковцевъ она служила руководствомъ. Дѣло въ томъ, что лужковцевъ было много, а попомъ они не обзавелись. Ѣздить для исповѣди въ Лужки было далеко, да и не всѣмъ удобно, попамъ же пріѣзжать въ Боровскъ не совсѣмъ безопасно, и лужковскимъ попамъ не хотѣлось отвѣдать боровской тюрьмы. Возникалъ вопросъ: какъ же быть желающимъ каяться и причащаться? Лужковскіе попы присылали своимъ пасомымъ за деньги запасные дары, которые хранились у какого-либо изъ сектантовъ. Кто желалъ поговѣть, тотъ избиралъ по своему усмотрѣнію себѣ въ духовники кого-либо изъ товарищей и открывалъ ему свою грѣшную душу. Затѣмъ обращался къ хранителю даровъ, вѣроятнѣе всего къ наставнику, который и отпускалъ ему потребную частицу „агнца“. „Въ случаѣ болѣзни, показывалъ Сергѣй Ѳедоровъ Воронковъ, если кто пожелаетъ исповѣдоваться и пріобщиться, выбираетъ изъ своихъ единомышленниковъ и тому исповѣдуется, отъ него принимаетъ и причастіе, которое даютъ священники стародубскихъ слободъ, и оно хранится у нѣкоторыхъ изъ моей секты, но у кого не знаю, а въ случаѣ надобности въ этомъ, тогда и можно будетъ отыскать“ [3]).

Но судьба преслѣдовала лужковцевъ, и особенно не счастливилось куманинскому толку. Главный наставникъ этого толка Кузьма Ѳедоровъ, котораго Куманинъ хотѣлъ приписать къ боровскимъ мѣщанамъ, былъ захваченъ въ домѣ Бѣляева Судьею Чебывшемъ и отданъ сначала подъ строгій надзоръ полиціи, затѣмъ 28 іюня 1854 г. арестованъ, а постановленіемъ губернскаго прав-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 157.

ленія, отъ 10 сентября того же года, предназначенъ къ высылкѣ. Положеніе куманинскихъ лужковцевъ было трудное: нужно было обзавестись новымъ наставникомъ, который руководилъ бы сектантами. 2-го декабря 1854 г. и. д. боровскаго городничаго, частному приставу Антонову донесли, что въ Боровскъ пріѣхалъ „Лужковскій попъ“ для службы въ воскресенье и на Николинъ день, а также для крещенія дѣтей и совершенія другихъ требъ. Антоновъ началъ слѣдить и захватилъ этого „попа“ у Лаврентія Иванова Сокова. [1]) Какъ оказалось впослѣдствіи, это былъ медынскій купецъ Андрей Леоновъ Жуковъ, служившій наставникомъ у медынскихъ лужковцевъ. *)

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Боровскѣ, именно съ 1845 г начала распространяться лужковская секта въ Калугѣ и главнымъ образомъ въ окрестностяхъ ея, именно въ дер. Дворцахъ и смежныхъ съ ней селеніяхъ. Первымъ распространителемъ секты былъ крестьянинъ дер. Ларинска Ѳедоръ Артемьевъ Карандасовъ, возвратившійся изъ Лужковъ, гдѣ онъ проживалъ до этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Своимъ ханжествомъ Карандасовъ втерся въ довѣріе къ лужковскимъ старцамъ и пріобрѣлъ было среди нихъ вліяніе, хотя былъ человѣкъ малограмотный и далеко не умный, но за пьянство и развратъ въ концѣ концовъ его выгнали изъ Лужковъ. Отправившись на родину, онъ сталъ промышлять лужковской вѣрой. Карандасовъ съ своею проповѣдью обратился къ дворцовскимъ раскольникамъ тульскаго согласія Онъ доказывалъ, что вѣра ихъ не спасаетъ тѣхъ, кто держится ея, что всѣ они пойдутъ вмѣстѣ съ никоніанами въ муку вѣчную, потому что попъ ихъ Павелъ незаконный пастырь, понеже подъ антихристовымъ крыломъ скрывается, т. е. утвержденъ царскимъ указомъ и

---

[1]) Тамъ же. Дѣло № 212.

*) Должно замѣтить къ характеристикѣ боровскаго раскола, что медынскіе лужковцы вовсе не были такъ фанатичны, какъ боровскіе, напр., въ то время какъ послѣдніе всѣ поголовно отказывались подписываться подъ собственными показаніями на судебныхъ слѣдствіяхъ, утверждая, что ихъ вѣра запрещаетъ подписывать что либо касающееся ихъ вѣродержимости“, Андрей Леоновъ Жуковъ, будучи даже наставникомъ, согласился безъ возраженій подписаться подъ собственнымъ показаніемъ. Мало того, онъ дозволилъ даже присоединиться, хотя и притворно, къ прав. церкви своимъ двумъ сыновьямъ, Ивану и Алексѣю, которые, отговѣвъ разъ, снова порвали связи съ православною церковью. (Арх Кал. Дух. Конс. Дѣло № 212.

подписался вновь приходящихъ отъ никоніанъ не принимать въ старую вѣру и чужихъ губерній старообрядцевъ не принимать для требоисправленій. При этомъ онъ знакомилъ своихъ слушателей съ догматикой лужковской вѣры, которая состояла главнымъ образомъ въ проповѣди о нетерпимости православной церкви и другихъ сектъ раскольническихъ. Нѣкоторые дворцовскіе раскольники увлеклись ученіемъ Карандасова и пожелали присоединиться къ его сектѣ, хотя ихъ и смущалъ вопросъ о томъ, кто будетъ ихъ присоединять и гдѣ. Но Ѳедоръ Артемьевъ успокоилъ тѣмъ, что онъ самъ получилъ благодать отъ лужковскаго попа Алексѣя и имѣетъ отъ него благословеніе присоединять къ вѣрѣ и совершать требы за исключеніемъ вѣнчанія, даже надѣленъ отъ него запасными дарами, которыми въ случаѣ угрожающей смерти будетъ причащать. Темные раскольники повѣрили розсказнямъ Карандасова и обратились въ лужковскую секту, а его сдѣлали своимъ наставникомъ. Напрасно дворцовскіе раскольники тульскаго согласія прокляли Карандасова, напрасно самъ Павелъ прислалъ грамоту своей паствѣ съ увѣщаніемъ беречься лужковской вѣры, секта лужковцевъ тѣмъ не менѣе увеличилась и при томъ главнымъ образомъ на счетъ тульскаго согласія Но Карандасовъ не долго былъ наставникомъ у дворцовскихъ лужковцевъ. Онъ за пьянствовалъ, изъ Лужкова же про него шли недобрыя вѣсти; поэтому его уволили изъ наставниковъ, поручивъ исправлять эту должность крестьянину, по прозванію Алдоша, въ домѣ котораго собирались до того на моленія лужковскіе сектанты. Новый наставникъ получилъ благословеніе исправлять требы отъ того же Карандасова; но скоро обнаружилось, что самъ Карандасовъ никогда не былъ уполномоченъ лужковскимъ попомъ на какія-либо священнодѣйствія, а дѣйствовалъ самочинно, какъ безсовѣстный обманщикъ. Тогда дворцовскіе раскольники рѣшили отправить Алдошу въ Лужки за настоящимъ благословеніемъ, а кстати и купить тамъ запасныхъ даровъ. Алдоша съѣздилъ въ митрополію лужковцевъ, тамъ снова его приняли третьимъ чиномъ, снабдили за деньги запасными дарами и строго наказали всѣхъ присоединенныхъ Карандасовымъ снова принять третьимъ чиномъ. Малограмотный Алдоша возвратился уже настоящимъ наставникомъ, и секта въ Дворцахъ стала еще больше распространяться, особенно послѣ того, какъ въ число послѣдователей ея вступили двѣ пользовавшіяся особымъ уваженіемъ среди мѣстныхъ раскольниковъ читалки.

Пропагандисты лужковской секты въ своихъ цѣляхъ особенно успѣшно воспользовались холерной эпидеміей 1848 г. Ихъ внѣшне-строгое ученіе дѣйствовало на народъ, которому грозила страшная смерть, и раскольники съ православными толпами устремлялись въ секту. Желавшихъ перейти было такъ много, что одинъ Алдоша не въ состояніи былъ всѣхъ переправлять, а потому ему дано было нѣсколько помощниковъ, изъ которыхъ одинъ, еще малолѣтній М. С. Дударевъ, занимался этимъ дѣломъ въ сараѣ, гдѣ для этого были разставлены иконы. Лужковское согласіе въ Дворцахъ настолько усилилось, что послѣдователи его силою отняли у тульскихъ ихъ часовню. Но послѣ того сектанты разстроились наставниками. Они смѣнили безграмотнаго Алдошу и на мѣсто его поставили крестьянина Полотнянаго Завода Камнева. Хотя послѣдній былъ и почетный старикъ, но дворцовскимъ лужковцамъ не нравилось то, что онъ не хулитъ православной церкви, а также смущало и то обстоятельство, что Камневъ, будучи вѣнчанъ въ православной церкви, не перевѣнчался снова въ Лужкахъ. Такъ какъ Камневъ на это не рѣшался, то его уволили, замѣнивъ его крестьяниноиъ села Порѣчья Ѳ. Ю. Фроловымъ. Но послѣдній вздумалъ жениться во второй разъ, чего на взглядъ лужковцевъ нельзя было допустить наставнику, исполнявшему поповскія обязанности. Тогда они командировали двухъ односельчанъ въ Лужки нанять тамъ настоящаго наставника. Тѣ привезли имъ брата Ѳ. Ю. Фролова Ивана, но это былъ человѣкъ алчный до денегъ и гордый. Онъ разсорился съ болѣе вліятельными раскольниками, а потому долженъ былъ оставить свою должность. Выбрали послѣ него безграмотнаго старика Голубева, ничего не понимавшаго, приставивъ къ нему мальчика, кое-какъ умѣвшаго читать. Но тутъ явились уже самозванные наставники и наставницы; всѣ у кого имѣлись запасные дары (а въ Лужкахъ за деньги снабжали ими всякаго), мужики и бабы взялись исправлять и причащать; даже старый наставникъ Алдоша бросилъ охоту и снова принялся за исправленіе требъ. Наконецъ сами раскольники уразумѣли все происходившее безобразіе, собрали сходъ и выбрали для исправленія наставяической должности односельчанина А. А. Куроѣдова, а уставщикомъ М. С. Дударева. [1])

---

[1]) М. С. Дударевъ. Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола. Москва. 1887 г., глава II—V.

Дальнѣйшее распространеніе въ епархіи лужковской секты было задержано появленіемъ австрійской лжеіерархіи. Раскольники бѣглопоповщинскаго толка, какъ лужковскіе, такъ и тульскіе тяготились тѣмъ обстоятельствомъ, что не имѣли у себя подъ руками бѣглыхъ поповъ и для совершенія необходимыхъ требъ должны были предпринимать отдаленныя путешествія въ иныя губерніи. Особенно незавидно въ этомъ отношеніи было положеніе лужковцевъ. Ѣздить съ каждой требой за 400 и слишкомъ верстъ въ Лужки было невозможно, а потому многіе и совсѣмъ не ѣздили, довольствуясь наставниками и благословенными старцами. Отсюда получалось то, что въ иныхъ домахъ оказывалось нѣсколько некрещеныхъ или не помазанныхъ младенцевъ,—иные лѣтъ десяти. Не мало появилось и сводныхъ браковъ; вѣнчаться было далеко ѣхать, да и дорого стоило, а потому супруги, нужды ради, жили въ незаконномъ союзѣ, хотя и очень тяготились этимъ. Не многимъ лучше было положеніе и тульскихъ. Но главное, что смущало старообрядцевъ въ бѣглопоповщинѣ, это не уважительное отношеніе бѣглыхъ поповъ къ службѣ и имъ самимъ. Бѣглые попы почти всѣ были отъявленные пьяницы. Раскольники иногда и умышленно старались спаивать своихъ поповъ, чтобы не дать заговорить ихъ совѣсти, но съ другой стороны, если бы и желали, то не могли удержать ихъ отъ порока, потому что попы въ противномъ случаѣ грозили возвратиться въ церковь. Вотъ почему раскольники закрывали умышленно глаза на всѣ слабости своихъ пастырей, лишь бы они не упрямились да отправляли службы. Очень часто случалось, что раскутившіеся попы не въ состояніи были и отправлять требъ. Калужскіе раскольники лужковцы поэтому нерѣдко возвращались домой, не дождавшись вытрезвленія своихъ батюшекъ [1]). Въ 50-хъ годахъ черезъ-чуръ сильно ослабъ и Павелъ тульскій; постоянно пьяный, онъ прогонялъ своихъ прихожанъ домой, не удовлетворивъ ихъ духовныхъ нуждъ [2]). Съ появленіемъ лжеавстрійской іерархіи, раскольники Калужской епархіи оживились: до нихъ стали доходить слухи, что у нихъ появились свои „законные“ епископы, о пріобрѣтеніи которыхъ они такъ долго мечтали, которые ставятъ имъ поповъ, слѣдовательно теперь есть возможность избѣгнуть „бѣгствующихъ отъ ереси“ свя-

[1]) Такъ же.

[2]) Кал. Еп. Вѣд. 1887 г. № 1.

щенниковъ, которые дорого цѣнили обыкновенно свою ворованную благодать, да и розыскать которыхъ было не легко Первымъ обзавелись попомъ австрійскаго поставленія раскольники дер. Таракановки Медынскаго уѣзда. Деревня въ это время состояла всего лишь изъ 18 дворовъ, и въ ней не было ни одного православнаго, а потому тамъ всегда было удобно скрывать поповъ отъ глазъ полиціи и духовенства. Въ деревнѣ находилась раскольническая часовня, слывшая подъ названіемъ дома бобылокъ. „Большакомъ“ тараконовскихъ раскольниковъ былъ разбогатѣвшій крестьянинъ Матвѣй Семеновъ. Прослыша про австрійское архіерейство, Матвѣй Семеновъ, а за нимъ и всѣ таракановцы стали просить въ 1853 г. своего уставщика Василія Васильева посвятиться въ попы. „Въ первый разъ, сознавая свое недостоинство, онъ, Васильевъ, отказался было отъ священства, но по второмъ отрицаніи, согласно правиламъ св. отецъ, отказаться не посмѣлъ, усмотрѣвъ въ этомъ призваніе Божіе. Произведенъ былъ Васильевъ въ попы—по его словамъ—въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ архіереемъ, съ которымъ служили въ то время еще попы. Служилъ архіерей на временно-устроенномъ престолѣ полотняномъ, гдѣ былъ и привезенный архіереемъ антиминсъ“ [1]). Поставленный въ попы, по всей вѣроятности, лжеепископомъ Аптоніемъ Василій Висильевъ началъ бойко „священнодѣйствовать“. Таракановцы не могли нахвалиться своимъ попомъ, и слава о немъ быстро распространилась по сосѣднимъ весямъ. Раскольники, уже наслышанные о новоявленной іерархіи, хотя поначалу и сомнѣвались, разсуждая: „откуда-де можетъ быть истинное священство въ антихристовы времена,—истинные епископы прекратились еще при Никонѣ патріархѣ, а это лишь одна прелесть антихристова“,—но то затруднительное положеніе, въ какомъ они находились, благодаря отсутствію въ епархіи бѣглыхъ поповъ, заставило мало-помалу обращаться съ духовными требами и къ таракановскому Василію. Въ Тараканову потянулись повозки съ больными для „справы“ и младенцами для крещенія, сводные супруги отправлялись перевѣнчиваться. Заправилы тульскаго и лужковскаго согласій напрасно старались остановить темную раскольническую массу отъ увлеченія таракановскимъ попомъ, но та не разсуждала, благо ей нравилось, что священствуетъ свой, а не бѣглый, треавый, а

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 295.

не пьяница; главное же—все сподручно, и обходится Таракановка куда дешевле Лужкова и Тулы Недолго колебались, впрочемъ, и сами заправилы, по тѣмъ же соображеніямъ начали обращаться въ Таракановку. Василій пошелъ въ ходъ. За нимъ стали присылать не только дворцовые раскольники [1]), калужскіе [2]) но и боровскіе [3]). Попъ ѣздилъ во всеоружіи, по крайней мѣрѣ, когда полиція захватила его въ 1856 г. въ Боровскѣ, при немъ оказались: священническая риза, епитрахиль, поручи, три полены, кадило, чинъ исповѣданія, списанный съ іосифовскаго требника, изъ послѣдняго же списанный чинъ крещенія, деревянный ящикъ, въ которомъ хранилась дароносящая съ частицами напоеннаго виномъ бѣлаго хлѣба, небольшой сосудъ, маленькій сосудецъ, лжица, три съ жидкостями пузырька, ножны, губка и въ заключеніи чинъ присоединенія Послѣдній особенно интересенъ, потому что говоритъ о томъ отношеніи, въ какое должно было стать новое австрійское согласіе по отношенію къ православной церкви. Онъ содержитъ проклятіе ересей, по мнѣнію раскольниковъ, содержимыхъ православною церковью. „Проклинаю,—гласитъ чинъ,—богопеналидимую образа блудолюблаго прелесть душегубительныя помраченныя ереси, еже остризати браду и усы; проклинаю нечестивыхъ іереевъ, иже странно нѣкако благословляющихъ пятію персты; проклинаю ложное мудрованіе ихъ (православныхъ) на имя Господа нашего Іисуса Христа, не сознающихъ по евангелію отъ Луки зачало 6-е, нарѣченное не человѣкомъ, но ангеломъ. Проклинаю испровергающихъ апостольское ученіе о двуперстномъ и крестномъ знаменіи, проклинаю развращающихъ уставъ церковный (которые?) въ церкви о священіи, вѣнчаніи, крещеніи кругъ купели хожденіе не по солнцу (имѣютъ?), но противъ солнца ходятъ; проклинаю отступниковъ, проклинающихъ святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ: Павла, епископа Коломенскаго, Аввакума протопопа, Никиту священно іерея, Ѳеодора діакона и прочихъ послѣдователей ихъ за непріятіе ихъ душепагубнаго осьмаго соборища“ [4]).

---

[1]) М. С Дударевъ Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола. Москва 1887 г., стр. 43.

[2]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 280.

[3]) Тамъ же. Дѣло № 295.

[4]) См. тоже дѣло. Попъ Василій отсидѣлъ въ тюрьмѣ послѣ этой поимки его въ Боровскѣ.

Василій не успѣвалъ являться во всѣ мѣста по просьбамъ старообрядцевъ, но между послѣдними стала уже ходить упорная молва, что проживающій близъ Москвы архіерей Антоній ставитъ въ попы кого угодно Тогда уставщики моленныхъ, одни вслѣдствіе угрызеній совѣсти за то, что священнодѣйствуютъ, не имѣя на то права, другіе просто по зависти къ таракановскому Василію, начали упрашивать попечителей, чтобы они свозили ихъ въ Москву или Стародубье для рукоположенія. Такъ во Фроловской моленной съ 1850 г. должность уставщика проходитъ крестьянинъ дер. Пятовска Ник. Куз., по прозванію Горохъ. Этотъ уставщикъ, когда провѣдалъ, что въ Москвѣ и Лужкахъ явились архіереи австрійскаго поставленія, то сталъ усиленно просить попечителя В. Е. Кожевникова похлопотать у тѣхъ архіереевъ о поставленіи его во священника. „Тогда, говорилъ онъ, наше дѣло будетъ правѣе, а теперь за что ни возьмись,—исповѣдывать ли, причащать ли,—такъ руки у меня и трясутся, потому что это дѣло не наше простецкое, а поповское". Подумалъ, подумалъ В. Е—ичъ, да и отправилъ Гороха въ Лужки для поставленія въ попы къ тамошнему Новозыбковскому епископу Конону. Но онъ возвратился оттуда ни съ чѣмъ, потому что Кононъ былъ въ то время за границей. Тогда Горохъ сталъ проситься для поставленія въ Москву, въ противномъ случаѣ отказываясь исповѣдывать и пріобщать. Нечего было дѣлать,—повезъ Кожевниковъ Гороха въ Москву, гдѣ Антоній любезно поставилъ его за одной службой сразу и въ иподіакона, и діакона, и попа. Отпуская, Антоній запретилъ ставленнику на литургіи приносить просфору за царя [1]). Но въ царствованіе императора Николая только деревенскіе раскольники кое-гдѣ успѣли запастись попами австрійскаго поставленія. Причиной такой медлительности, съ одной стороны, было то, что многіе еще сомнѣвались въ законности австрійской іерархіи, а главное—съ 1854 г.

---

[1]) В. Е. Кожевниковъ. Разсказъ бывшаго старообрядца о своемъ обращеніи. Изд. Бр св. ап. Іоанна Богослова. Калуга. 1882 г., стр. 8—9. Горохъ на первыхъ порахъ велъ себя прилично, съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ, но потомъ началъ сильно пьянствовать и скоро опился въ Брынн на постояломъ дворѣ Таракановскій попъ Василій съ честью похаровилъ Гороха въ священническомъ облаченіи и для чего то, съ помощью другихъ, обвелъ мертваго попа три раза около гроба. (М. С. Дударевъ. Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола. Москва. 1887 г., стр. 47).

отношенія правительства къ раскольникамъ стали черезъ-чуръ строги. Въ этомъ году (отъ 23 октября) былъ изданъ законъ, ставившій богатыхъ заправилъ раскола въ такое трудное положеніе, что имъ было не до роскоши имѣть у себя своихъ поповъ. Именно было опредѣлено, чтобы, при объявленіи купеческихъ капиталовъ, требовать отъ предъявителей свидѣтельствъ о принадлежности ихъ къ православной церкви безусловно или на правахъ единовѣрія; не продъявившимъ же таковыхъ доказательствъ, каковыми могутъ быть выписки изъ метрическихъ или исповѣдныхъ книгъ, выдавать свидѣтельства по гильдіямъ на временномъ правѣ. Капиталисты промышленныхъ центровъ губерніи были поставлены въ безвыходное положеніе: приходилось или отказаться отъ раскола, или отъ торговли. Въ обходъ этого закона купцы должны были прибѣгать къ всевозможнымъ пріемамъ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ за большія деньги доставали себѣ ложныя свидѣтельства о бытіи на исповѣди у православныхъ священниковъ [1]), другіе принимали наружно православіе и спѣшили запастись свидѣтельствами на предметъ представленія въ казначейство при объявленіи купеческихъ капиталовъ, съ тѣмъ обозначеніемъ, что въ томъ же капиталѣ состоятъ-де и другія лица. Дума, особенно если въ ней было много раскольниковъ, какъ наприм. въ Боровскѣ, пользовалась упоминаніемъ въ свидѣтельствѣ другихъ лицъ и спѣшила выдать всѣмъ этимъ мнимымъ участникамъ въ капиталѣ удостовѣренія на право полученія гильдейскихъ свидѣтельствъ [2]). Сухиническіе капиталисты, въ обходъ закона 1854 г., рѣшились получить свидѣтельства подъ маскою единовѣрцевъ [3]). Положеніе раскольниковъ было трудное, а тутъ еще доходили до нихъ слухи о томъ, въ въ Петербургѣ въ это время вырабатывались мѣры, которыя должны были придавить окончательно расколъ; раскольники безпокоились настоящимъ и за будущее, а потому пока не спѣшили обзавестись „австрійскими“ попами.

Не смотря на довольно стѣснительныя условія существованія, раскольники мѣстные были сплочены между собою и положительно горѣли ненавистью къ православной церкви. Бѣглые попы, конечно, не могли развивать фанатизма въ раскольнической массѣ: они были сами раскольниками лишь съ виду, и въ боль-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 272.
[2]) Тамъ же. Дѣло № 264.
[3]) См. главу о единовѣріи.

шинствѣ случаевъ это были люди или пьяные, или алчные до денегъ, чего пасомые ихъ не могли не замѣчать. Но мѣсто поповъ замѣнили такъ называемые „большаки“, подъ которыми разумѣлись попечители раскольническихъ моленныхъ или уставщики и начетчики. Вышедшіе изъ народа, душею преданные расколу, болѣе знакомые съ раскольническою догмою, они могли и умѣли дѣйствовать на массу, воспитывая ее въ чисто раскольническомъ духѣ. Въ ихъ распоряженіи была школа, обыкновенно тайно, особенно начиная съ 30-хъ годовъ, существовавшая въ домахъ уставщиковъ или такъ называемыхъ „богородокъ“. Въ этихъ школахъ дѣти воспитывались въ чисто раскольнической атмосферѣ. Ихъ учили чину „како кадило подобаетъ чтити, причемъ безграмотно и безсмысленно сообщалось, что у кадила дирки тѣ, во что утверждены цѣпи исподнія концы то есть вочеловѣченіе Божіе“, а „кадило все именуется вочеловѣченія Сына Божія Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, аминь совершилъ яко пророкъ глаголетъ свята церкви твоя дивна въ правду“. Заучивалось „сказаніе о лестовкѣ“, въ которой таинственно заключалось почти все христіанство: и семь таинствъ и девять чиновъ ангельскихъ, и сколько лѣтъ Господь на землѣ ходилъ, и сколько пророчествъ о немъ было; заучивалось „сказаніе отъ житія святыхъ отецъ, како претерпѣ Господь Христосъ вольное страданіе“, гдѣ подробно исчисляются: страсти Христовы, „воздыханій сердечныхъ сто девять“, или „отъ прободенія вѣнца терноваго истече крови каплей три тысящи“, „терзаху за носъ разовъ двадесять, за уши тридесять“ и т. д.; сказаніе о томъ „какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ бысть по воплощеніи двунадесяти лѣту ста во Іерусалимѣ и сѣде посредѣ еврейскихъ учителей и вопрошаемъ отъ нихъ, что есть букварь“ и т. п. [1]) Понятно что изъ такихъ школъ выходили невѣжественные фанатики, пренебрегавшіе даже чтеніемъ библіи, весь умственный кругозоръ которыхъ вращался около нѣсколькихъ обрядовъ, за который они готовы были пострадать. Особенно сказывалось это въ женщинахъ, которыя очень часто на глазахъ народа вступали въ борьбу съ духовенствомъ и полиціей, чтобы отвоевать какой-либо обрядъ. Но ие однѣ женщины горѣли ненавистью къ церкви, онѣ вооружали и мужчинъ. Особенно раскольники были озлоблены, благодаря крутымъ мѣрамъ правительства, въ царство-

[1]) Такова была обстановка обученія въ Боровскихъ школахъ, которыхъ было четыре. Открыты полиціей въ 1853 г.

ваніе императора Николая. Въ это время они рѣшаются на явныя насмѣшки надъ духовенствомъ Не только послѣднее, даже полиція иногда побаивалась раскольническаго гнѣва. Такъ, причтъ села Ѳоминичъ доноситъ въ 1855 г. преосвященному Григорію: „полиція, имѣвшая въ рукахъ бѣглаго попа, едва отъ свирѣпства раскольниковъ могла спастись бѣгствомъ“ [1]) Полиція гор. Боровска не рѣшается помѣшать браку раскольника съ православными. [2]) „Нѣтъ никакой возможности“, доноситъ боровскій городничій начальнику губерніи: „дѣйствовать по преслѣдованію раскольниковъ иначе, какъ при полицейскихъ служителяхъ и конвойныхъ“, и поясняетъ причину почему: „они имѣютъ сильную вѣру, такъ что готовы не щадить собою“ [3]).

Уже выливши́йся ко времени открытія Калужской епархіи въ опредѣленныя формы, мѣстный расколъ въ первую половину существованія епархіи, подъ вліяніемъ дѣйствующаго законодательства, замкнулся и выработалъ изъ себя значительную числомъ и могущественную оппозицію, съ которой борьба для православнаго духовенства была трудна, такъ какъ оно вовсе не знало ни количества раскольниковъ, ни его внутренней жизни и мощи. Первый же епископъ Калужскій, преосвященный Ѳеофилактъ доноситъ Св. Суноду, что ему неизвѣстно ни количество раскольниковъ въ епархіи, ни ихъ духъ и убѣжденія. Но замѣчательно, что ровно черезъ 50 лѣтъ почти буквально также отвѣчаетъ консисторія (1852 г.) калужскому губернатору, графу Толстому на его запросъ о состояніи раскола въ епархіи: „духъ и современное положеніе раскольниковъ въ здѣшней губерніи,—пишетъ она,—вполнѣ неизвѣстны консисторіи, такъ какъ раскольники, состоя подъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ полицій, духовному начальству не подчиняются, и вообще отъ духовенства скрываются, а изъ случаевъ, по которымъ раскольники присылаемы были свѣтскимъ начальствомъ къ епархіальному для увѣщанія, видно было, что въ сихъ обнаруживается духъ независимости, своеволія, непреклоннаго упрямства и ненависти къ св. церкви и іерархіи“. [4]) Во весь этотъ продолжительный періодъ времени духовенство епархіи стояло какь бы въ сторонѣ отъ раскола. Если священники вмѣши-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 248.
[2]) Тамъ же Дѣло № 375.
[3]) Репортъ отъ 23 Ноября 1853 г. за № 39.
[4]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 121 по общему реестру.

вались въ раскольническія дѣла, то они получали выговоръ за то, что превышали свою власть. Такъ боровскій благочинный Елеонскій, увидѣвъ, что уставщикъ раскольнической часовни Ив. Матв. Хомутниковъ сопровождаетъ покойницу по городу днемъ съ кадильницею и пѣніемъ, обратился къ городничему съ просьбою „взять сего развратителя и возмутителя въ полицію къ задержанію, и для поступленія съ нимъ по законамъ представить къ его сіятельству г-ну калужскому гражданскому губернатору", но вмѣсто удовлетворенія просьбы городничій просилъ духовное правленіе сдѣлать распоряженіе „чтобы священно-церковно-служители впредь въ старобрядческій обрядъ не вмѣшивались, такъ какъ раскольники находятся въ вѣдѣніи свѣтскаго правительства, а не церковнаго", а Елеонскаго просить не утруждать на будущее время полицію напрасной перепиской [1]) На сообщеніе губернскаго правленія съ донесеніемъ перемышльскаго уѣзднаго суда о живущихъ въ дер. Разсудовой Богоявленска и окрестныхъ раскольникахъ послѣдовало постановленіе духовной консисторіи: „предписать священникамъ селеній этихъ съ подпискою ихъ, чтобы къ онымъ съ требами не входить и въ вѣдомостяхъ ихъ показывать раскольниками" [2]). Въ особенности священникамъ запрещалось принимать участіе въ поимкахъ раскольническихъ поповъ, [3]) производить обыски въ домахъ и раскольническихъ молеиныхъ. [4]) Скрытый отъ глазъ православнаго духовенства расколъ въ Калужской епархіи, если не всегда численно, за то внутренно росъ и крѣпъ за всю первую половину существованія епархіи. „Въ Калугѣ—говорилъ преосвященный Ѳеофилактъ,—всѣ наклонны ко всему тому, что отзывается „стариною" [5]), въ Боровскѣ при обзорѣ онъ произноситъ проповѣдь, въ которой обращается къ жителямъ города, какъ къ раскольникамъ. Преосвященный Григорій I называетъ Калужскую епархію „раскольническою", [6]) Николай жалуется на распространеніе и усиленіе раскола [7]).

---

[1]) Арх. Боров. Дух. Правл. Дѣло отъ 1827 г. Какъ видно, полиція очень широко понимала свои права по отношенію къ раскольникамъ.

[2]) Арх. Кал. Дух. Конс. Докладной реестръ 1812 г. № 66.

[3]) Тамъ же. Докл. реестръ 1815 г. № 27.

[4]) Тамъ же Докл реестръ 1817 г. № 25.

[5]) Кал. Еп. Вѣд. 1863 г., № 11.

[6]) Арх. Кал. Дух. Конс. Докл. реестръ 1827 г. № 32.

[7]) Тамъ же. Дѣло № 282.

Православное духовенство такимъ образомъ, если бы и желало, не могло дѣйствовать на темную раскольническую массу. Но кромѣ вышеуказанной причины, были и другія, вліявшія на неуспѣхъ духовной миссіи. Въ теченіе первыхъ 30 лѣтъ существованія Калужской епархіи происходила частая перемѣна епископовъ: ихъ смѣнилось за это время семь человѣкъ, слѣдовательно никто изъ нихъ не могъ съ результатомъ вести послѣдовательной и систематической борьбы съ расколомъ. Далѣе, заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ сначала открытой, а потомъ разоренной въ 1812 г. епархіи, естественно отвлекали вниманіе преосвященныхъ отъ раскола и раскольниковъ. Былъ, наконецъ, недостатокъ и въ людяхъ, способныхъ къ миссіонерской дѣятельности, а низкій уровень умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства епархіи положительно способствовалъ усиленію даже раскола. Семинарія, преобразованная изъ низшей школы еще Ѳеофилактомъ, окончательное устройство получила въ 1814 г., такъ что первый выпускъ студентовъ былъ лишь въ 1816 году. Естественно, что еще долго даже священническія мѣста не могли замѣщаться людьми съ образованіемъ и приходилось по необходимости ставить во священники и діаконы людей полуграмотныхъ, которые не знали даже основныхъ догматовъ вѣры. Даже въ самой Калугѣ до 20-хъ годовъ не было ученыхъ священниковъ за исключеніемъ 2—3-хъ лицъ [1]). Такъ въ 1826 г. одинъ діаконъ на экзаменѣ у преосвященнаго Григорія отвѣчалъ, что „сынъ Божій не рожденъ“ [2]), а священникъ смѣшивалъ Сына Божія съ Духомъ Святымъ и не имѣлъ понятія о Священномъ Писаніи, сознавшись, что „не знаетъ истинъ христіанскихъ за обрабатываніемъ земли“ [3]). Низкій уровень умственнаго развитія непремѣнно велъ за собою и нравственный упадокъ въ духовенствѣ. Лучшею иллюстраціею нравственнаго состоянія духовенства служитъ фактъ необыкновенно частаго бѣгства священниковъ къ раскольникамъ; такъ наприм., въ періодъ времени отъ 1821 по 1862 г. бѣжало въ расколъ 52 человѣка. Приведемъ списокъ бѣжавшихъ въ расколы священниковъ: въ 1821 г. 2: Медынскаго уѣзда, села Шанскаго Завода Петръ Никифоровъ; Жиздринскаго уѣзда, села Бутчина Михаилъ

[1]) Указъ Дух. Конс. отъ 1818 г. Арх. Градо-Калужской Ильинской церкви.

[2]) Арх. Кал. Дух. Конс. Докл. реестръ 1826 г.

[3]) Тамъ же. Докл. реестръ 1827 г.

Борисовъ; въ 1822 г. 4: Жиздринскаго уѣзда, с. Песоченскаго Завода Николай Петровъ, Козельскаго уѣзда, с Попелева Іоаннъ Баталинъ, Мосальскаго уѣзда с. Бакѣева Пертъ Русановъ, Козельскаго уѣзда, нынѣ упраздненнаго села Теплаго Меѳодій Евсѣевъ; въ 1823 г. 2: Медынскаго уѣзда, с. Агафьина Никита Ивановъ, Козельскаго уѣзда, с. Клыкова Иванъ Лихачевъ; въ 1824 г. Козельскаго уѣзда, с. Рождествена Порѳирій Ефимовъ; въ 1825 г. 3: Козельскаго уѣзда, с. Субботниковъ Ѳедоръ Лихачевъ, Жиздринскаго уѣзда с Зикѣева Самуилъ Васильевъ, того же уѣзда, с. Котори Ефимій Ивановъ; въ 1826 г. 2: Жиздринскаго уѣзда, с. Анисова-Городища Самсонъ Нагибинъ, Козельскаго уѣзда, с. Хотѣни Аѳанасій Скворцовъ; въ 1827 г. 3: Козельскаго уѣзда, с. Устовъ Іоаннъ Ѳедоровъ, Жиздринскаго уѣзда с. Воткина Іоаннъ Ивановъ, Перемышльскаго уѣзда, с. Нижнихъ Подгоричъ Григорій Скворцовъ; въ 1828 г. 6: Боровскаго уѣзда, с. Мосалова Іоаннъ Лазаревскій, Калужскаго уѣзда, с. Андроновскаго Александръ Преображенскій, Мещовскаго уѣзда, с. Утешева Іоаннъ Тарутинскій, Малоярославецкаго уѣзда, с. Бабичева Семенъ Журавлевъ, Медынскаго уѣзда, с. Карамышева Іосифъ Бѣляевъ, Перемышльскаго уѣзда, с. Слободки Моренищъ Аѳанасій Діаконовъ; въ 1829 г. 4: Боровскаго уѣзда, с. Пыринки Никита Леонтіевъ, Мещовскаго уѣзда, с. Серебрина Петръ Іоанновъ, Жиздринскаго уѣзда, с. Космачева Василій Тимофѣевъ, Мосальскаго уѣзда, с. Боровенска Іоаннъ Смирновъ; въ 1830 г. 4: Лихвинскаго уѣзда, с. Киязищева Павелъ Смирновъ, Перемышльскаго уѣзда с. Бокатова Василій Яковлевъ, Лихвинскаго уѣзда, с. Мишнева Павелъ Смирновъ, того же уѣзда, с. Ржавцы Александръ Гавриловъ; въ 1831 г. 3: Серпейскаго Николаевскаго собора Андрей Дакукинъ, Калужскаго уѣзда, с. Любутскаго Василій Соколовъ, Мещовскаго уѣзда, с. Мормыжи Іоаннъ Жуковъ; въ 1832 г. 3: Козельскаго уѣзда, с. Пашотина Михаилъ Новоградскій, того же уѣзда, с. Булатова Аѳанасій Стефановъ, Мосальскаго уѣзда, с. Николо Стана Ѳедоръ Соловьевъ; въ 1833 г. 2: Мещовскаго уѣзда, с. Щелканова Василій Кондорскій, Медынскаго уѣзда, с. Маковецъ Димитрій Островъ; въ 1834 г. 4: Калужскаго уѣзда, с. Воскресенскаго Іосифъ Якунинъ, Лихвинскаго уѣзда, с. Кстищъ Михаилъ Дубенскій, того же уѣзда, нынѣ упраздненнаго села Дракуна Іоаннъ Петровъ, Козельскаго уѣзда, с. Рождествена Евдокимъ Смирновъ, въ 1835 г. 2: Перемышльскаго уѣзда, с. Нижнихъ Подгоричъ Іоаннъ Еѳимовъ, Та-

русскаго уѣзда, с. Опочни Матвѣй Егоровъ; въ 1839 г. Козельскаго уѣзда, с. Матчина Іаковъ Рагозинскій; въ 1843 г. того же уѣзда, с. Каменки Ѳома Ильинъ; въ 1857 году Перемышльскаго уѣзда, с. Столпова Петръ Діаконовъ; въ 1858 г. Мещовскаго Георгіевскаго монастыря Василій Георгіевскій; въ 1859 г. Лихвинскаго собора Димитрій Бѣляевъ; въ 1860 г. Боровскаго уѣзда, села Слизнева Алексѣй Жигачевъ и въ 1862 г. Медынскаго уѣзда, с. Ворятина Іоаннъ Шумилинъ [1]). Калужская епархія пріобрѣла себѣ даже печальную извѣстность поставщицы бѣглыхъ поповъ. Въ 30-хъ годахъ запросъ на нашихъ священниковъ былъ такъ великъ, что въ Калугѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (въ Полотняномъ Заводѣ, Сухиничахъ) явились особаго рода промышленники, которые разнаго рода обѣщаніями и деньгами сманивали и затѣмъ отправляли, куда слѣдуетъ, отступниковъ. „Но изъ Калужской епархіи,— писалъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ,—никогда не убѣгалъ въ расколъ по своей доброй волѣ и не былъ уговоренъ съ собственнаго согласія ни одинъ добропорядочный человѣкъ изъ православнаго духовенства. Къ раскольникамъ переходило только самое пошлое отребіе, сплывала самая заматарѣлая гниль и то не по желанію или исканію раскольническаго древлеблагочестія, а или во избѣжаніе подсудности, или по влеченію къ широкому пути жизни, къ пространнымъ вратамъ житейскихъ наслажденій, по страсти обогатиться въ вѣцѣ семъ [2]).

Объясняя Св. Сѵноду это печальное для епархіи явленіе, калужскій преосвященный говорилъ, что нѣкоторые изъ калужскихъ раскольниковъ, имѣющихъ взаимныя сношенія съ стародубскими жителями, зная приверженность ихъ къ бѣглымъ священникамъ и діаконамъ, въ намѣреніи получить за то значительную сумму денегъ, прежде знакомятся съ порочными священниками и діаконами, потомъ всяческими способами пріобрѣтаютъ къ себѣ ихъ довѣренность и, прельщая ихъ подъ разными предлогами, описываютъ имъ сельскую жизнь скучною и бѣдною; послѣ же того, въ видѣ искренняго своего благожеланія, совѣтуя имъ удалиться къ раскольникамъ, обѣщаютъ имъ въ тамошнихъ стародубскихъ обществахъ спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ великій избытокъ; а наконецъ, въ довершеніе своихъ происковъ и обольщеній, предлагаютъ будто изъ дружбы свои имъ услуги и удоб-

[1]) Кал. Еп. Вѣд. 1863 г. № 17, стр. 299—300.
[2]) Тамъ же. 1886 г. № 19.

ный случай отправиться съ ними въ Стародубскія слободы, отъ каковыхъ прельщеній, полагаясь на благорасположеніе знакомыхъ, раскольниковъ, малодушные служители церкви, особенно тѣ, кои преслѣдуются уже закономъ, во избѣжаніе ожидаемаго ими наказанія за пороки, а иные ослабѣвъ въ поведеніи своемъ и доброй нравственности, въ намѣреніи скрыть стыдъ своей зазорной жизни, или опасаясь доносовъ и преслѣдованій мѣстнаго и высшаго начальства; иные же по вдовству и отъ неимѣнія дѣтей, а другіе отъ обремененія семейства за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ въ слободы". [1])

---

[1]) Собр. пост. по части раскола, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода кн. II, стр 305—306. Замѣчательно, что священники Калужской епархіи предпочитались въ расколѣ священникамъ другихъ епархій и цѣнились дороже; поэтому то главнымъ образомъ ловители „бѣгствующаго" священства и устремлялись въ Калужскую епархію на свой промыселъ. Почему же священники именно Калужской епархіи цѣнились бѣглопоповцами предпочтительно передъ другими—рѣшить этотъ вопросъ трудно Можетъ быть потому, что Калуга, всего родственнѣе бѣглопоповству, такъ какъ отсюда собственно произошелъ источникъ бѣглопоповской секты. Кромѣ того, несомнѣнно имѣло для старообрядцевъ большую важность и то обстоятельство, что, какъ до открытія самостоятельной Калужской епархіальной каѳедры (въ 1799 г.), такъ и съ открытіемъ ея, Калугою съ ея областями постоянно почти управляли архіереи великороссы, ведущіе преимущественность своей хиротоніи отъ патр. Іосифа Вотъ почему въ 1841 г нѣсколько тысячъ раскольниковъ, изъ купцовъ, мѣщанъ, военныхъ поселянъ Новороссійскаго края (Херсонской губ.) изъявили желаніе обратиться къ православію на правахъ единовѣрія, и всѣ они непремѣннымъ условіемъ своего обращенія поставили дать имъ священниковъ изъ Калужской епархіи. Раскольники Черниговской губ. въ 1845 и 1846 г г тоже, при обращеніи къ единовѣрію, требовали, чтобы имъ, въ ихъ единовѣрческія церкви, даны были священники непремѣнно изъ Калужской епархіи. Въ 1858 г. понадобился священникъ раскольникамъ отдаленнаго Забайкальскаго края, и двое избранныхъ отъ нихъ раскольниковъ проѣхали 6000 верстъ (а въ два пути 12000), чтобы увезти отъ насъ священника (и увезли изъ Мещовскаго монастыря—Георгіевскаго). Въ 1862 г. въ Медынскомъ уѣздѣ около года жили два посланца или уполномоченные отъ раскольниковъ Бессарабскихъ (въ Турецкихъ владѣн.) подговаривая то того, то другаго изъ священниковъ отправиться вмѣстѣ съ ними въ Турцію; когда же изъ порядочныхъ священниковъ ни одинъ не согласился на это, уполномоченные увезли такого, который за неблагоповеденіе уже присужденъ былъ къ низведенію въ причетники (села Борятина—Шумилина) Самое гнѣздо раскола, Московское Рогожское кладбище, не разъ переманивало къ себѣ поповъ изъ нашей епархіи. (Кал. Еп. Вѣд. 1863 г. № 17, стр. 295—296).

Чтобы пресѣчь зло, епархіальное начальство, между прочимъ, постановило: 1) отъ каждаго, по какимъ бы то ни было надобностямъ, отправляющагося въ другую епархію священника отбирать, при выдачѣ ему паспорта, ставленную грамоту; 2) опредѣляемыхъ на священно-служительскія мѣста, при выдачѣ имъ по сему случаю билетовъ, обязывать не вступать въ бракъ съ дѣвицами бѣжавшихъ въ раскольническія слободы, такъ какъ бѣжавшіе въ слободы обыкновенно сдавали свои мѣста заблаговременно, въ пользу своихъ дочерей.

Мы видѣли уже, что условія для миссіонерской дѣятельности епархіальнаго духовенства до царствованія Императора Александра II были самыя неблагопріятныя. Тѣмъ не менѣе, какъ епархіальное начальство, такъ и приходскіе пастыри старались по мѣрѣ возможности словомъ убѣжденія дѣйствовать на фанатичную раскольническую массу Преосвященные, при обзорѣ епархіи, посѣщали приходы, зараженные расколомъ, и обращались къ раскольникамъ съ словомъ увѣщанія оставить заблужденіе и возвратиться въ лоно православной церкви; раскольники молча выслушивали архіереевъ и оставались глухи къ призывамъ христіанской любви. Заставляли архіереи духовенство выписывать противо-раскольническія сочиненія; такъ, преосвященный Антоній рекомендовалъ въ приходы, зараженные расколомъ, выписать „Увѣщаніе къ раскольникамъ“, [1]) преосвященный Григорій велѣлъ разослать по церквамъ: „Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками“ [2]); преосвященный Гавріилъ распорядился въ 1828 г., чтобы священники имѣли книги противораскольническія: Жезлъ, Увѣтъ, Пращицу, Розыскъ, Скрижаль, Увѣщаніе къ раскольникамъ, Историческое извѣстіе о раскольникахъ, Отвѣты преосвященнаго Никифора на вопросы старообрядцевъ и проч. [3]) Въ 1837 г., на основаніи указа Св Сунода отъ 12 апрѣля 1836 г., относительно выбора и опредѣленія священниковъ въ приходы, зараженные расколомъ, калужская консисторія сдѣлала слѣдующее распоряженіе: во 1-хъ всѣ священники обязаны строжайшими подписками, чтобы они старались благоразумными мѣрами утверждать въ истинной вѣрѣ православныхъ и обращать заблуждающихъ въ расколѣ къ православію, предшествуя имъ въ тотъ здравымъ ученіемъ и на-

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс. отъ 19 іюня 1816 г.
[2]) Арх. Кал. Дух. Конс. Докл. реестръ 1827 г.
[3]) Тамъ же. Докл. реестръ 1828 г.

зидательнымъ примѣромъ, и чтобы отнюдь не допускали отпаденія въ расколъ; во 2-хъ, сію обязанность внушить особенно тѣмъ священникамъ, у коихъ большое число имѣется раскольниковъ, съ тѣмъ, что ежели впредь усмотрѣно будетъ ихъ нерачение къ обращенію заблуждающихъ, то имѣютъ быть удалены отъ занимаемыхъ ими мѣстъ; въ 3-хъ благочиннымъ наблюдать надъ дѣйствіемъ приходскихъ священниковъ въ открытіи и обращеніи заблуждающихъ и помогать имъ въ томъ совѣтами и дѣломъ неослабно (дѣйствуя въ семъ случаѣ въ качествѣ миссіонеровъ неослабно въ свободное отъ дѣлъ служенія время), сообразно съ законами, на сей предметъ предписанными, и въ 4-хъ, каковой будетъ успѣхъ отъ таковыхъ дѣйствій, благочинные одолжаются пополугодно доносить о томъ Его Преосвященству съ подробнымъ и вѣрнымъ означеніемъ, кто изъ священниковъ и какіе именно успѣхи въ семъ дѣлѣ оказалъ или не оказалъ и почему. [1]) Но раскольники не хотѣли слушать наставленій пастырей. Отличавшіеся „духомъ горделиваго самопревозношенія и слѣпого нерасположенія къ православію и православнымъ“, раскольники встрѣчались съ обращавшимися къ нимъ съ словомъ вразумленія „съ потупленнымъ взоромъ и отвратительнымъ лицемъ и ученій слышать не хотѣли. Въ лучшемъ случаѣ отвѣчали, что они измѣнить вѣры не согласны, ссылаясь на примѣръ отцовъ. Епархіальное начальство поэтому старалось, хотя косвенно, вліять на раскольниковъ.

Лишенная до начала нынѣшняго столѣтія ближайшаго церковно-административнаго надзора, религіозно-церковная жизнь въ новооткрытой Калужской епархіи представляла собою много ненормальныхъ явленій, которыя должны были смущать немощныхъ духомъ и давали поводъ вакоснѣлымъ раскольникамъ дѣлать нападки на православную церковь, что, конечно, способствовало распространенію раскола. Епархіальные преосвященные поэтому стремились устранить недостатки въ современной имъ религіозно-церковной жизни, чтобы вырвать изъ рукъ раскольниковъ сильное въ рукахъ ихъ оружіе хулы на самую церковь. Такъ, преосвященный Евгеній наблюдалъ, что церковные старосты и нищіе собираютъ подаяніе въ церкви во время литургіи „и даже во время самаго совершенія святѣйшаго таинства евхаристіи при пѣніи стиха: „Тебѣ поемъ“. [2]) Преосвященный Антоній негодовалъ на па-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 121.

[2]) Указъ Боров. Духов. Правленія отъ 1814 г. 20 марта.

стырей церкви за то, что „престольные сосуды, лампады, паникадила, подсвѣчники, даже и самыя евангелія въ пыли и весьма нечисты, полы не только не вымыты, но и покрыты грязью, такъ что оной нашлось наросшею около вершка, на стѣнахъ и иконостасахъ пыль не сметена, безпечность священно-церковно-служителей до того простирается, что въ алтаряхъ стѣны исчерчены гвоздями, мѣломъ и угольями, показались надписи крайне непристойныя и соблазнительныя, а также и самыя вещи, а наипаче шкафы поставлены не на приличныхъ имъ мѣстахъ, а за престоломъ, близъ горняго мѣста...., во время происхожденія въ церкви службы приходятъ на клиросъ мѣщане и другіе свѣтскаго званія люди и поютъ, козлогласуя, совсѣмъ неприлично и для молящихся отвратительно, да и самые причетники не соблюдаютъ должной въ пѣніи пріятности и напѣвъ самый употребляютъ странный съ крикомъ, слуху отвратительный, не такой, какой предписанъ; нѣкоторые церковнослужители одѣваются въ неприличное духовному званію одѣяніе подобное мѣщанскому; священники и діаконы часто ходятъ по публичнымъ мѣстамъ безъ рясъ въ лаптяхъ и даже къ архіерею являлись и подходили подъ благословеніе въ одномъ полкафтаньи, растрепаны, въ одеждѣ разодранной, измаранной, въ видѣ весьма отвратительномъ и для духовнаго званія постыдномъ; во многихъ селеніяхъ священно-церковно-служительскія дѣти и дики, и нечесаны, и въ большой нечистотѣ, и никакой не имѣютъ опрятности и такъ необразованы, что различія какъ въ одѣяніи, такъ и въ самомъ образѣ воспитанія между ними и крестьянскими дѣтьми никакого почти не видно [1]); „что многіе церковно-служители, а наипаче причетники, ведутъ себя совсѣмъ несоотвѣтственно званію своему, упражняясь въ пьянствѣ и буянствѣ съ упущеніемъ настоящей своей должности, черезъ что происходитъ отъ прихожанъ великое неудовольствіе и ропотъ“. [2]) Преосвященный Гавріилъ также указываетъ на то, что „въ нѣкоторыхъ церквахъ святые антиминсы находятся ветхіе или холщевые, на коихъ не написано, на имя какихъ храмовъ они выданы, кѣмъ освящены и въ какое село; многіе священно-церковно-служители, при указахъ находящіеся, нимало не стараются объ усовершенствованіи себя въ чте-

---

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс. 19 Іюня 1816 г.

[2]) Тоже отъ 23 Ноября 1818 г.

нiи. пѣніи и знаніи катихизиса; въ церквахъ, въ приходахъ коихъ находятся раскольники, нѣтъ никакихъ книгъ къ обличенію ихъ служащихъ“ [1]).

Вслѣдствіе такихъ и многихъ другихъ подобныхъ имъ недостатковъ въ жизни церковной, калужскіе преосвященные первой половины нынѣшняго столѣтія всѣми мѣрами стремятся къ тому, чтобы установить прежде всего чинность и благоговѣйность въ храмахъ и церковномъ богослуженіи. Духовнымъ правленіямъ и о.о. благочиннымъ предписывалось строго слѣдить за порядкомъ и чистотою въ храмахъ, заботиться, чтобы церковное имущество было въ цѣлости и хранилось въ надлежащихъ мѣстахъ, заведена была самая строгая отчетность въ приходѣ и расходѣ церковной суммы и т. д. Особенное же вниманіе было обращено на то, чтобы богослуженіе совершалось благоговѣйно. Помимо того, что въ церквахъ пѣлъ всякій сбродъ, сами псаломщики пѣть не умѣли, слышалось пѣніе „разнообразное, несогласное, произносимое съ непріятнымъ крикомъ“ [2]). На клиросахъ появлялись въ нѣкоторыхъ церквахъ „господскіе пѣвчіе, въ числѣ коихъ находился женскій полъ, и вмѣсто одобренныхъ концертовъ, пѣли на театральный вкусъ, отчего благонамѣренные люди съ душевнымъ прискорбіемъ уходили изъ церкви [3]). Чтобы вывести такое нестроеніе въ службѣ Божіей, епархіальнымъ начальствомъ вводимо было простое нотное пѣніе композиціи г. Бортнянскаго. Преосвященный Евгеній въ этихъ цѣляхъ приказалъ „для научеиія вызвать (въ Калугу) къ регенту пѣвчевскому по одному изъ способнѣйшихъ монастырскихъ послушниковъ и соборныхъ причетниковъ и по изученіи отпустить въ должности, обязавъ ихъ подписками, чтобы и другихъ научили“ [4]). Преосвященный Николай сдѣлалъ распоряженіе, чтобы придворное трехголосное и двухголосное пѣвческое пѣніе „прежде введено было въ уѣздныхъ городахъ подъ руководствомъ знающихъ оное пѣніе протоіереевъ, священниковъ и діаконовъ, которое послѣ удобно можетъ перейти уже въ сельскія церкви“ [5]).

---

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс. 17 октября 1828 г.
[2]) Тоже отъ 19 іюня 1816 г.
[3]) Тоже отъ 2 апрѣля 1818 г.
[4]) Указъ Кал. Дух. Конс. отъ 26 іюля 1815 о.
[5]) Тоже отъ 4 іюля 1836 г. въ Боров. Дух. Правленіи.

Не менѣе важное вниманіе епархіальнымъ начальствомъ было обращено на поднятіе умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства епархіи, призваннаго къ духовному руководству паствы и борьбѣ съ расколомъ. Поэтому прежде всего обращено было вниманіе на кандидатовъ на церковнослужительскія мѣста. По установившемуся порядку послѣдніе, помимо своей правоспособности, должны были еще получить одобреніе отъ своихъ будущихъ прихожанъ. Для устраненія злоупотребленій при выдачѣ прихожанами одобреній, преосвященнымъ Евгеніемъ было опредѣлено: давать ихъ въ церкви при священнослужителяхъ и собраніи прихожанъ, чтобы они подписаны были самими прихожанами или ихъ повѣренными, а вмѣсто неумѣющихъ писать другими по просьбѣ ихъ, благочиннымъ вмѣнить въ обязанность непремѣнно означать, что всѣ присутствующіе и не присутствовавшіе прихожане были согласны на избраніе, и присовокуплять свидѣтельства о знаніи проситолемъ читать, пѣть по нотамъ, катихизиса и священной исторіи, первыхъ правилъ ариѳметики и церковнаго устава и какого онъ поведенія [1]), а преосвященный Антоній предписалъ благочиннымъ экзаменовать кандидатовъ болѣе подробно, именно: „въ чтеніи по церковнымъ и гражданской печати книгамъ и по рукописанному, въ простомъ пѣніи на гласы и по нотѣ въ согласіи и пріятномъ пѣніи печатной литургіи г. Бортнянскаго, въ чистописаніи приходорасходныхъ книгъ, описи и въ знаніи писать метрики, обыски, росписи исповѣдныя, въ церковномъ уставѣ, въ священной исторіи, въ катихизисѣ, въ ариѳметикѣ и въ сложеніи на счетахъ“ [2]). Кандидаты, не исключая даже окончившихъ курсъ семинаріи, испытывались лично преосвященными въ знаніи ими догматики и ученія христіанской нравственности, если они просились на мѣста священническія, и въ знаніи церковнаго устава, чтеніи и пѣніи, если то были кандидаты на должности церковниковъ. Съ половины 20-хъ годовъ на должности священниковъ лица, не окончившія курсъ въ духовной семинаріи, почти не опредѣлялись безъ особой уважительной причины, а потому уровень умственнаго развитія священниковъ начинаетъ возвышаться съ этого времени; что же касается низшихъ членовъ клира, то епархіальное начальство старалось, чтобы и они не забывали того, чему были обучены до поступле-

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс въ Боров. Дух. Правл. отъ 1813 г.
[2]) Указъ Кал. Дух. Конс. 19 іюня 1816 г.

нія на мѣста. „Замѣчено мною,—писалъ въ своемъ предложеніи преосвященный Николай,—что причетники, посвященные въ стихарь, не занимаются повтореніемъ изученныхъ нужныхъ для нихъ предметовъ, отчего не только не усовершаются въ оныхъ, но забываютъ и то, что получили, а не посвященные въ стихарь, проживая при мѣстахъ годъ, два и болѣе, являются къ посвященію иные малоисправными, а иные совершенно неисправными. Консисторія имѣетъ предписать всѣмъ правленіямъ и подвѣдомственнымъ ей благочиннымъ указами, чтобы благочинные, при обозрѣніи вѣдомства ихъ церквей и священно-церковно-служителей, замѣтивъ неисправныхъ причетниковъ и въ особенности непосвященныхъ въ стихарь, отдавали ихъ для обученія исправнымъ и благонадежнымъ причетникамъ или діаконамъ. [1]) Далѣе преосвященные заботились объ искорененіи пороковъ, господствовавшихъ въ духовенствѣ и прежде всего неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Преосвященный Филаретъ, напоминая пастырямъ церкви о значеніи хожденія со святыми иконами въ пасхальную седмицу, вмѣняетъ имъ въ непремѣнную обязанность, „чтобы во всю святую недѣлю пасхи въ каждый день совершаема была божественная литургія, исключая случая болѣзни священника“ и чтобы всѣ священно-церковно-служители „провождали сію недѣлю въ совершенной трезвости“, а дабы не было злоупотребленія въ послѣднемъ случаѣ, разрѣшилъ „ходить со святыми иконами только до обѣда, гдѣ нѣтъ непреоборимыхъ препятствій со стороны мѣстныхъ обстоятельствъ“. [2]) Замѣчая, что случаи особыхъ непріятностей среди духовенства больше всего бывали во время храмовыхъ праздниковъ, преосвященный Гавріилъ предписалъ консисторіи „обязать всѣ причты чрезъ благочинныхъ подписками, чтобы они послѣ храмовыхъ праздниковъ непремѣнно доносили за подписаніемъ всего причта благочиннымъ своимъ о томъ, что въ продолженіе праздника никакихъ предосудительныхъ поступковъ отъ духовныхъ лицъ производимо не было ими учинено что либо предосудительное подъ опасеніемъ строгаго взысканія за сокрытіе худыхъ поступковъ, ежели о таковыхъ послѣ по какому либо случаю дойдетъ до свѣдѣнія начальства и при томъ подтвердить имъ преж-

---

[1]) **Указъ Кал. Дух. Конс. отъ 13 іюля 1838 г.**

[2]) **Тоже 3 ноября 1823 г.**

нее постановленіе епархіальнаго начальства, чтобы въ пасхальную недѣлю молебствіе по домамъ всячески старались исправлять до обѣденнаго времени“ [1]).

Особенное вниманіе епархіальная власть обращала на учительство пастырей церкви Преосвященный Филаретъ въ 1821 г. приказалъ Консисторіи предписать благочиннымъ Калужской епархіи, „чтобы они не въ продолжительномъ времени представили ему свѣдѣнія, въ какихъ именно церквахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ по состоянію прихожанъ есть особенная нужда къ постоянному преподаванію христіанскаго ученія, и какія церкви отличаются стеченіемъ народа; 2) предписать всѣмъ священноцерковнослужителямъ, чтобы они по долгу званія своего усугубили ревность свою и тщаніе въ наставленіи ввѣренныхъ имъ прихожанъ въ вѣрѣ и благонравіи христіанскомъ, и кто изъ нихъ изъявитъ благочестивое усердіе къ преподаванію поученій или бесѣдъ въ систематическомъ порядкѣ, таковые, составивъ предварительно планы преподаванія, прислали бы оные къ нему, преосвященному, для исправленія или лично явились съ оными для полученія нужныхъ къ тому наставленій и 3) истребовавъ отъ всѣхъ благочинныхъ свѣдѣнія, въ какихъ именно церквахъ имѣются огласительныя поученія иже во святыхъ отца нашего Кирилла Іерусалимскаго, теперь же выписать изъ Московской синодальной типографіи 300 экземпляровъ оныхъ на счетъ суммъ тѣхъ церквей, въ которыя они по распоряженію Консисторіи имѣютъ быть разосланы“. [2]) На опредѣленіи Консисторіи, чтобы градо-калужскіе ученые протоіереи и священники говорили по воскреснымъ днямъ въ продолженіи 1827 г. въ соборѣ каѳедральномъ очередныя проповѣди, преосвященный Григорій I положилъ резолюцію: „предписать, чтобы и по уѣздынымъ (соборамъ) было еженедѣльное преподаваніе катихизиса, и кто изъ духовныхъ объявитъ на то желаніе, если желающихъ не окажется, кто будетъ на то избраны репортовали бы ко мнѣ“. [3]) Преосвященный Гавріилъ распорядился, чтобы при обзорѣ церквей ученые протоіереи, священники и діаконы при личномъ къ нему представленіи имѣли бы съ собою проповѣди или бесѣды собственнаго сочиненія съ одобреніемъ цензора, которыя

---

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс. 17 Октября 1828 г.
[2]) Указъ Боров. Дух. Прав. 10 марта 1821 г.
[3]) Указъ Кал. Дух. Конс. въ Боров. Дух. Прав. 13 декабря 1826 г.

сказывали они въ минувшихъ 1827, 1828 и въ семъ 1829 годахъ, для представленія оныхъ на его усмотрѣніе". [1]) Въ 1838 г. Духовная Консисторія въ силу требованій проэкта духовныхъ епархіальныхъ консисторій съ утвержденія преосвященнаго Николая постановила: „благочинные надзираютъ, чтобы въ церквахъ при богослуженіи читаемы были поученія изъ особо назначенныхъ для сего книгъ или писаній св. отецъ, а получившими надлежащее образованіе священноцерковно-служителями нерѣдко произносимы были собственныя ихъ поученія, приспособленныя къ понятію и потребностей мѣстныхъ служителей; б) сіи послѣднія поученія представляются благочиннымъ для цензуры по возможности прежде произнесенія, но крайней же мѣрѣ послѣ, для означенія въ клировыхъ вѣдомостяхъ, сколько кѣмъ собственныхъ поученій произнесено; в) о неисправныхъ въ исполненіи обязанности проповѣданія Консисторія съ своимъ мнѣніемъ относительно побужденія или взысканія представляетъ епархіальному архіерею; г) для большаго поощренія и руководства къ проповѣданію Слова Божія въ епархіальномъ и другихъ городахъ въ соборной церкви учреждается очередное проповѣдываніе окрестныхъ священно-церковно-служителей въ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни по росписанію, составляемому Консисторіею и Духовными Правленіями въ ноябрѣ каждаго года и, по утвержденіи епархіальнымъ архіереемъ, приводимому въ исполненіе съ перваго дня слѣдующаго года; 9) для преподанія народу наставленія въ начальныхъ истинахъ вѣры и нравственности епархіальное начальство учреждаетъ въ нѣкоторыхъ церквахъ катихизическія по воскреснымъ днямъ поученія." [2]) Такія поученія были открыты въ нѣкоторыхъ селахъ съ нѣсколькими священниками и особенно въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ. [3]) Съ цѣлью спеціальнаго приготовленія противораскольническихъ миссіонеровъ преосвященный Григорій командировалъ въ 1854 г. на открытые митрополитомъ Григоріемъ при С.-Петербургской Духовной Академіи противораскольническіе миссіонерскіе курсы свящ. Дм. Осип. Бѣляева и студента Семинаріи Дм Дм. Любимова. По выслушаніи ими курсовъ, одинъ изъ нихъ, Бѣляевъ, былъ опредѣленъ къ соборной Лихвинской церкви, при

---

[1]) Указъ Кал. Дух. Конс 1829 г.

[2]) Указъ Кал. Дух. Конс. въ Боров. Дух. Правл. 17 октября 1838 г

[3]) Арх. Боров. Дух. Правл. Дѣло отъ 1838 г.

чемъ вѣдѣнію его, какъ противораскольническаго миссіонера, были поручены четыре уѣзда, а другой, Любимовъ, опредѣленъ священникомъ въ гор Боровскъ, какъ самый крупный центръ мѣстнаго раскола. *)

---

*) Дмитр. Осип. Бѣляевъ запятналъ себя побѣгомъ въ расколъ. Въ 1858 г., по случаю сокращенія штатовъ, онъ остался безъ мѣста, а въ 1859 г. по прошенію былъ перемѣщенъ въ Пафнутіевъ монастырь. Отсюда 30 іюля 1859 г. во время обѣдни бѣжалъ. По справкѣ въ клировыхъ вѣдомостяхъ онъ значится съ 1858 г. вдовымъ и бездѣтнымъ, поведенія „изрядлаго". Въ 1882 г. Бѣляевъ попалъ случайно въ руки полиціи. 2 ноября унтеръ-офицеръ Максимовъ представилъ въ управленіе Московской Мѣщанской части неизвѣстнаго званія человѣка, одѣтаго по русски, и при этомъ объяснилъ, что, находясь означеннаго числа на Бронницкомъ полустанкѣ Московско-Рязанской жел. дороги, онъ обратилъ вниманіе на этого человѣка, который, при видѣ его старался скрыть лице свое воротникомъ тулупа. Максимовъ спросилъ его о званіи; но тотъ предложилъ ему 90 р. съ просьбою не трогать его. Максимовъ деньги взялъ, но въ Москвѣ на вокзалѣ арестовалъ. Бѣглецъ былъ представленъ въ Калужскую Духовную Консисторію, гдѣ 11 ноября 1882 г показалъ: „въ 1857 г я былъ уволенъ отъ соборной Лихвинской церкви за штатъ съ полученіемъ части доходовъ и опредѣленъ по прошенію въ 1859 г. въ Боровскій монастырь, въ которомъ пробылъ одинъ мѣсяцъ; засимъ, вызванный въ ограду не извѣстнымъ лицомъ, по предложенію его, отправился въ Тулу къ духовному отцу Павлу, тутъ же, за оградой, какому-то старику, который умеръ 22 года тому назадъ, крестьянину—имя и отчество его не упомню—отдалъ ставленную грамоту и въ настоящее время грамоты не имѣю. Съ дѣломъ раскольническимъ познакомился по выходѣ изъ С.-Петербургской Академіи, гдѣ слушалъ лекціи по миссіонерству. Что заставило меня удалиться въ расколъ, положительнаго отвѣта дать не могу, во всякомъ случаѣ не изъ корыстныхъ видовъ, частію же потому, что на неоднократныя мои просьбы объ опредѣленіи меня на священническое мѣсто, мнѣ отказывалось. Въ настоящее время я остаюсь при своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ раскольническихъ, вслѣдствіе 23-лѣтняго пребыванія въ раскольническихъ обществахъ. Въ этотъ періодъ (времени) я бывалъ въ приволжскихъ городахъ и селеніяхъ Нижегородской, Самарской, Саратовской, Вятской и др. губерній, постояннаго жительства не имѣлъ. У раскольниковъ совершалъ службы и всѣ требы, муро бралъ отъ тульскаго попа, за скудостью смѣшивалъ съ масломъ, окружники меня не приглашали.". Препровожденный послѣ допроса въ Тихонову пустынь, Бѣляевъ 19 ноября 1882 г бѣжалъ оттуда. Св. Сунодъ предписалъ лишить его сана и исключить изъ духовнаго званія, что было немедленно исполнено. Истинной причиной бѣгства было то, что онъ не въ силахъ былъ сносить своего вдовства (Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло 11662 и № 8 общ. описи I стола 1882 г.).

Глава III.

Состояніе мѣстнаго раскола съ царствованія императора Александра II до настоящаго времени.

Перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ раскольникамъ въ царствованіе императора Александра II. Предложеніе преосвященнаго Григорія о высылкѣ боровскихъ „большаковъ“ и отношеніе къ нему калужскаго губернатора В А. Арцимовича. Отношеніе мѣстныхъ раскольниковъ къ австрійской іерархіи и дѣленіе ихъ на окружниковъ и противоокружниковъ Разочарованіе раскольниковъ въ австрійской іерархіи. Дѣятельность миссіонерскихъ братствъ.

Съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II положеніе раскольниковъ Калужской епархіи значительно облегчается Предвѣстникомъ этого облегченія для нихъ былъ калужскій губернаторъ Викт Ант. Арцимовичъ. Къ концу царствованія императора Николая I усиливается тайная дѣятельность раскольническихъ „большаковъ“, направленная на пропаганду раскола Большое развитіе такъ называемыхъ „тайныхъ раскольниковъ“ заставило духовное епархіальное начальство обратить вниманіе на дѣятельность большаковъ, и преосвященный Григорій выработалъ цѣлый рядъ строжайшихъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію своевольной дѣятельности большаковъ, распространявшихъ расколъ. Было предположено, во 1-хъ, удалить изъ Боровска раскольническихъ большаковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, такъ чтобы прекратить всякое сношеніе между ними и боровскими раскольниками, тѣхъ же, которые не будутъ удалены, считать лицами отвѣтственными за всякое распространеніе раскола въ гор. Боровскѣ и не оставлять ихъ безъ преслѣдованія, какъ совратителей, а между тѣмъ не дозволять раскольникамъ общихъ сборищъ для богомолья

и совершенія требъ христіанскихъ, особенно же преслѣдовать привлеченіе новыхъ лицъ въ эти сборища; во 2-хъ лжеиоповъ, раскольническихъ всемѣрно розыскивать и когда они будутъ пойманы, немедленно удалять изъ города въ отдаленнѣйшіе монастыри православные; въ 3-хъ, расторгать брачныя сопряженія раскольниковъ съ лицами православными, заключенныя внѣ церкви, считать ихъ дѣяніями противозаконными и подлежащими преслѣдованію и суду, дѣтей же, происходящихъ отъ такихъ сопряженій, хотя бы они были крещены по раскольнически, отбирать и отдавать ихъ на воспитаніе православнымъ родственникамъ; въ 4-хъ, старшинами въ этомъ городѣ не только не опредѣлять явныхъ раскольниковъ, но и тайныхъ и вообще лицъ сомнительныхъ въ православіи по отзыву мѣстнаго духовенства; а чтобы и таковые люди не были изъяты отъ службы общественной, то вмѣсто личной службы взимать съ нихъ налогъ въ пользу православныхъ гражданъ, которые будутъ нести за нихъ труды общественной службы; наконецъ, въ 5-хъ, постановить правиломъ, чтобы всѣ лица, отлучающіяся ежегодно изъ Боровска, возвращались домой хотя на время великаго поста для исповѣди и св причастія, а также для принятія наставленій отъ своихъ духовныхъ отцовъ, или же исполняли это непремѣнно въ мѣстахъ своего пребыванія и во все время своихъ отлучекъ ходили по праздничнымъ днямъ въ ближайшія церкви и отъ причтовъ ихъ представляли въ свою боровскую церковь свидѣтельства о томъ; тѣмъ же, которые не будутъ дѣлать этого, не выдавать новыхъ паспортовъ.

Переданный на разсмотрѣніе Калужскому Губернатору В. А. Арцимовичу въ 1858 г. проэктъ встрѣтилъ со стороны послѣдняго строгую критику. „Входить въ настоящее время въ соображенія о принятіи особыхъ мѣръ къ пресѣченію вредныхъ дѣйствій раскольническихъ большаковъ въ гор. Боровскѣ,—писалъ онъ,—я не вижу основанія, такъ какъ городъ этотъ относительно раскола не находится въ исключительномъ положеніи, а жители его, по своимъ заблужденіямъ, какъ удостовѣряетъ мѣстное духовенство, преимущественно принадлежитъ къ сектантамъ Рогожскаго кладбища и Лужковцамъ, имѣющимъ свое средоточіе внѣ Калужской губерніи, именно въ Москвѣ и Стародубскомъ уѣздѣ“. Обращаясь далѣе къ отдѣльнымъ пунктамъ выработанной репрессивной программы, Арцимовичъ останавливается подробно на каждомъ изъ нихъ. Предложеніе: удалить изъ города всѣхъ или нѣкоторыхъ

большаковъ, а оставшихся сдѣлать отвѣтственными за всякое совратительство и не дозволять раскольникамъ общихъ сборищъ для богомолья и совершенія требъ христіанскихъ,—онъ не находилъ безусловно необходимымъ... „Такъ какъ не доказано фактами, писалъ онъ, чтобы большаки распространяли свои заблужденія межпу православными, то удалять ихъ изъ своей среды значило бы вопреки коренному закону преслѣдовать ихъ за мнѣнія о вѣрѣ, при томъ мѣра эта представляется болѣе опасною, чѣмъ полезною, потому что большаки и въ другихъ мѣстахъ могутъ легко найти себѣ послѣдователей, особенно если они отличаются умомъ и матеріальными средствами. Какъ ни гнусна секта скопцевъ, но Шиловъ, одинъ изъ главнѣйшихъ ея родоначальниковъ въ Россіи, находилъ себѣ послѣдователей и въ Динамюндской крѣпости. Кромѣ того весьма трудно, или вѣрнѣе сказать, вовсе невозможно найти такія законныя мѣры, которыми можно было бы пресѣчь всякое сношеніе раскольниковъ съ ихъ большаками, хотя бы весьма далеко высланными изъ ихъ среды. Подвергать же большаковъ гор. Боровска, оставшихся на мѣстѣ, отвѣтственности за всякое распространеніе тамъ раскола было бы не въ духѣ закона, предъ которымъ каждый долженъ отвѣчать за свои только доказанныя дѣйствія, между тѣмъ легко можетъ случиться, что не эти, а другія лица будутъ виновниками совращенія православныхъ. Вообще 9 § наставленій предписываетъ не изгонять старшинъ и другихъ почетныхъ лицъ раскола, а обращать особенное вниманіе на дѣйствія ихъ, и стараться при этомъ расположить ихъ въ пользу святаго дѣла возсоединенія съ церковью. 8 § Наставленія не дозволяетъ раскольникамъ заводить скиты или иныя подробнаго рода обиталища, а также строить новыя молитвенныя зданія и обращать для этой цѣли жилыя помѣщенія; но сборища для молитвы въ существующихъ уже моленныхъ, а также и отправленіе требъ по своимъ обрядамъ не воспрещаются, только бы не было съ ихъ стороны публичнаго оказательства раскола; привлеченіе же въ расколъ лицъ православныхъ всегда преслѣдовалось“. „Лжепоповъ раскольническихъ, писалъ онъ далѣе, признается нужнымъ всемѣрно розыскивать и, когда они будутъ пойманы, немедленно удалять ихъ изъ города и заключать въ отдаленнѣйшіе монастыри православные. Но законъ остающимся у раскольниковъ попамъ запрещаетъ только переходить для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ губерніи въ губернію (т. XIV, ст. 68 о пред. и

пресѣч. преступ.). По 7 § Наставленія гражданское начальство имѣетъ самое строгое наблюденіе за недопущеніемъ изъ заграницы раскольническихъ лжеепископовъ и лжепоповъ; ловить безъ исключенія всѣхъ и ссылать ихъ въ отдаленные монастыри было бы не согласно съ особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ по этому предмету". Предложеніе расторгать браки раскольниковъ съ лицами православныхъ и отбирать прижитыхъ въ такомъ бракѣ дѣтей Арцамовичъ опровергаетъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что кто вступаетъ въ бракъ внѣ церкви, тотъ уже не православный, а раскольникъ, слѣдовательно тогда нужно расторгать браки, заключенные и между раскольниками, и у послѣднихъ отбирать дѣтей; „дѣтей же, заключаетъ онъ,—отнимать у родителей во всякомъ случаѣ не только незаконно, но и неестественно: вѣдь и дѣтей, блудно прижитыхъ не отнимаютъ у матери". Предложеніе не опредѣлять старшинами въ Боровскѣ тайныхъ и явныхъ раскольниковъ, а взамѣнъ общественной службы обложить ихъ налогомъ въ пользу православныхъ, губернаторъ нашелъ прежде всего не согласнымъ съ закономъ, который запрещаетъ употреблять въ общественныя должности, съ правомъ власти или начальства соединенныя, не вообще раскольниковъ, а только людей, принадлежащихъ къ ересямъ, которыя признаны особенно вредными, „тѣмъ болѣе несправедливо устранять отъ общественныхъ должностей лицъ по одному сомнѣнію въ ихъ православіи". Далѣе онъ находилъ, что „устраненіе раскольниковъ отъ общественной службы и взиманіе съ нихъ налога въ пользу православныхъ усилятъ только духъ непріязни первыхъ къ послѣднимъ, вредный во всѣхъ отношеніяхъ. Нечего уже говорить о томъ, что предполагаемый налогъ не соотвѣтствуетъ своей цѣли, такъ какъ на важнѣйшія общественныя должности избираются преимущественно люди состоятельные, которымъ дороги не деньги, а время и свобода отъ постороннихъ занятій". Еще меньше сочувствія встрѣтила мѣра, чтобы всѣ жители города возвращались на время поста домой для исповѣди и св. причастія и принятія наставленій отъ своихъ духовниковъ. „Таковая мѣра, писалъ Арцимовичъ, рѣшительно не оправдываемая закономъ, не можетъ быть принята въ дѣлахъ вѣры, гдѣ всякаго рода принужденія всегда безсильны, и повела бы только къ тому, что многіе жители Боровска, имѣющіе отлучаться на сторону по своимъ дѣламъ, постараются навсегда оставить этотъ городъ, а нѣкоторые и безъ того не твердые въ православіи, статься можетъ, перейдутъ

въ расколъ, какъ не представляющій для своихъ послѣдователей такихъ стѣснительныхъ обязательствъ Да и какое основаніе ставить Боровскихъ жителей въ исключительное и унизительное для нихъ положеніе, тогда какъ раскольники и люди, колеблющіеся въ православіи, есть во многихъ городахъ Имперіи"? „По моему убѣжденію,—такъ заканчиваетъ свои возраженія Арцимовичъ,—всякій стѣснительный и строгій образъ дѣйствій по отношеніи къ раскольникамъ не только не ослабитъ ихъ привязанности къ мнимо старой вѣрѣ, а напротивъ усилитъ ихъ непріязнь къ православію и сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ возсоединеніе ихъ съ церковью. Достигнуть этой цѣли можно только при успѣхахъ народнаго, образованія, при развитіи общественной жизни и при особенномъ усердіи мѣстнаго духовенства къ дѣйствіямъ высшаго правительства. Потому мнѣ казалось бы необходимымъ въ гор. Боровскъ назначить священнослужителей, отличающихся даромъ проповѣдыванія, усердіемъ къ своимъ высокимъ обязанностямъ, опытностью въ духовныхъ дѣлахъ и безукоризненнымъ поведеніемъ". [1])

Такимъ образомъ обнаружилось, что время суровыхъ отношеній къ раскольникамъ прекратилось, что дѣйствительно и было съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, хотя это измѣненіе въ первые годы царствованія не было опредѣлено закономъ. Лишь Высочайшимъ указомъ отъ 20 января 1858 г. расколъ былъ изъятъ изъ исключительнаго вѣдѣнія администраціи и было повелѣно, чтобы всѣ дѣла получили теченіе по общему установленному закономъ порядку, т. е. дѣла о раскольникахъ законодательныя должны вноситься въ Государственный Совѣтъ, дѣла высшаго административнаго значенія въ Комитетъ Министровъ, судебныя—чрезъ судебныя мѣста", и чтобы составлены были особыя наставленія для руководства въ дѣйствіяхъ какъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, такъ и низшаго духовенства. Дѣйствительно, въ томъ же году Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было издано „Наставленіе". Въ основу этого „Наставленія" было положено полное выдѣленіе духовной власти отъ распоряженій свѣтской, оставляя за духовенствомъ кругъ дѣйствій чрезъ назиданіе и духовное наставленіе отпадшихъ. Не прекращая дѣйствія законовъ, запрещающихъ постройку и обновленіе раскольническихъ

---

[1]) См. нашу статью въ Калужскомъ Вѣстникѣ: „Отношенія В. Ант. Арцимовича къ раскольникамъ". 1898 г. № 40 и 41.

моленныхъ, а также открытое богослуженіе или внѣшнее публичное проявленіе раскольническихъ толковъ, тѣмъ не менѣе „Наставленіе“ оградило расколъ отъ всякаго преслѣдованія за одно религіозное убѣжденіе. Относительно совращенныхъ „Наставленіе“ указываетъ единственными мѣрами для вразумленія ихъ—мѣры духовныя, не дѣлая при томъ различія для сектъ, вновь возникающихъ. По отношенію къ совратителямъ, хотя оставлена была отвѣтственность ихъ по закону, сдѣлано различіе между дѣйствительными совратителями, т. е. пропагандистами, имѣвшими успѣхъ въ своей пропагандѣ, и учителями, начетниками и іерархами раскола, поставленными, напримѣръ, Австрійскою духовною властью. Правительство дѣлало снисхожденіе раскольникамъ и въ отношеніи моленныхъ, такъ, наприм., Комитетомъ Министровъ еще въ 1857 г. было разъяснено, что закрывать раскольническія моленныя можно лишь по причинѣ ихъ ветхости, но безъ особаго представленія Комитету Министровъ запрещалось закрывать молитвенные дома по другимъ причинамъ, на которыя указывали правила 1853 г., гдѣ, между прочимъ, къ таковымъ относились „раскольническіе соблазны“.

Указанное „Наставленіе“ легло въ основу дальнѣйшихъ законодательныхъ распоряженій по дѣламъ раскола. Теперь раскольники были признаны уже частью общаго государственнаго тѣла, и они не выдѣлялись въ особую преслѣдуемую касту. Такое снисходительное отношеніе къ раскольникамъ было, конечно, имъ на руку, и мы видимъ, что послѣ изданія „Наставленія“ раскольники нашей епархіи сильно оживились. Разъ не преслѣдовали за принадлежность къ расколу, то уже не было причины для существованія „тайныхъ“ раскольниковъ. Происходитъ видимое быстрое распространеніе раскола, на которое жалуются православные пастыри. „Число раскольниковъ увеличилось—доносилъ въ 1859 г. Боровскій протоіерей Чертковъ,—къ этому способствуетъ: 1) уравненіе правъ купцовъ на постоянномъ и временномъ правѣ. Послѣдніе, какъ и первые, освобождены отъ подушной и рекрутской повинностей, а потому свидѣтельства о православіи сдѣлались средствами противъ раскола недѣйствительными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внушенія духовенства объ исполненіи христіанскихъ обязанностей исповѣди и св. причастія. Прежде купцы старались получить означенныя свидѣтельства мѣрами законными и не законными, а теперь получить и неполучить оныя считаютъ дѣломъ безразлич-

нымъ. Временные же купцы совершенно потеряны для церкви, такъ какъ прекращаютъ всякое общеніе съ причтомъ,—запираютъ отъ него ворота; 2) ограниченіе дѣйствій полиціи и духовенства по отношенію къ расколу Высочайшимъ повелѣніемъ 1858 г. и въ особенности превратное толкованіе сего повелѣнія. На основаніи сего повелѣнія раскольники проповѣдуютъ совершенную свободу въ обнаруженіи своихъ заблужденій и дѣйствительно ею пользуются. Такъ раскольническія сборища для богомолья бываютъ каждый воскресный и праздничный день во многихъ домахъ по наряду и въ особенности Иларіона Томилина, Хрисанфа Головтѣева, Петра Большакова и Шапошниковыхъ; духовенству же остается только молчать и скорбѣть, такъ какъ никто не принимаетъ на себя обязанностей свидѣтелей. Прежде потаенные раскольники вѣнчались, крестили и хоронили въ церкви, а теперь большею частью по раскольническому обряду. Текущаго мѣсяца съ 9 на 10-е полиція вознамѣрилась было остановить бракъ купеческаго сына Лазаря Глухарева съ раскольническою дѣвицею Капыриною, и за это двое полицейскихъ служителей, едва не поплатились жизнью, а бракъ повѣнчанъ въ гор. Боровскѣ по раскольническому обряду, но кѣмъ и въ чьемъ домѣ навѣрное неизвѣстно“ [1]).

Но болѣе гуманное отношеніе правительства къ раскольникамъ въ царствованіе императора Александра II съ другой стороны болѣе содѣйствовало православному духовенству въ его борьбѣ съ расколомъ. Дѣло въ томъ, что расколъ теперь не скрывается, его жизнь становится явною, а потому доступною для изученія православнаго духовенства, и если раскольники по прежнему не питаютъ расположенія къ православной церкви, по крайней мѣрѣ теперь, за рѣдкими исключеніями, не отворачиваются отъ духовенства, вліянію котораго они приписывали обыкновенно суровыя мѣры по отношенію къ нимъ правительства. Кромѣ того въ жизни самого раскола въ это время произошли важныя событія, которыя имѣли значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ раскола.

Раскольники Калужской епархіи, находясь въ постоянномъ общеніи съ главными центрами раскола въ государствѣ, были всегда въ курсѣ раскольническихъ событій и даже сами непосредственно принимали участіе въ волнующихъ старообрядческій міръ вопросахъ. А 50-е и въ особенности 60-е годы были особенно памят-

[1]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 375.

ны для русскихъ раскольниковъ, потому что въ это время слагалась австрійская іерархія. Мѣстные раскольники должны были стать въ то или другое отношеніе къ ней, и мы видимъ въ это время сильныя волненія среди раскольниковъ мѣстнаго края. Какъ ни заманчиво было для отщепенцевъ обзавестись своимъ священствомъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже видѣли, не всѣ сразу примкнули къ новоявившейся іерархіи. Очень многіе изъ фанатичныхъ лужковцевъ, противниковъ всякихъ нововведеній, сразу отказались отъ Амвросія и его священниковъ и рѣшили по прежнему пользоваться бѣглыми попами, которыхъ они теперь уже съ трудомъ начинаютъ добывать себѣ въ Москвѣ или ея окрестностяхъ. Но и изъ „тульскаго, или часовеннаго“ общества многіе недовѣрчиво отнеслись къ правильности поставленія Амвросія митрополитомъ и также отказались отъ его іерархіи, а по прежнему съ требами обращались въ Тулу къ проживающему тамъ еще бѣглому попу Павлу. *) Но большинство часовенныхъ сильно обрадовалось, что имъ теперь не будетъ нужды „окормляться бѣгствующимъ отъ господствующей церкви священствомъ“, а будутъ имѣть таковое свое и поспѣшило имъ обзавестись поскорѣе. Лишь только раскольники убѣдились, что время суровыхъ мѣръ миновало, они занялись и „австрійскимъ священствомъ“. Такъ мы видимъ, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ часовенные раскольники мѣстныхъ центровъ, какъ, наприм., калужскіе и боровскіе имѣютъ уже своихъ „австрійскихъ“ поповъ. Въ Калугѣ въ этой роли выступилъ московскій фабричный изъ крестьянъ о. Василій и діаконъ Кузьма изъ таковыхъ же, а въ Боровскѣ бывшій уставщикъ Максимъ Глазковъ, человѣкъ настолько безграмотный, что служилъ по подсказамъ, да Ѳеодоръ, до 40 лѣтъ сидѣвшій за станомъ, но понравившійся боровичамъ за умѣнье бойко читать и пѣть. Всѣ они признавали Антонія, или Андрея Ларіонова Шутова, архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ и всея Руси, а Софронія своимъ епископомъ. Софроній, епископъ калужскій личность изъ очень темныхъ. Онъ былъ урожденецъ калужской губерніи крестьянинъ изъ-подъ Боровска, въ мірѣ Стефанъ Трифоновъ Жировъ. Будучи женатымъ, при живой женѣ поставился во епископа; отъ

*) Лѣтъ 10 тому назадъ тульскіе и лужковцы соединились вмѣстѣ и теперь извѣстны или подъ именемъ лужковцевъ, или просто „непріемлющихъ австрійскаго священства“.

этого брака у него была дочь. До принятія сана Жировъ содержалъ въ Москвѣ постоялый дворъ, а потомъ исправлялъ должность дьячка при какомъ-то бѣломъ попѣ. Трезваго поведенія, но неимовѣрно корыстолюбивый и алчный до денегъ, онъ не отличался ни умомъ, ни начитанностью. Наживъ темными дѣлами много денегъ, онъ купилъ въ Бѣлой Криницѣ у не менѣе алчнаго митрополита Кирилла санъ епископа, но когда явился въ Москву, сильная партія раскольниковъ отвергла его. Тоже случилось въ другихъ мѣстахъ Россіи, куда ѣздилъ Софроній, именно въ Казани, Городцѣ, у Уральскихъ казаковъ; вездѣ, гдѣ ни являлся онъ, возникали двѣ партіи: одна признавала его, другая же отвергала, какъ незаконно поставленнаго. Онъ ѣздилъ по губерніямъ: Владимірской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Оренбургской, Самарской и Саратовской. Корыстолюбіе Софронія все болѣе и болѣе возрастая, лишило его у всѣхъ хорошаго мнѣнія, такъ что даже поставленные имъ попы перестали признавать его архіереемъ. Ему дали даже прозвище „австрійская квашня“ за его тучность. [1]) Но калужскіе раскольники были рады и такому епископу. Въ началѣ 60-хъ годовъ Софроній частенько навѣщалъ Боровскъ и собиралъ обильную жатву съ своихъ пасомыхъ. Страсть раскольниковъ имѣть свое священство вела иногда къ печальнымъ явленіямъ: находились люди, нахально эксплоатировавшіе эту страсть темной раскольнической массы и выдававшіе себя за священниковъ, поставленныхъ тѣмъ или другимъ епископомъ заочно. „Съ устройствомъ раскольнической іерархіи и съ размноженіемъ черезъ то раскольническихъ поповъ,—доносилъ преосвященному Григорію одинъ изъ уѣздныхъ протоіереевъ, расколъ размножается. Въ гласномъ обнаруженіи раскольнической іерархіи раскольники видятъ и другихъ не твердыхъ въ вѣрѣ, убѣждаютъ видѣть правоту своихъ вѣрованій, а раскольническіе попы, избранные изъ среды простаго народа, и доступнѣе дѣйствуютъ на простой народъ, и враждебнѣе относятся къ церкви, нежели бѣглые попы изъ духовенства. Послѣдніе—раскольники по неволѣ, по наружности; а первые по убѣжденію, въ душѣ; а потому ничто не претитъ имъ враждовать противъ церкви“ [2]) Но дешево пріобрѣтенный миръ не долго продолжался: изданное въ 1862 г. Окружное Посланіе какъ

---

[1]) Варадиновъ. Истор. Мин. Вн. Дѣлъ, VIII к стр 647—649.
[2]) Арх. Кал. Духов Конс. Дѣло № 421.

и вездѣ, произвело страшныя смуты и раздоры среди мѣстныхъ раскольниковъ, кончившіеся распаденіемъ ихъ на двѣ секты, окружниковъ и противоокружниковъ.

Окружное Посланіе, вызванное на свѣтъ фанатичными хулами изувѣровъ раскольниковъ, осудило порицателей честнаго имени Господа нашего Іисуса Христа, четвероконечнаго креста и совершаемой въ церкви Евхаристіи. Лучшая часть раскольническаго общества вполнѣ согласилась съ Посланіемъ, но не понравилось оно болѣе закоснѣлымъ и невѣжественнымъ раскольникамъ. Смуты изъ-за Окружнаго посланія прежде всего начались у насъ въ Боровскѣ, который находился всегда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Москвою, затѣйницей всѣхъ раскольническихъ исторій. Первоначально Окружное Посланіе было принято въ Боровскѣ съ неподдѣльною радостью и его раскупали на расхватъ въ рукописяхъ, привезенныхъ однимъ изъ большаковъ сторонникомъ Антонія Шутова. Но радость была непродолжительна. Скоро узнали боровичи, что гуслицкіе раскольники воспротивились принятію Окружнаго Посланія и что самъ митрополитъ Кириллъ издалъ увѣщательное посланіе къ раскольникамъ противъ него. Боровскіе раскольники раздѣлились на партіи. На сторону Антонія стало едва ли не большинство, но на сторонѣ Кирилла и сочуствующаго ему Софронія оказались за то болѣе богатые и вліятельные граждане города. Спорили, спорили, но ни на чемъ не рѣшили Чтобы положить конецъ смутѣ, въ 1864 г. положили составить соборъ, а такъ какъ во всемъ городѣ не нашлось среди раскольниковъ человѣка мало-мальски смыслящаго въ вопросахъ вѣры и символическихъ книгахъ, то пригласили изъ уѣзда начетчика. На соборъ явились представители обѣихъ партій. Первымъ заговорилъ приглашенный начетчикъ, но повелъ рѣчь въ пользу Посланія. Его поддержали попы, Максимъ и Ѳеодоръ; какъ поставленные Антоніемъ, они отказались проклинать того, котораго должны были поминать на эктеніяхъ всероссійскимъ архипастыремъ. Противники не выдержали. Разсуждать по существу они были не въ состояніи, а потому хотѣли взять силою и запугать прежде всего поповъ. Хозяинъ дома, въ которомъ происходилъ соборъ, рьяный противникъ посланія, подскакиваетъ къ Ѳеодору и, чуть не схвативъ его за бороду, кричитъ: „вотъ я тебѣ дамъ Антонія. Къ исправнику“! „За что же? отвѣчаетъ Ѳеодоръ, я съ паспортомъ“.—„За то, что ты отпустилъ поповскіе волосы“!— „Я остригу ихъ“, робко проговорилъ испугавшійся попъ. Такой

примѣръ воодушевилъ другаго большака, тоже изъ сторонниковъ Кирилла. „А ты что, говорилъ этотъ другой, обращаясь къ большаку, привезшему въ Боровскъ Посланіе. Вотъ мы на твоей лысинѣ сожжемъ твое послаше, а денежки, которыя ты собиралъ съ каждаго двора за богомерзкое Посланіе, отдай назадъ". Ни живъ ни мертвъ сидѣлъ Максимъ, ожидая и себѣ такого же древлеотеческаго суда. Но видно ради старости его не тронули; ему лишь подъ опасеніемъ отлученія отъ общества наказано было не поминать на ектеніяхъ Антонія. „Я пожалуй и совсѣмъ пойду въ мѣщане", пробормоталъ на это Максимъ [1]) Максимъ сдержалъ свое слово и не поминалъ Антонія на службѣ Напрасно послѣдній присылалъ уговаривать вышедшаго изъ повиновенія попа, но онъ стоялъ на своемъ, опираясь на своихъ богатыхъ покровителей. Ѳедоръ же не струсилъ и отъ угрозы исправникомъ и сталъ на сторонѣ защитниковъ Окружнаго посланія. Такъ боровскіе раскольники только что возникшаго новаго австрійскаго согласія распались на два толка: окружниковъ и противоокружниковъ По мѣрѣ того какъ усиливались раздоры среди окружническихъ и противоокружническихъ архіереевъ, и наши раскольники обособлялись болѣе и болѣе, пока непріязнь не превратилась въ непримиримую вражду.

Окружники стали собираться на моленія въ домѣ Большакова (эта моленная существуетъ и донынѣ и носитъ названіе собора. Въ 1872 г. она признана Окружнымъ Судомъ оффиціально законною). Первымъ попомъ въ этой моленной былъ нѣкто Ѳедоръ, крестьянинъ дер. Журавлихи, Можайскаго уѣзда, человѣкъ съ запятнанною репутаціею. Но одной моленной было мало для окружническаго общества, и часть его кочевала по разнымъ домамъ: Пашутина, Глухарева, Меренкова, пока въ 1880 г. окончательно ни обосновалось опять въ домѣ Пашутина.

22 мая 1896 г. два старообрядческихъ капиталиста—Ѳедоръ Ивановъ Шохинъ и Санинъ подали на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ между прочимъ, излагали, что старообрядствующее общество, пріемлющее священство и окружное посланіе, въ числѣ 5000 семействъ, не имѣютъ ни одного молитвеннаго общественнаго дома, а собираются на молитву въ частномъ, тѣсномъ и ветхомъ домѣ вслѣдствіе чего и просили Государя повелѣть соизволить раз-

[1]) Кал Еп. Вѣд. 1864 г., № 10.

рѣшить имъ устроить новый молитвенный домъ. Это прошеніе изъ Петербурга было препровождено въ калужское губернское правленіе, а послѣдняя переслана въ боровское полицейское управленіе для производства дознанія и, между прочимъ, о томъ имѣютъ ли просители отъ своихъ единовѣрцевъ довѣренность на Всеподданнѣйшее ходатайство и не было ли совращеній изъ православія въ секту просителей—раскольниковъ. Въ виду многихъ совращеній изъ православія въ расколъ въ секту окружниковъ просителямъ Шохину и Санину въ построеніи новой моленной было отказано. Послѣ этого раскольники пошли другимъ путемъ; подали прошеніе Губернскому Начальству, но уже не объ устройствѣ новой моленной, а о перенесеніи прежней Пашутинской на новое мѣсто за городъ и на огородъ не въ чертѣ улицы. Въ этомъ своемъ прошеніи раскольники уже не говорятъ того, что ихъ 5000 семействъ, какъ они писали на Высочайшее имя, а говорятъ, что ихъ 5000 душъ, т. е. разъ въ 5—6 уменьшили число своихъ единовѣрцевъ. Калужское духовное начальство, на запросъ губернскаго правленія по этому вопросу, отвѣтило въ утвердительномъ смыслѣ, именно разрѣшило раскольникамъ перенести прежнюю, Пашутинскую моленную, но такъ, чтобы ничего новаго въ этой моленной не было, и что бы она была во всемъ похожей на старую, и чтобы никакихъ соблазновъ для православныхъ не было; но раскольники, воспользовавшись разрѣшеніемъ, воздвигли совершенно новую каменную моленную на одной изъ главныхъ улицъ города (Успенской). [1])

Еще болѣе мытарства претерпѣло противоокружническое общество. Прежде всего неокружники не имѣли у себя надлежащей моленной, и служба ихъ кочевала по различнымъ мѣстамъ: то они молились у Головтѣевыхъ, то у Томилиныхъ, то въ домахъ другихъ богатыхъ людей, пока наконецъ не основались въ домѣ Капырина Поправили было они свою бѣду и съ отправленіемъ церковной службы. Въ помочь Максиму, который никакъ не могъ выучиться служить обѣдню, Софроній Жировъ поставилъ было ему другаго попа, Томилинскаго работника, Ивана Ермилова Слемзина. Пошла было служба лучше: Иванъ умѣлъ и обѣдню служить, но въ тотъ же годъ (1871) умеръ отъ холеры. Надъ осиротѣвшимъ обществомъ сжалился Карпъ Глухаревъ и уступилъ ему въ попы

[1]) Отъ Брат. преп. Пафнутія за 1896—1898 г.г., стр. 55—58.

своего работника Ивана Потапова Щедрина. Но не успѣлъ Иванъ и десяти обѣденъ отслужить, какъ опять невзгода: по представленію церковной власти моленную запечатала полиція, а затѣмъ въ 1872 г. Окружный Судъ совсѣмъ закрылъ ее. Тогда богатый раскольникъ Ждановъ устроилъ подъ видомъ амбара для ссыпки овса моленную, которая сначала существовала тайно, а въ концѣ концовъ раскольники съумѣли достать разрѣшеніе на открытое ея существованіе, и въ ней до сихъ поръ попъ Иванъ Потаповъ отправляетъ службы [1]).

Боровскіе раскольники, не смотря на всѣ невзгоды, какія имъ пришлось претерпѣть, тѣмъ не менѣе не падали духомъ, и хотя трудно имъ приходилось по временамъ отъ недостатка тѣхъ же мало-мальски сносныхъ поповъ, но они мечтали уже о пріобрѣтеніи своихъ архіереевъ, къ чему и дѣлали попытки. Первыми обзавелись своимъ архіереемъ противоокружники. Они привезли въ 80-хъ годахъ изъ Москвы архіерея Тарасія, но онъ не долго архіерействовалъ, потому что его выжилъ изъ города попъ Иванъ Потаповъ, ощутившій съ пріѣздомъ лжеепископа сильное уменьшеніе доходовъ Прибывшій Тарасій сталъ служить обѣдни, да отправлять сорокоусты у себя въ кели, а доходами пользоваться единолично. Не понравилось это скупому попу Ивану Потапову, и онъ сильно было закручинился: Но на выручку „Потапычу“ (такъ обычно зовутъ заглазно сами противоокружники своего попа) явилась жена его, матушка Аксинья; она дурными слухами такъ переплела новоприбывшаго владыку съ вліятельной малинницей, инокиней Минодорой, что прихожане стыдились встрѣчаться съ героемъ и героиней романа Тарасій запретилъ было Потапыча въ священнослуженіи, но тотъ не испугался своего архіерея: заперъ моленную, взялъ себѣ ключи и пересталъ архіерея пускать туда. „Ты не архіерей, при встрѣчахъ говорилъ ему Потапычъ, а блудникъ“! Искушеніе было велико, а потому старцы собрались на соборъ и рѣшили отпустить Тарасія изъ города [2]).

Окружники въ противовѣсъ неокружникамъ достали себѣ архіерея Ѳеодосія. Этотъ Ѳеодосій былъ никто иной, какъ бывшій окружиический попъ Боровскій Оедоръ. Антоній Московскій (Шутовъ) любилъ Ѳедора съ одной стороны потому, что тотъ остался

---

[1]) Тамъ же, стр. 40—41 и 51.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

вѣренъ ему, а съ другой за то, что Ѳедоръ, именуясь окружникомъ, сходился съ Антоніемъ въ своей преданности мнимой вѣрѣ, мудрствуя въ духѣ раздорниковъ (противоокружниковъ). Антоній предложилъ своему любимцу принять иноческое постриженіе въ Чернобольскомъ монастырѣ, обѣщая черезъ короткое время произвесть его въ епископы. Ѳедоръ исполнилъ желаніе „владыки“ и постригся съ именемъ Ѳеодосія. Скоро въ Боровскѣ пронеслась молва, что бывшій попъ Ѳедоръ, а нынѣ инокъ Ѳеодосій прибылъ въ Москву и готовится къ посвященію, что не мало нѣкоторыхъ удивило Антоній хотѣлъ рукоположить Ѳеодосія въ епископа войска Донскаго, но самому Ѳеодосію очень хотѣлось основать себѣ каѳедру въ Боровскѣ, гдѣ онъ столько лѣтъ поповствовалъ. Имѣя здѣсь друзей и знакомыхъ, онъ разсчитывалъ черезъ нихъ достигнуть своей цѣли. Въ числѣ этихъ друзей его самымъ главнымъ былъ Егоръ Сергѣевъ Тѣняевъ, извѣстный въ Боровскѣ начетчикъ и борецъ за мнимо-древнее благочестіе. Ѳеодосій началъ дѣйствовать черезъ Егора Сергѣевича. Послѣдній въ союзѣ съ вліятельными „малинницами“, Дарьей Бурушкиной и Пелагеей Панфиловой, взялись расположить боровскихъ окружниковъ къ открытію въ городѣ архіерейской каѳедры. Долго раскольники не соглашались, смущаясь больше всего тѣмъ, во что можетъ обойтись имъ свой „владыка“, но Тѣняевъ успокаивалъ на этотъ счетъ соображеніемъ, что Ѳеодосій, намѣченный имъ въ епископа, можетъ-де топоромъ и шильцемъ еще и самъ прокормить себя (Ѳеодосій раньше занимался столярною и шорною работою). Наконецъ всѣми правдами и неправдами Тѣняевъ собралъ нѣсколько подписей въ пользу открытія архіерейской каѳедры въ Боровскѣ и отправился отъ лица раскольниковъ своего толка просить Антонія облагодѣтельствовать Боровскъ - посвятить имъ Ѳеодосія во епископа Вотъ какъ очевидецъ, бывшій старообрядецъ М К. Чичкинъ, описываетъ прибытіе и первое служеніе Ѳеодосія въ Боровскѣ.

Ѳеодосій не замедлилъ прибыть на свою, вновь открытую архіерейскую каѳедру. Друзьямъ и почитателямъ его хотѣлось поскорѣе устроить торжественное архіерейское служеніе. Оповѣщено было всѣмъ старообрядцамъ, что въ такой-то день владыка въ полномъ архіерейскомъ облаченіи будетъ совершать литургію въ Большаковской моленной. Хотя Ѳеодосій уже не разъ по пріѣздѣ своемъ въ Боровскъ совершалъ разныя службы—вечерню, всенощную, часы; но служилъ безъ всякой торжественности. Те-

перь же боровскимъ старообрядцамъ захотѣлось видѣть своего владыку во всемъ величіи архіерейскаго служенія. Между тѣмъ малинницы узнали, что Ѳеодосій не имѣетъ митры, и сильно возскорбѣли —„Какъ же это, владыко святый,—говорила ему Дарья Бурушкина,—митры-то нѣтъ? Вѣдь безъ митры неприглядно будетъ“!—„Что-жъ митра.. и безъ митры отслужимъ!—отвѣтилъ Ѳеодосій. Въ самыя древнія времена митръ этихъ и не было. Вонъ, погляди-ко на образѣ, Василій Великій безъ митры стоитъ“.—„Ужъ вы тамъ, какъ хотите, а митру вамъ необходимо слѣдуетъ“ —„Да гдѣ же ее возмешь-то? Вѣдь это не какая нибудь шапка, не въ каждой лавкѣ продаютъ Я спрашивалъ въ Москвѣ, думалъ какую нибудь дешевенькую купить; да ихъ не продаютъ; заказать надо Оно правда, есть митры, да никоніанскія, для насъ древлеправославныхъ не годятся Дѣлать нечего... обойдемся, покамѣстъ, безъ митры“ —„Вотъ что, владыко святый,—сказала Бурушкина: вы благословите насъ соорудить для васъ митру“!—„Ну что-жъ съ вами дѣлать Богъ благословитъ!—шейте, если ужъ такъ хочется!“ съ улыбкой отвѣтилъ Ѳеодосій. Бурушкина оповѣстила другихъ читалокъ, и всѣ изъявили желаніе участвовать въ сооруженіи архіерейской митры для Ѳеодосія. Стали прежде всего разсуждать: какого цвѣта должна быть митра? Одна говорила: „надо черную сшить“!—„Зачѣмъ черную? Въ монастырѣ чтоль владыка то живетъ? Вѣдь онъ нашъ, мірской, надо какую нибудь покрасивѣй“, сказала другая. Общимъ совѣтомъ порѣшили соорудить митру изъ темно-краснаго бархата Купили бархатъ; но тутъ явилось важное затрудненіе: какъ устроить митру, чтобъ она имѣла надлежащую форму? Долго читалки соображали, какъ помочь этому горю, и наконецъ ухитрились какъ-то сдѣлать основаніе митры изъ тонкой проволоки. Теперь явилась забота объ украшеніяхъ. „А какъ же насчетъ образовъ-то“? сказала одна старая читалка. „Какихъ образовъ“? спросили другія. „Да вѣдь на митрѣ-то должны быть со всѣхъ четырехъ сторонъ образа Я сама видѣла у владыки—Антонія четыре образочка на митрѣ“. Образовъ не оказалось. Но Бурушкина нашлась, какъ выйти изъ затрудненія. „Вотъ что, сказала она, у меня есть складни мѣдные, Деисусъ; развинтимъ ихъ: вотъ вамъ и есть три образка. А четвертый-то какой нибудь найдемъ“ Рѣшили однако спросить самого Ѳеодосія, не велитъ ли онъ, вмѣсто образковъ, вышить на митрѣ желтымъ шелкомъ кресты осьмиконечные? Онъ разрѣшилъ вышить кресты. Когда работа

совсѣмъ была кончена, читалки, подъ предводительствомъ Бурушкиной, отправились къ Ѳеодосію, бережно неся устроенную ими митру. Ѳеодосій благосклонно принялъ ее, подошелъ къ зеркалу и сталъ примѣривать Митра пришлась по главѣ, только не много кривобока Ѳеодосій сталъ поправлять,—и еще больше скосилъ! „Ничего, сойдетъ!—сказалъ онъ Богъ дастъ новой обзаведемся, а пока въ этой послужимъ.“ Читалки же пришли въ совершенное умиленіе и непрестанно падали въ ноги Ѳеодосію, прося его благословенія Насталъ и день торжественнаго архіерейскаго Богослуженія. Въ часовню Большакова собралось множество народа; явился и Ѳеодосій. Тутъ кто то изъ его почитателей вспомнилъ, что для архіерея нужна каѳедра. Гдѣ было ее взять? Одинъ изъ купцевъ распорядился принести большой ящикъ изъ подъ какого то товара: этотъ ящикъ установили противъ царскихъ вратъ раскинутой полотняной церкви, накрыли ковромъ, и на него поставили сверху табуретку. Ѳеодосій взошелъ на эту „каѳедру“ и усѣлся съ жезломъ въ рукѣ Недалеко отъ него поставленъ былъ аналоій, на которомъ чтецъ сталъ читать часы. Со всѣхъ сторонъ окружали Ѳеодосія читалки,—то омофоръ поправляли, то пуговки на ризѣ застегивали, считая за величайшее счастіе чѣмъ-либо услужить „владыкѣ“. Ѳеодосій, по привычкѣ, или желая показать своимъ врагамъ, что онъ не безграмотный, какъ они говорятъ о немъ, непрестанно дѣлалъ замѣчанія чтецу и поправлялъ его ошибки. При этомъ онъ все привставалъ немного съ табуретки и незамѣтно подвигалъ ее назадъ. Такъ какъ „каѳедра“ имѣла весьма незначительную площадку, то наконецъ табуретъ сдвинулся къ самому краю. Въ концѣ шестаго часа чтецъ сдѣлалъ какую то значительную ошибку. Ѳеодосій вскочилъ, сдѣлалъ выговоръ неумѣлому чтецу и, быстро опускаясь на табуретъ, сдвинулъ его Съ табуретомъ и самъ древлеправославный епископъ полетѣлъ стремглавъ на полъ... Народъ ахнулъ, у чтеца замеръ голосъ, читалки зарыдали и завопили.. Ѳеодосій долго барахтался, путаясь въ своихъ ризахъ и въ длинныхъ платьяхъ окружавшихъ его малинницъ. Когда Ѳеодосія наконецъ подняли и надѣли на него измятую митру, онъ разразился на всѣхъ предстоящихъ укоризнами и бранью. Ящикъ немедленно вынесли, оставили одну табуретку, на которой и возсѣлъ паки Ѳеодосій. Чтецъ продолжалъ чтеніе девятаго часа, и больше не получалъ уже замѣчаній: Ѳеодосій сидѣлъ нахмурив-

шись, что-то ворча себѣ подъ носъ. Такъ неудачно было его первое торжественное служеніе въ Боровскѣ.. [1])

Почти одновременно съ боровскими начались смуты изъ-за Окружнаго Посланія въ Калугѣ и тянувшейся къ ней южной части губерніи. Въ Калугѣ Окружнымъ Посланіемъ ловко воспользовались нѣкоторые раскольники изъ часовеннаго общества, чтобы оторвавши отъ него часть, стать во главѣ отдѣлившихся и хозяйничать среди нихъ безъ всякаго контроля. Однимъ изъ такихъ и самымъ главнымъ былъ Калужскій мѣщанинъ Костинъ. Не задолго до изданія самаго Посланія совратившійся въ расколъ, онъ, чтобы пріобрѣсть среди раскольниковъ вліяніе, вездѣ старался кричать о своемъ усердіи къ древлему благочестію, а изданное Посланіе дало возможность заявить ему свой фанатизмъ и увлечь за собою значительную часть часовеннаго общества. На его сторону перешелъ и попъ Василій съ дьякономъ Козьмою, но первый принесъ покаянную, когда Антоній запретилъ ему служеніе, и когда часовенное общество, не смотря на увѣренія Костина, что запрещеніе ересиковъ ничего не значитъ, отшатнулось отъ него впредь до снятія съ него запрещенія. Тогда Костинъ обзавелся другимъ попомъ и устроилъ неокружникамъ моленную въ своемъ домѣ, сдѣлавъ ее источникомъ дохода и наживы.

Часовенцы выбились изъ силъ, доказывая Костину всю пагубность затѣяннаго имъ раздора, и для умиротворенія общества вызвали изъ Москвы около 1866 г. самаго архіепископа Московскаго Антонія Шутова на помѣстный соборъ. „Владыка“ прибылъ въ Калугу съ извѣстнымъ своимъ сподвижникомъ Семеномъ Семеновымъ. Напрасно послѣдній расточалъ краснорѣчіе, желая убѣдить Костина съ его поклонниками возвратиться въ часовню,— ничто не имѣло успѣха, и раздѣленіе состоялось. Но тѣже смуты изъ-за Окружнаго Посланія имѣли своимъ послѣдствіемъ въ Калугѣ и то, что нѣкоторые изъ принявшихъ австрійское священство отказались отъ него и попрежнему стали обращаться къ бѣглымъ попамъ. Въ 1865 г. въ Калугу пришло изъ Москвы посланіе, написанное кѣмъ-то по поводу предсмертныхъ грамотъ митр. Амвросія отъ 28 октября 1863 г., въ которыхъ онъ произнесъ проклятіе надъ всѣми, кои будутъ дѣлать церковное возмущеніе и отвергать Окружное Посланіе. Московское посланіе, между прочимъ, повѣ-

[1]) М. К. Чичкинъ. Воспоминанія о жизни въ расколѣ. Москва 1885 г., стр 59—61.

ствовало, что хотя первоначальникъ старообрядческой іерархіи, митр. Амвросій, и произнесъ грозное проклятіе на противниковъ Окружнаго Посланія, но покойный митрополитъ отъ престола былъ удаленъ, да и въ городѣ Эносѣ, гдѣ онъ родился, по клятвенному свидѣтельству старовѣровъ, бывшихъ и жительствовавшихъ тамъ, „іереи погружаютъ младенцевъ до плеча трижды, а потомъ изъ той же купели обливаютъ ихъ правою рукою, а иные совершенно обливаютъ безъ погруженія. Слѣдовательно, Амвросій крещенъ по мѣстнымъ обрядамъ, т. е. обливаніемъ, а не погруженіемъ и потому предъ церковью старовѣрія онъ еретикъ, а проклятіе еретика не можетъ имѣть дѣйствительной силы". Посланіе было написано, очевидно, кѣмъ-либо изъ противоокружниковъ и въ защиту митр. Кирилла, но не далекій авторъ упустилъ изъ виду то простое соображеніе, что если Амвросій обливанецъ, и потому проклятіе его не имѣетъ никакой силы, то и санъ самого Кирилла, противника Окружнаго посланія, и вообще всѣхъ происшедшихъ отъ Кирилла архіереевъ и поповъ не долженъ имѣть никакого значенія, такъ какъ Кириллъ былъ поставленъ во епископа еретикомъ-обливанцемъ. Нашлись изъ Калужскихъ раскольниковъ, пріемлющихъ священство, такіе, которые сдѣлали прямой выводъ изъ содержанія посланія, а потому отреклись вовсе отъ амвросіевскаго священства и рѣшились снова прибѣгать къ бѣглымъ попамъ [1]). Въ настоящее время противоокружники имѣютъ двѣ моленныхъ: одна помѣщается на Никитской улицѣ въ домѣ Костина, а другая около Московскихъ воротъ въ прежнемъ пивоваренномъ заводѣ купцевъ Астрѣевыхъ. Окружническая моленная находится въ „Кожевняхъ", она выстроена въ видѣ часовни-церкви, увѣнчанной восьмиконечнымъ крестомъ Вслѣдъ за Боровскомъ и Калугою начались смуты изъ за Окружнаго Посланія и дробленіе на окружниковъ и противоокружниковъ и въ другихъ мѣстахъ епархіи.

Повидимому раскольники Калужской епархіи должны были сильнѣе окрѣпнуть съ пріобрѣтеніемъ своего „священства", но на самомъ дѣлѣ этого не случилось: австрійская іерархія несла имъ собою противное тому, чего они ожидали отъ нея. Самое появленіе ея уже вызвало раздѣленіе среди раскольниковъ, а затѣмъ— тѣ споры, которые возникли среди раскольнической іерархіи изъ-за Окружнаго Посланія, произвели дальнѣйшее дробленіе австрійскаго

[1]) Кал. Еп. Вѣд. 1869 г. №№ 1 и 2

общества. Такимъ образомъ изъ бывшаго одного „часовеннаго общества“ образовалось цѣлыхъ три: непріемлющихъ австрійское священство, окружниковъ и противоокружниковъ. Это раздѣленіе раскольниковъ было не безполезно для церкви. Колеблющіеся теперь увидѣли, что въ расколѣ не все имѣетъ основаніе законности, чѣмъ такъ кичатся обыкновенно раскольники, да и сами они уже болѣе критически стали относиться къ вопросамъ вѣры, взвѣшивать всѣ раскольническія затѣи съ точки зрѣнія каноничности, а это породило среди нихъ потребность мысли, отъ чего такъ упорно отказывался ихъ невѣжественный умъ „Неурядица въ расколѣ,—доносилъ преосвященному Григорію одинъ изъ православныхъ священниковъ епархіи, не безполезна для православія. Въ ней православные находятъ оружіе противъ неправоты раскола. Раскольникамъ приходится нерѣдко затрудняться отвѣтами на вопросы православныхъ: чья лучше вѣра: Кирилловцевъ, Антоніевцевъ, Павловцевъ, Лужковцевъ? [1]) Но можетъ быть новоявленная раскольническая іерархія имѣла нравственное воздѣйствіе на свою паству и способствовала усиленію фанатизма среди раскольниковъ? Нѣтъ, этого отнюдь не было. Попы у раскольниковъ калужской епархіи были и есть люди невѣжественные, для которыхъ служеніе ремесло, и въ вопросахъ вѣры ничего не смыслящіе. Вотъ почему раскольническое „священство“ всегда было безличнымъ, и всѣ раскольническіе попы ничто иное, какъ прислужники у попечителей моленныхъ, которые ими распоряжаются по своему усмотрѣнію: обругать публично при богослуженіи, а то такъ и просто прибить попа въ алтарѣ-же—явленія обычныя, и попъ все терпитъ, потому что ему жаловаться некому: его архіерей въ свою очередь рабъ всѣхъ капиталистовъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что попы раскольническіе не въ состояніи были удержать свою паству отъ вліянія на нее духа времени: почти одновременно съ учрежденіемъ іерархіи раскольники, особенно молодежь, въ образѣ жизни ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ, и у нихъ чай, сахаръ, сюртукъ, жилетъ, табакъ входятъ въ употребленіе, а еще такъ недавно всѣ эти „новшества“ отождествлялись съ сущностью вѣры, и изъ-за нихъ кололось раскольническое общество. Но этого мало. Лучшіе и мыслящіе изъ старообрядцевъ не могли не замѣтить въ своихъ единовѣрцахъ легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ вѣры, ска-

[1]) Арх. Кал Дух. Конс. Дѣло № 364.

завшагося въ подчиненіи всякому случайному авторитету безъ оцѣнки его достоинства. Переходы изъ одной секты въ другую, совершавшіеся большею частію случайно, вражда между различными толками и глумленія однихъ надъ другими—все это раскрыло глаза начинавшимъ вдумываться раскольникамъ на положеніе вещей и заставило обращать свои взоры въ сторону православной церкви, отъ которой они упорно отворачивались до сихъ поръ. Вотъ почему съ появленіемъ австрійской іерархіи и особенно съ возникновеніемъ окружническихъ споровъ, когда безобразія среди австрійской іерархіи и въ ея паствѣ достигли наивысшаго предѣла, начинаются случаи обращенія въ православную церковь и притомъ лицъ не заурядныхъ, а пользовавшихся уваженіемъ среди мѣстныхъ раскольниковъ, а иногда даже общею извѣстностью. Первымъ изъ таковыхъ былъ Михаилъ Савельевичъ Дударевъ, раскольникъ изъ дер. Дворцовъ. Воспитанный въ строго раскольническомъ духѣ, душею преданный расколу, онъ съ юныхъ лѣтъ выдѣляется среди своихъ односельчанъ и ему поручается послѣдними проходить должность уставщика, совершать службы и священнодѣйствовать. Вліяніе молодого начитаннаго уставщика было такъ велико, что онъ совратилъ въ расколъ массу православныхъ. Но, будучи свидѣтелемъ тѣхъ безчинствъ, какими сопровождалась у окрестныхъ раскольниковъ появленіе и распространеніе секты лужковской, а затѣмъ и новаго австрійскаго священства, видя около себя непроглядную тьму невѣжества, царившаго не только въ головахъ близкихъ ему единовѣрцевъ, но и руководителей раскольнической массы, онъ, какъ человѣкъ недюжиннаго ума и искренній искатель истины, не могъ не получить отвращенія отъ раскола. Углубившись въ чтеніе раскольническихъ символическихъ книгъ и полемическихъ противораскольническихъ, онъ позналъ истину, хранимую св. православною церковью и безъ долгихъ колебаній сталъ ея преданнымъ сыномъ, принявъ православіе въ 1863 г. За Михаиломъ Савельевичемъ послѣдовали и его семейные, изъ которыхъ мать его прежде была, подобно сыну, фанатичной раскольницей и вліятельной среди односельчанъ. Нѣсколько позднѣе, именно въ 1865 г. обратился изъ раскола въ православіе крестьянинъ дер. Фролова Михаилъ Егоровичъ Кожевниковъ, лицо, пользовавшееся уваженіемъ не только мѣстныхъ раскольниковъ, но и со стороны самихъ представителей австрійской іерархіи, съ которыми онъ былъ лично близко знакомъ. Послѣд-

ніе болѣе всего и способствовали его обращенію въ православіе. Часто бывая въ Москвѣ, Михаилъ Егоровичъ во очію убѣдился, что всѣ эти лжеепископы въ родѣ Антонія, Кирилла, Софронія и т. д. люди невѣжественные, въ вопросахъ вѣры ничего не смыслившіе и на свою паству никакого вліянія не имѣвшіе; властолюбіе, а больше всего алчность до денегъ и наживы были единственными мотивами ихъ дѣятельности. Это рѣшило судьбу Кожевникова, и онъ сталъ православнымъ *). Обращеніе этихъ двухъ личностей произвело огромное впечатлѣніе на раскольниковъ епархіи, и подъ вліяніемъ бесѣдъ обратившихся стали возвращаться многіе изъ раскольниковъ въ лоно православной церкви

Теперь было особенно удобно выступать на борьбу съ расколомъ духовной миссіи. Поначалу пастыри епархіи боролись съ расколомъ каждый въ одиночку, пока не открыты были противораскольническія братства, соединившія разрозненныя силы для общей борьбы.

Мысль объ открытіи братства въ Калугѣ принадлежитъ бывшему Ректору Калужской Духовной Семинаріи, о архимандриту Мисаилу, нынѣ преосвященному Могилевскому. Долго служившій до своего назначенія въ Калугу въ Саратовѣ, состоявшій членомъ Совѣта тамошняго братства Св. Креста и не малое число лѣтъ занимавшійся веденіемъ церковно-публичныхъ бесѣдъ съ мнимыми старообрядцами, а потому довольно опытный по дѣлямъ русскаго раскола, о Мисаилъ рѣшился, въ видѣ опыта, открыть такія же бесѣды о предметахъ вѣры въ новомъ мѣстѣ своего служенія. Открытыя 1 октября 1878 г. въ семинарской церкви эти бесѣды имѣли выдающійся успѣхъ среди православныхъ и раскольниковъ. Это обстоятельство побудило о. собесѣдника упрочить бесѣды, а лучшимъ средствомъ для этого представлялось ему учрежденіе братства. Мысль о немъ встрѣтила дѣятельное сочувствіе со стороны духовенства епархіи, свѣтскаго общества и особенно преосвященнаго Григорія, который 6 февраля 1879 г. утвердилъ выработанный о. Ректоромъ и членами-учредителями уставъ братства Св. Ап. Іоанна Богослова, а 25 февраля торжественно открылъ его. Совѣтъ братства (предсѣдатель о. архим. Мисаилъ, товарищи его. тогда членъ, нынѣ Товарищъ Предсѣдателя Окружнаго Суда д. с. с.

---

*) М. Е Кожевниковъ построилъ въ своей деревнѣ каменную церковь и до конца своей жизни былъ усерднѣйшимъ посѣтителемъ ея.

В. И. Станкевичъ и инспекторъ Семинаріи, нынѣ протоіерей и ректоръ ея Д. Е. Лужецкій, члены Совѣта: каѳедральный протоіерей А. М. Колыбелинъ, вдова полковника С. А Загряжская, княгиня С. А. Трубецкая, протоіерей Калужской Предтеченской церкви І. Д. Любимовъ, Уѣздный Предводитель Дворянства, а нынѣ Калужскій Губернскій Н. С. Яновскій, преподаватель Семинаріи П. И. Никольскій, В. В. Сперанская, управляющій Калужскою Контрольною Палатою Ѳ. Н. Щегловъ и Е. С. Унковская), желая поставить борьбу съ расколомъ на твердую почву, въ первомъ же по открытіи братства своемъ засѣданіи постановилъ ходатайствовать предъ преосвященнымъ объ открытіи на средства братства особой каѳедры при Калужской Семинаріи по русскому расколу для приготовленія будущихъ пастырей церкви къ борьбѣ съ мѣстнымъ расколомъ, каковая и была открыта для учениковъ VI класса съ $18^{79}/_{80}$ учебнаго года. Далѣе Совѣтъ озаботился пріобрѣтеніемъ книгъ какъ старопечатныхъ, необходимыхъ для борьбы съ расколомъ, такъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія для продажи желающимъ, а черезъ два мѣсяца начала существованія братства уже нашелъ возможнымъ открыть на средства братства школу для бѣднѣйшихъ мальчиковъ гор. Калуги. Преосвященный Григорій предложилъ безмездно братству для школы нижній этажъ обширнаго дома, находящагося въ Крестовскомъ монастырѣ, а устройство и дальнѣйшія заботы объ ней взялъ на себя членъ Совѣта, князь Н. П. Трубецкой, тогдашній Калужскій вице-губернаторъ. Такимъ образомъ въ первый же годъ своего существованія братство намѣтило тотъ благотворный путь, по которому оно намѣрено пойти, и общество вполнѣ оцѣнило его труды, такъ какъ къ концу года братство насчитывало въ своихъ рядахъ 15 пожизненныхъ 200 дѣйствительныхъ и 132 члена соревнователей, располагая капиталомъ въ 3003 руб. 8 коп. За перемѣщеніемъ архим. Мисаила въ Тифлисскую семинарію въ декабрѣ 1879 г. предсѣдательство принялъ на себя прибывшій на его мѣсто ректоръ Семинаріи, архим. Авраамій, а товарищемъ предсѣдателя на мѣсто отказавшагося отъ этой должности В. И. Станкевича былъ избранъ кн. Н. П. Трубецкой, который, съ назначеніемъ въ 1880 году архим. Авраамія викарнымъ епископомъ Рязанской епархіи, занялъ должность предсѣдателя братства и проходилъ эту должность до 1887 г., когда онъ назначенъ былъ въ Москву. Его мѣсто занялъ по избраніи предсѣдатель губернской земской управы Г В. Мещериновъ,

а со смертію его въ 1890 г. д. с. с Вл. Ст. Сорокинъ, проходившій эту должность до своей кончины въ 1898 г., послѣ смерти котораго предсѣдателемъ былъ избранъ В. И. Станкевичъ.

Дѣятельность братства за все время своего существованія выразилась прежде всего въ веденіи публичныхъ церковныхъ собесѣдованій съ раскольниками. Таковыя прежде всего велись въ Семинарской Іоанно-Богословской церкви наставниками Семинаріи С. М. Марковымъ, П. Г. Воскресенскимъ, П. П. Добромысловымъ и М. П. Чельцовымъ при участіи миссіонеровъ братства, священниковъ Калужской Благовѣщенской церкви В. А Смирнова, Пятницкой кладбищенской А. В. Никольскаго, епархіальнаго миссіонера М. С. Дударева и при участіи воспитанниковъ VI класса Семинаріи. Подобныя же бесѣды велись и въ учрежденныхъ въ 1892 г. братствомъ отдѣленіяхъ, каковыя были братствомъ учреждены: въ Калужскомъ уѣздѣ—въ с. Тихоновѣ, въ Медынскомъ уѣздѣ—въ селахъ: Полотняномъ Заводѣ, Шанскомъ заводѣ, Орѣховнѣ, Пречистомъ и Кремейскомъ, въ Мещовскомъ уѣздѣ—въ селахъ: Щелкановѣ и Подкопаевѣ, въ Мосальскомъ уѣздѣ—въ селахъ: Стрѣльнѣ, Ивонинѣ и Чертени, въ Козельскомъ уѣздѣ—въ городахъ. Козельскѣ и Сухиничахъ и въ с. Костешовѣ, въ Жиздринскомъ уѣздѣ—въ селахъ: Брыни, Кондрыкинѣ, Колодезцахъ и Плохинѣ; въ Перемышльскомъ уѣздѣ—въ городахъ: Перемышлѣ и Воротынскѣ. Бесѣды велись не только въ означенныхъ пунктахъ, но и вообще въ раіонахъ этихъ отдѣленій, такъ что можно сказать, что раскольники семи уѣздовъ, находящихся въ вѣдѣніи братства, имѣютъ возможность присутствовать на собесѣдованіяхъ братскихъ миссіонеровъ. Собдсѣдованія съ раскольниками дали ощутительный результатъ, выразившійся въ количествѣ 410 обращенныхъ въ лоно православной церкви только въ первое десятилѣтіе братства, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались вліяніемъ въ раскольническомъ мірѣ. Но бесѣды кромѣ того имѣли и другое плодотворное значеніе. Благодаря многолѣтней дѣятельности братства, старообрядчество теперь не представляетъ такой сильной, сплоченной и убѣжденной массы, какою оно было прежде. Теперь оно поддерживается и, можно сказать, живетъ по преимуществу фанатизмомъ начетчиковъ и стариковъ, ихъ враждой къ православной церкви. Поэтому отъ степени авторитетности и уваженія послѣднихъ среди ихъ односельчанъ зависитъ стойкость и сила старообрядчества. О молодомъ же поколѣніи, не обинуясь, можно сказать, что оно въ большинствѣ равнодушно

также къ старообрядчеству, какъ и къ православію, и остается въ первомъ главнымъ образомъ изъ нежеланія нарушить завѣты отцовъ, по привычкѣ. Отсюда понятно, что гдѣ авторитетъ начетчиковъ и главарей старообрядчества подорванъ бесѣдами православныхъ, тамъ и у старообрядцевъ начинаетъ замѣчаться стремленіе къ сближенію съ православной церковію Такъ по сообщенію Полотняно-Заводскаго отдѣленія: мѣстные старообрядцы съ усердіемъ принимаютъ къ себѣ въ дома Царицу Небесную, во время служенія молебна молятся и лобызаютъ ее". А въ селѣ Тихоновѣ, Калужскаго уѣзда, старообрядцы сами „приглашаютъ церковный причтъ заходить къ нимъ, такъ что наприм. въ праздникъ Пасхи священникъ Смирновъ посѣтилъ всѣхъ старообрядцевъ въ дер. Ново-Скаковской и Камельгинѣ". Съ удовольствіемъ отмѣчая фактъ сближенія старообрядцевъ съ православными, нельзя не порадоваться ему и потому, главнымъ образомъ, что эти посѣщенія священниками домовъ старообрядцевъ суть лучшія средства для вразумленія и наученія лучшихъ изъ старообрядцевъ въ частныхъ бесѣдахъ съ ними. „У себя дома, замѣчаетъ священникъ села Тихонова, старообрядецъ не стѣсняется и свободно говоритъ съ священникомъ о вопросахъ вѣры и въ этихъ бесѣдахъ совершенно съ другимъ настроеніемъ слушаетъ священника, чѣмъ на публичный бесѣдѣ Онъ не озлобляется, какъ тамъ, гдѣ публично его обличаютъ, и часто не сдыдится признаться въ своей несостоятельности". Въ силу этого нежеланія остаться безотвѣтными на публичной бесѣдѣ, а чрезъ это, возможно, и потерять авторитетъ начетчика среди старообрядцевъ, на публичныя бесѣды начетчики стараются не ходить или по крайней мѣрѣ не возражать на ихъ, а молчать. Объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ всѣ отчеты отдѣленій братства. А если начетчики и выступаютъ иногда и на публичныхъ бесѣдахъ, то въ большинствѣ случаевъ—любители пошумѣть, люди неразвитые, фанатичные и безтолковые. Солидныхъ, умныхъ и разсудительныхъ начетчиковъ по заявленіямъ отдѣленій, нѣтъ Всѣ ихъ возраженія стары и общеизвѣстны. Вообще же значеніе бесѣдъ сказалось съ одной стороны въ ослабленіи раскольническаго фанатизма, а съ другой въ прекращеніи распространенія раскола. Случаи совращенія православныхъ въ расколъ стали чрезвычайно рѣдки, и никогда не ускользаютъ отъ наблюденія духовенства.

Кромѣ собесѣданій съ старообрядцами братство приняло на себя и просвѣтительную задачу. По его иниціативѣ и на его сред-

ство, какъ мы уже сказали, при мѣстной Семинаріи открыта каѳедра по расколу. Но въ виду того, что новый предметъ, какъ не имѣвшій оффиціальнаго характера, не стоялъ на ряду съ другими богословскими предметами, а потому учащіеся не имѣли въ аттестатахъ отмѣтокъ по нему, что съ одной стороны не благопріятно дѣйствовало на учениковъ, неимѣющихъ внѣшней побудительной причины заниматься особенно усиленно расколомъ, а съ другой стороны ставило епархіальное начальство въ неизвѣстность объ успѣхахъ воспитанниковъ Семинаріи въ знаніи его, побудило Совѣтъ ходатайствовать о принятіи каѳедры раскола на обще-епархіальныя средства, соотвѣтственно указу Св. Сунода отъ 15 октября 1872 г. Открытая также стараніемъ братства школа при Крестовскомъ монастырѣ, хотя въ 1886 г. была передана въ вѣдѣніе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, но тѣмъ не менѣе братство оказываетъ ежегодную помощь школѣ, въ размѣрѣ около 300 руб. Кромѣ того оно поддерживаетъ своими средствами церковно-приходскую школу въ дер Камельгиной, прихода Тихоновской пустыни, какъ мѣста сильно зараженнаго расколомъ.

Въ видахъ наибольшаго распространенія здравыхъ религіозно-нравственныхъ понятій въ народѣ, братство Св. Іоанна Богослова устроило въ 1879 году павильонъ для продажи книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, существовавшій нѣсколько лѣтъ; издавало брошюры; наприм. въ 1882 г. изданы въ количествѣ 4200 экземпляровъ бесѣды съ старообрядцами, заключающія въ себѣ вопросы о церкви и книжномъ исправленіи, переводъ съ славянскаго на русскій, сдѣланный графомъ Е. В. Саліасъ, „Житія и страданія св. мучениковъ Адріана и Наталіи“, брошюра Куренкова „Обращеніе съ вопрошеніями отъ лица старообрядца къ старообрядцамъ“, статья С. М. Маркова „Въ поискахъ за священствомъ“ и др Затѣмъ, братство во время своего существованія безмездно раздало десятки тысячъ брошюръ присутствующимъ на собесѣдованіяхъ. Наконецъ, братство не забывало и благотворительности и по мѣрѣ своихъ средствъ оказывало матеріальное пособіе бѣднѣйшимъ гражданамъ Калуги и ученикамъ братской школы.

Нѣсколько позднѣе учреждено братство преподобнаго Пафнутія въ гор. Боровскѣ, именно въ 1883 г. Иниціатива учрежденія его всецѣло принадлежитъ преосвященному Владиміру, епископу Калужскому и Боровскому. Посѣтивъ Боровскъ въ 1881 г., на первыхъ порахъ своего служенія въ Калужской епархіи, онъ озна-

комился на мѣстѣ съ тяжелымъ положеніемъ православія въ этомъ городѣ, гдѣ все—и торговля, и городовое общественное управленіе, и управленіе общественнымъ банкомъ находились и находятся въ рукахъ раскольниковъ, гдѣ изъ 12 тысячъ только до 2-хъ тысячъ православныхъ, гдѣ, наконецъ, изъ девяти приходскихъ церквей только при пяти имѣлись свои причты. Это сильно поразило владыку, и онъ рѣшился немедленно принять мѣры къ ослабленію раскола и къ возвышенію православія въ городѣ Въ 1882 г. по его ходатайству Св. Синодомъ были открыты при двухъ приписныхъ церквахъ два самостоятельныхъ прихода съ ассигнованіемъ отъ казны добавочнаго жалованья къ ихъ содержанію. Священниками къ этимъ церквамъ были опредѣлены: къ Христорождественской о А. Соколовъ, изучившій миссіонерское дѣло подъ руководствомъ опытнаго въ дѣлѣ миссіи архим. Мисаила, а къ Пятницкой знатокъ раскола, обращенный изъ онаго въ православіе и два года изучавшій богословскіе предметы въ Калужской Духовной Семинаріи, о. Іоаннъ Жаровъ, а псаломщикамъ къ этой церкви Ив. Рябухинъ, человѣкъ къ миссіонерскому дѣлу способный и также обращенный изъ раскола въ православіе. Съ появленіемъ таковыхъ лицъ появилась возможность вести и публичныя собесѣдованія съ старообрядцами Видя покровительственное отношеніе къ себѣ со стороны преосвященнаго, православные гор. Боровска пошли на встрѣчу его благимъ намѣреніямъ и просили его объ учрежденіи братства въ городѣ, дабы поставить дѣла миссіи на прочную почву. Преосвященный съ готовностью утвердилъ уставъ, а 11 сентября 1883 г въ присутствіи губернатора К. Н. Жукова торжественно открылъ самое братство. Первымъ предсѣдателемъ его былъ избранъ архим. Пафнутіева монастыря Діонисій, проходившій эту должность до своей смерти, послѣдовавшей въ 1894 г., послѣ его оную проходитъ настоятель того же монастыря, о архим. Пименъ. Товарищами предсѣдателя были избраны—предсѣдатель земской управы Е. М. Челищевъ, проходившій эту должность до 1898 г., и протоіерей собора В. П. Казанскій до 1896 г., послѣ коихъ состоятъ въ этой должности городской судья г. Крюковъ и докторъ И. В. Ададуровъ.

По прямому своему назначенію дѣятельность братства прежде всего выразилась въ публичныхъ церковныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками. Бесѣды велись протоіереемъ Казанскимъ, священниками Соколовымъ, Жаровымъ, Чистяковымъ, Извѣковымъ и

впослѣдствіи Зарѣцкимъ, но по возможности принимали участіе всѣ приходскіе священники. Бесѣды происходили какъ въ Пятницкой церкви гор Боровска, такъ и въ селеніяхъ Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ, гдѣ въ настоящее время имѣется семь отдѣленій, именно: Николо-Лужское, Рябушинское, Спасо-Прогнанское, Тарутинское, Угодско-Заводское, Запажское и Малоярославецкое. Бесѣды въ самомъ городѣ имѣли громадное значеніе для ослабленія раскола. Расколъ здѣсь всегда держался на невѣжествѣ, и вожаки раскола были высокаго мнѣнія о самихъ себѣ и своемъ мнимомъ православіи и пользовались авторитетомъ у своихъ братьевъ по вѣрѣ. Для нихъ поэтому было дѣломъ необходимости выступить на борьбу съ православными миссіонерами. Но трудно защитить неправое дѣло, а потому они болѣе ограничивались хулами на православную церковь и бранью на миссіонеровъ. Слушатели-раскольники по необходимости поддерживали своихъ начетчиковъ и иногда, желая произвести замѣшательство выходили изъ церкви съ крикомъ: „мы побѣдиша“, но раскрытая миссіонерами истина не могла не коснуться даже коснаго слуха старообрядцевъ, и факты говорятъ не о побѣдѣ, а скорѣе о пораженіи. Такъ, напримѣръ, бесѣды послужили если не главною, то во всякомъ случаѣ не малою причиною къ выбытію изъ города лжеепископа Ѳеодосія, который въ своей прощальной рѣчи самъ не преминулъ указать на это обстоятельство. Прощаясь съ своей паствою, Ѳеодосій говорилъ, что, по напущенію Божію, явились въ его богоспасаемый градъ волцы люты (т. е. православные миссіонеры), не щадившіе стада смиренныхъ овецъ, и поселили въ старообрядчествѣ неповиновеніе къ нему. Многіе даже заразились никоніанствомъ и лезутъ къ нему съ разными вопросами, искушая его, такъ какъ сами уже давно рѣшились отступить отъ древляго благочестія, а пишутъ для соблазна другихъ, подобныхъ себѣ. Вожаки раскола, съ грустью для себя замѣчая, что расколъ въ городѣ падаетъ, попытали были застращать своихъ единовѣрцевъ различными небылицами, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей. Такъ старообрядецъ изъ окружниковъ С. А. Головтѣевъ сталъ распространять въ 1887 г. среди своихъ единовѣрцевъ даже то, что ему будто бы было видѣніе съ указаніемъ, гдѣ находятся миссіонеры за свою дѣятельность. „Во вторникъ на Пасхѣ, говорилъ онъ, я находился въ нѣкоемъ тонкомъ усыпленіи и вижу свѣтлаго мужа, который взялъ меня за руку, повелъ показать невиданныя мною мѣста и привелъ

меня въ мѣсто мрачное и темное, гдѣ помѣщаются узники, каждый въ отдѣльности. Вижу сидитъ человѣкъ, связанный 24 вервіями, и свѣтлый мужъ спросилъ меня: „узнаешь ли сидящаго и связаннаго?— Это вашъ соборный попъ Василій". И подлинно я узналъ, что это онъ. Ведетъ меня дальше и показываетъ въ иномъ, еще темнѣйшемъ, мѣстѣ сидящаго узника и связаннаго 32 вервіями и говоритъ: „а этого узнаешь?—Это Пятницкій попъ Жаровъ" Ясно узнаю, что это подлинно о. Иванъ Жаровъ. Наконецъ еще ведетъ и уже въ такое мѣсто, гдѣ трудно было и разглядѣть сидящаго. Вхожу, съ трудомъ, присматриваюсь и вижу сидящаго юношу - безбрадаго, связаннаго 40 віями. Указующій говоритъ: „а этого узнаешь? Вѣдь это вамъ Рождественскій попъ Михаилъ. Всѣ они связаны и толпятся во тьмѣ за то, что своею проповѣдью возмущаютъ древлеправославныхъ христіанъ. Иди же теперь и укрѣпляй свою братію, да не поколеблятся въ своемъ древлемъ благочестіи". Но чтобы дѣйствовать противъ живаго слово о. о. миссіонеровъ не достаточно было ограничиваться бѣгствомъ или запугивать темную массу нелѣпыми видѣніями. Тогда боровскіе заправилы раскола задумали противопоставить православнымъ миссіонерамъ своихъ апологетовъ и начали съ Онисима Швецова, который за довольно большую сумму въ 1884 г. пріѣхалъ на состязанія съ боровскими миссіонерами, но, къ собственному стыду и стыду своихъ почитателей, потерпѣлъ пораженіе. Тѣмъ не менѣе боровскіе раскольники почти ежегодно привозятъ кого-либо изъ выдающихся начетниковъ въ русскомъ расколѣ въ надеждѣ, что кто нибудь изъ нихъ да одержитъ верхъ надъ православными, но вмѣсто той ежегодно бываютъ частые случаи обращенія изъ раскола въ православіе, и братство насчитываетъ таковыхъ до 300 Вліяніе бесѣдъ въ городѣ особенно отразилось тѣмъ, что раскольники стали жить болѣе сознательною жизнью въ дѣлахъ религіи, и это особенно проявляется у нихъ какъ въ томъ, что они зорко слѣдятъ за всѣмъ выходящимъ въ литературѣ въ пользу раскола, и у нихъ, наприм., можно достать сочиненія Карловича, статьи Дурново, „Церковные вопросы", „Слово правды" и т. п., такъ и въ томъ, что многіе изъ нихъ проявляютъ интересъ и къ чисто богословскаго характера сочиненіямъ, а это очень отрадное явленіе, потому что расколъ, основанный на невѣжествѣ, падетъ въ соприкосновеніи со свѣтомъ и знаніемъ. Нѣтъ уже прежней нетерпимости. Не особенно давно было время, когда раскольники считали за величайшій грѣхъ войти

въ православный храмъ, молиться иконамъ, стоящимъ въ православной церкви, нынѣ же не только заходятъ въ храмы, но и молятся въ нихъ, когда приносятъ, наприм., икону Боголюбской Божіей Матери, стараясь лишь осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ въ то время, когда не крестятся православные. прошлый годъ нѣкоторые старообрядцы приглашали въ свои дома православнаго священника съ иконою Калужской Божіей Матери и служили ей молебны. Также не такъ давно было время, когда православному священнику нельзя было показаться на улицѣ, чтобы не выслушать отъ толпы всевозможныхъ ругательствъ и насмѣшекъ, нынѣ же раскольники охотно вступаютъ въ общеніе съ православнымъ духовенствомъ и въ частной бесѣдѣ любятъ поговорить о вопросахъ вѣры. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ начальство уѣзднаго училища жаловалось на то, что раскольники не отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, нынѣ же въ уѣздномъ училищѣ учатся много мальчиковъ-раскольниковъ, отцы которыхъ не боятся, что дѣти ихъ заразятся никоніанствомъ. На сколько ослабъ прежній фанатизмъ боровскихъ раскольниковъ, это всего виднѣе изъ случаевъ смѣшанныхъ браковъ. Сватается за дѣвушку-раскольницу молодой человѣкъ православный или раскольникъ же, но лишь другаго толка. И дочери хотѣлось бы выдти за него замужъ, и родители были бы не прочь выдать ее за завиднаго жениха, но бѣда въ томъ, что онъ „иной вѣры“, и если выдать, то осудятъ и засмѣютъ свои же. Жениху формально отказывается въ рукѣ дочери, но имъ предоставляется полная свобода дѣйствовать самимъ. Молодые люди подготавливаютъ побѣгъ изъ города; родители той и другой стороны это отлично знаютъ, но и вида въ этомъ не подаютъ, Затѣмъ въ одно прекрасное время молодая парочка изчезаетъ изъ города; за ними мчатся родители, но всегда въ противоположную сторону отъ того мѣста, куда уѣхали дѣти. Послѣдніе являются повѣнчанными съ повинною. Отцы не принимаютъ ихъ дня три на глаза, но родительское сердце смягчается, и дочка получаетъ заранѣе приготовленное ей приданное Въ замужествѣ она становится большею частью членомъ толка, къ которому принадлежитъ мужъ. Всѣ горожане отлично знаютъ всю интимную сторону этого брака, но приличіе соблюдено, а вѣра?.. Такъ теперь не тѣ времена, чтобы ужъ черезчуръ крѣпко держаться за нее,—очевидно такъ разсуждаютъ боровскіе раскольники.

Подобно калужскому братству св. Апост. Іоанна Богослова

боровское братство Препод. Пафнутія также преслѣдовало и просвѣтительныя цѣли Оно то уплачивало добавочное жалованье Передольскому учителю г. Чиннову, студенту калужской семинаріи, въ размѣрѣ 120 руб въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ по возможности велъ устныя бесѣды съ раскольниками Передоля, снабжая его для этого полемическими и старопечатными книгами, то само открыло съ миссіонерскими видами въ гор. Боровскѣ одноклассную женскую церковно-приходскую школу, содержаніе которой ежегодно стоило братству отъ 400 до 500 руб., и въ тоже время платило жалованье учительницѣ Косяговской школы. Въ боровской одноклассной школѣ обучалось до 35 дѣвочекъ, изъ нихъ ¼ часть составляли старообрядки. Когда затѣмъ Св. Синодъ созданъ высшій типъ церковной школы, то братство ходатайствовало о преобразованіи этой школы во второклассную учительскую школу, чтобы черезъ нее имѣть возможность на раскольническихъ дѣтей—дѣвицъ дѣйствовать болѣе продолжительное время въ духѣ церкви и тѣмъ сильнѣе внѣдрить въ ихъ души путемъ обученія св. истины христіанскаго ученія съ одной стороны, а съ другой—чтобы изъ православныхъ женщинъ—дѣвицъ приготовить такихъ лицъ, которыя съ успѣхомъ могли бы вести миссіонерскую борьбу съ боровскою раскольническою женщиною, составляющею главную силу боровскаго раскола Ходатайство братства было уважено въ 1896 г., и въ городѣ открыта женская второклассная школа. Просвѣтительня дѣятельность братства кромѣ того выразилась въ продажѣ книгъ религіозно-нравственныхъ при посредствѣ братской лавки, а также въ безплатной раздачѣ таковыхъ населенію. Не смотря на свои ограниченныя средства, при томъ, къ сожалѣнію, годъ отъ году уменьшающіяся, братство не забывало и дѣлъ благотворительности. Ежегодно благотворительность выражалась а) въ выдачѣ ежемѣсячныхъ стипендій, б) въ выдачѣ на погребеніе неимущихъ, в) въ вспомоществованіи къ праздникамъ Рождества Христова и св. Пасхи и г) при вступленіи въ замужество.

Благотворная дѣятельность братствъ обратила на себя милостивое вниманіе Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра III. который на всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. Калужскаго Губернатора за 1883 г. о борьбѣ съ расколомъ братствъ св. ап. Іоанна Богослова и преп. Пафнутія изволилъ начертать: „все это весьма утѣшительно“.

Въ 1893 г. по предложенію преосвященнаго Анатолія Ка-

лужская консисторія выработала еще болѣе широкій планъ борьбы съ расколомъ. Было предположено: калужскую епархію, состоящую изъ 11 уѣздовъ, разграничить на три миссіонерскихъ участка: первый Калужскій, въ составъ котораго должны были войти уѣзды—Калужскій, Медынскій, Малоярославецкій, Лихвинскій и Перемышльскій, всего пять; при чемъ миссіонеръ этого участка долженъ быть причисленъ къ Медынскому собору и жить постоянно въ гор. Медыни; второй Жиздринскій, въ составъ котораго должны войти уѣзды: Жиздринскій, Мосальскій, Мещовскій и Козельскій; жительство миссіонера гор. Жиздра; третій Боровскій, въ составъ котораго должны войти уѣзды—Боровскій и Тарусскій; миссіонеръ по этимъ уѣздамъ долженъ посылаться боровскимъ Пафнутіевымъ братствомъ. Опредѣлено было открыть вакансію 2-го миссіонера епархіи. Епархіальнымъ миссіонерамъ кромѣ двунадесятыхъ праздниковъ и другихъ табельныхъ и неприсутственныхъ дней и случаевъ болѣзни, постоянно объѣзжать по ввѣреннымъ ихъ надзору и наблюденію участкамъ, раскольничьи приходы, по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ въ году проводить въ поѣздкахъ по своему участку, съ такимъ разсчетомъ: мѣсяцъ въ пути и мѣсяцъ отдыха для составленія отчета и бесѣдъ. Епархіальные миссіонеры въ уѣздахъ, сильно зараженныхъ расколомъ, Калужскомъ, Медынскомъ, Боровскомъ, Мещовскомъ, Козельскомъ, Жиздринскомъ и Малоярославецкомъ, смотря по надобности и удобству, съ предварительнаго разрѣшенія епископа, при участіи мѣстныхъ благочинныхъ, могутъ избрать и представлять на архипастырское утвержденіе по уѣздамъ уѣздныхъ миссіонеровъ, а по благочинническимъ округамъ и окружныхъ миссіонеровъ, а равно и мірянъ, хорошо знакомыхъ съ священнымъ писаніемъ и свято-отеческими твореніями и вполнѣ способныхъ помогать въ миссіонерскомъ дѣлѣ. На обязанности этихъ миссіонеровъ возлагается вести собесѣдованія въ тѣхъ мѣстахъ уѣзда или округа, гдѣ послѣдуетъ приглашеніе со стороны приходскихъ пастырей. Для вящшаго успѣха миссіонерской дѣятельности, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, какъ самой далекой окраинѣ епархіи, и для обезпеченія благихъ послѣдствій среди развившагося тамъ въ громадномъ числѣ раскола открыть при Жиздринскомъ Александро-Невскомъ соборѣ братство. Эта обширная программа съ переводомъ преосвященнаго изъ Калуги не была приведена въ исполненіе, хотя братство св. Александра Невскаго и было открыто въ томъ же 1893 г. Названное братство имѣетъ отдѣленія:

въ Брыни, Ѳоминичахъ, Людиновѣ, Плохинѣ, Колодязцахъ и Песоченскомъ Заводѣ. Не смотря на непродолжительность времени его дѣйствія, братство пріобрѣло на раскольниковъ вліяніе, выразившееся съ одной стороны въ отдѣльныхъ случаяхъ обращенія въ православіе, а съ другой въ томъ, что раскольники стали терпимѣе относиться къ православной церкви и къ духовенству и стали разсудительнѣе.

Но епархія въ настоящее время имѣетъ другое, не менѣе дѣйствительное средство борьбы съ расколомъ—это церковно-приходскую школу. По отзывамъ отдѣленій братствъ церковно-приходская школа, въ которую раскольники безъ особаго упорства отдаютъ своихъ дѣтей, оказываетъ на мѣстный расколъ самое благотворное вліяніе. Дѣти раскольниковъ свыкаются на урокахъ Закона Божія съ своимъ законоучителемъ, знакомятся отъ него съ различіями православія отъ раскола, убѣждаются болѣе или менѣе въ несостоятельности раскола и выходятъ отсюда уже достаточно подготовленными къ принятію православія. Нельзя не упомянуть трогательнаго случая, когда ученикъ калужскаго городскаго училища, убѣдившись на урокахъ свящ. А. Смирнова по закону Божію въ неправотѣ раскола, заявилъ совѣту училища, что онъ желаетъ обратиться въ православіе.

Обращая особое вниманіе на обращеніе заблудшихъ, преосвященный Макарій въ 1896 г. учредилъ должность втораго епархіальнаго миссіонера, назначивъ ему мѣстомъ жительства гор. Жиздру, а въ 1897 г. организовалъ миссіонерскіе противораскольническіе курсы для низшихъ членовъ духовенства. Открытые 14 ноября они продолжались по 22 декабря. Преподаватель семинаріи М. П. Чельцовъ, теперь миссіонеръ С.-Петербургской епархіи, знатокъ раскола и неутомимый труженикъ въ борьбѣ съ нимъ, преподалъ собравшимся, въ количествѣ около 30, курсистамъ обличеніе раскола, познакомивъ ихъ попутно и съ исторіей его. Эта мѣра борьбы съ расколомъ также вызвала одобрительную отмѣтку Его Императорскаго Величества на всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. губернатора. Въ текущемъ (1900) году преосвященный предложилъ участковымъ благочиннническимъ съѣздамъ избрать участковыхъ миссіонеровъ для разъѣздовъ по зараженнымъ расколомъ или сектантствомъ приходамъ даннаго благочинія. Наконецъ личныя увѣщанія, какія дѣлаетъ преосвященный при обзорѣ епархіи, проникнутыя чувствомъ любви къ заблудшимъ, имѣютъ на раскольниковъ, по отзывамъ о. о. благочинныхъ, громадное нравственное вліяніе.

Глава IV.

Единовѣріе въ Калужской епархіи.

Единовѣріе въ Калугѣ, Боровскѣ и Сухиничахъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ мѣръ, какія принимались епархіальнымъ начальствомъ для возвращенія отпавшихъ въ лоно православной церкви, былъ другой способъ привлечь раскольниковъ—посредствомъ единовѣрія. Этотъ способъ также былъ испытанъ, но онъ не былъ особенно плодотворенъ. Первыми пожелали возсоединиться нѣсколько семействъ изъ калужскихъ старообрядцевъ, въ количествѣ 662 душъ. Въ 1801 г, по примѣру московскихъ старообрядцевъ, они подали чрезъ уполномоченнаго мѣщанина Ив. Ѳед. Блинова прошеніе къ преосвященному Ѳеофилакту о томъ, чтобы имъ разрѣшено было „устроить въ Калугѣ церковь на старыхъ обрядахъ“ и къ сей церкви дать „правильныхъ, по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ, священно и церковно-служителей“. Св. Сунодъ указомъ отъ 25 сентября 1801 г. разрѣшилъ открытіе въ Калугѣ единовѣрческой церкви „на точномъ основаніи именныхъ указовъ 1798 г. марта 12 и 1800 г. октября 27 и Высочайше утвержденнаго мнѣнія синодальнаго члена преосвященнаго Платона, митрополита московскаго на представленные ему отъ московскихъ старообрядцевъ пункты“. Въ распоряженіе будущихъ единовѣрцевъ была отдана раскольническая часовня, устроенная старообрядцами изъ амбара, принадлежавшаго ранѣе купцу Алтынникову. Получивъ дозволеніе на устроеніе единовѣрческой церкви, старообрядцы въ октябрѣ 1801 г., чрезъ прежняго уполномоченнаго Блинова, обратились къ преосвященному Ѳеофилакту съ прошеніемъ о дозволеніи имъ означенную часовню обратить въ церковь во имя Сошествія Св. Духа, для чего пристроить къ ней алтарь, украсить ее и опредѣлить къ ней уже избраннаго старообрядческимъ обществомъ священника Медынскаго уѣзда, села Адамовскаго, Петра Осипова, изъявившаго на то съ своей сторо-

ны согласіе. Указомъ отъ 22 ноября 1801 г. старообрядцамъ объявлено было, что они могутъ приступить къ перестройкѣ своей часовни; священнику же Петру Осипову выданъ указъ объ опредѣленіи его къ единовѣрческой церкви. Старообрядцы не медлили дѣломъ: въ одинъ мѣсяцъ часовня была преобразована, украшена и приготовлена къ освященію 3 января 1802 г. преосвященный Ѳеофилактъ лично свидѣтельствовалъ новую церковь, благословилъ освятить ее и пожертвовалъ икону Сошествія Св. Духа, въ серебропозлащенномъ окладѣ, мѣрою—въ длину 1 арш. и 6 верш., въ ширину 1 арш. и 4 верш. (теперь эта икона помѣщается въ иконостасѣ главной церкви, за лѣвымъ клиросомъ). 4 того же января церковь торжественно освящена во имя Сошествія Св. Духа по старопечатному положенію. Чинъ освященія совершали: священникъ Елисавето-градской старообрядческой церкви Кондратій Парфеновъ, ново-опредѣленный священникъ Петръ Осиповъ и діаконъ московской старообрядческой церкви Василій Ивановъ съ московскими старообрядческими церковно-служителями.

Но не прошло и 10 мѣсяцевъ, какъ среди калужскихъ единовѣрцевъ начались случаи возвращенія въ расколъ. Такъ, въ него уклонились: купцы—Иванъ Герасимовъ Черниковъ съ семействомъ изъ 16 душъ, Иванъ Никитинъ Иларіоновъ съ семействомъ изъ 3 душъ, Иванъ Леонтіевъ Боковъ съ семействомъ изъ 5 душъ, Иванъ Ивановъ Кашинъ съ семействомъ изъ 11 душъ, Семенъ Лаврентіевъ Фалѣевъ съ семействомъ изъ 7 душъ, Деомидъ Никитинъ Кулешовъ съ семействомъ изъ 9 душъ, и мѣщане—Иванъ Павловъ Боковъ съ семействомъ изъ 3 душъ и дѣвица Агрипина Акимова Ларіонова. Но главная масса все-таки осталась вѣрна воссоединенію. Въ 1810 г. единовѣрцы обратились къ преосвященному Евлампію съ прошеніемъ о дозволеніи имъ ихъ скудную церковь „привесть въ лучшее и безопасное состояніе“; но оказалось, что они имѣютъ намѣреніе не исправить, а вновь соорудить для себя церковь, въ обширныхъ размѣрахъ, такъ чтобы прежняя небольшая ихъ церковь,—вѣроятно, какъ священный памятникъ старины,—оставалась цѣлою внутри новой церкви. Такое желаніе единовѣрцевъ найдено было неудобоисполнимымъ; по представленному плану имъ разрѣшалось построеніе новаго храма, но за городомъ, при отведенномъ для нихъ кладбищѣ, съ тѣмъ, чтобы прежняя церковь, по отдѣлкѣ новой, была разобрана. Такъ какъ единовѣрцы не согласились на это, то дѣло о перестройкѣ церкви

остановилось. Въ 1814 г. прихожанинъ единовѣрческой церкви, куп. Гавріилъ Семеновъ Шапошниковъ предложилъ единовѣрческому причту съ прихожанами письменное обязательство устроить при Единовѣрческой церкви, въ память грознаго непріятельскаго нашествія, на свой счетъ, два каменныхъ придѣла. Единовѣрцы заложили новый, трехпрестольный храмъ. Въ 1823 г. построеніе окончено и 5 іюля главный престолъ освященъ приходскимъ священникомъ Петромъ Осиповымъ съ діакономъ Ѳеодоромъ Семеновымъ. Въ томъ же 1823 г и тѣми же лицами освящены были и придѣлы: первый — во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы *)—28 октября, а другой — въ честь мучениковъ Прова, Тараха и Андроника 30 того же октября. На престолы возложены антиминсы, присланные отъ Св. Сунода, древняго, временъ патр. Іосифа, освященія. Прежняя церковь разобрана и на мѣстѣ ея поставлена существующая до нынѣ каменная, небольшая часовня. Въ 1858 г. къ колокольнѣ пристроенъ и освященъ третій придѣлъ во имя Святителя и Чудотворца Николая.

Вообще калужская единовѣрческая церковь въ настоящее время является самою богатою по благолѣпію и количеству церковной утвари изъ остальныхъ градо-калужскихъ церквей. [1])

Возсоединенные съ православною церковью на основаніи правилъ о единовѣріи калужскіе старообрядцы долго не могли отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ раскольническихъ воззрѣній. Прежде всего имъ трудно было разстаться съ самымъ именемъ „старообрядецъ“, а потому они именовали свою церковь даже въ оффиціальныхъ бумагахъ не единовѣрческою, а „старообрядческою“, а себя „старообрядцами“. Привыкнувъ далѣе въ расколѣ дѣйствовать независимо отъ поповъ, калужскіе единовѣрцы думали продолжать таковыя же отношенія и съ своимъ законнымъ причтомъ, не дозволяя ему участвовать въ веденіи и контролѣ церковнаго хозяйства. Въ особенности единовѣрцы были недовольны, когда духовная консисторія обращала вниманіе на тѣ или другія правонарушенія единовѣрческихъ священниковъ и приглашала ихъ къ законной отвѣтственности. Такое стремленіе единовѣрцевъ къ обособленности должно было встрѣтить противодѣйствіе со стороны

*) По празднуемой 12 октября иконѣ Благовѣщенія Пр. Богородицы—Іерусалимской.

[1]) См. болѣе подробно ст. Ѳ. Пок—каго: „О единовѣрческой духосошественской въ гор. Калугѣ церкви“. Кал. Еп. Вѣд. 1863 г., № 11.

мѣстной духовной власти, и преосвященный Николай предложилъ имъ въ 1841 г. именовать въ актовыхъ бумагахъ свою церковь „единовѣрческой", а въ виду неисправностей въ веденіи приходорасходныхъ церковныхъ книгъ, предписалъ причту церкви участвовать въ веденіи хозяйства и въ утвержденіи отчетовъ. Это вызвало неудовольствіе со стороны единовѣрцевъ и въ 1842 г. они подали оберъ-прокурору Св Сѵнода, графу Протасову прошеніе, въ которомъ жаловались якобы на притѣсненія, чинимыя имъ епархіальнымъ начальствомъ. Разумѣется, жалоба ихъ оставлена была безъ послѣдствій. Возникали также частыя недоразумѣнія между единонѣрцами и мѣстною духовною властью по вопросу о правѣ единовѣрческихъ священниковъ исповѣдывать и пріобщать прихожанъ православныхъ церквей города и уѣздовъ. Въ Калугѣ, какъ мы видѣли, въ XVIII ст. было много лицъ, привязанныхъ къ старымъ обрядамъ. При введеніи въ Калугѣ единовѣрія, по особому ходатайству, имъ разрѣшено было, оставаясь прихожанами калужскихъ церквей, исповѣдываться липь и пріобщаться въ единовѣрческой церкви, куда ихъ особенно влекъ обычай, принятый въ послѣдней, пріобщаться св. тайнами трижды изъ потира по примѣру причащающихся пречистыя крови Господней священниковъ и діаконовъ. Но единовѣрческіе священники принимали на исповѣдь и причащали много православныхъ и помимо тѣхъ, кому было разрѣшено, при чемъ не только взрослыхъ, но и малолѣтнихъ, не только такихъ, которые прежде никогда не бывали на исповѣди, но и такихъ, которые прежде бывали на исповѣди и у св. причастія въ своихъ приходскихъ церквахъ. Преосвященный Николай противился своевольству священниковъ; тогда единовѣрцы обращались съ жалобою въ Св. Сѵнодъ. Въ 1839 г. преосвященный Николай снизошелъ и допустилъ, съ разрѣшенія Св. Сѵнода, пополнить ранѣе утвержденный списокъ православными, которые уже нѣсколько лѣтъ бывали на духу въ Сошественской церкви, но твердо рѣшивъ болѣе уже не допускать своеволія. Между тѣмъ единовѣрческіе священники, съ одной стороны, желая увеличить свои выгоды, а съ другой—вынуждаемые прихожанами и особенно самовластными попечителями, продолжали прежнюю практику. Тогда преосвященный Николай сталъ наказывать денежными штрафами причтъ и энергично вывелъ злоупотребленія, хотя единовѣрцы часто обращались на него съ жалобами въ Св. Сѵнодъ [1]).

[1]) Арх. Калуж. Дух. Консист. Дѣло отъ 1844 г. за № 43.

Совершенно иную судьбу имѣло единовѣріе въ гор. Боровскѣ. Въ 1838 г. боровскіе старообрядцы черезъ уполномоченныхъ: Большакова, Матвѣя Капырина, Трофима Второва и другихъ подали прошеніе Государю Наслѣднику слѣдующаго содержанія [1]).

„Августѣйшій сынъ Монарха,

Всемилостивѣйшій Государь!

Царь небесный Христосъ Сынъ Божій, оставя все стадо, искавъ единую заблудшую овцу, и обрѣтши радовался, воспріемля на рамена свои и взывалъ къ Отцу: вся сохранилъ еже далъ ми еси и никтоже погибе.

Ты же сынъ Царя земнаго, да сподобимся сказать: спаси насъ погибающихъ данныхъ тебѣ отъ отца твоего единому въ наслѣдство и егда пріидетъ страшный судъ міру, то скажешь ты, се азъ и дѣти моя еже далъ ми еси.

Августѣйшій сынъ Монарха, соизволили и прежде допустить насъ старообрядцевъ умолять Тебя наслѣдника престола царства христіанскаго о дозволеніи намъ имѣть священника для отправленія христіанской обязанности, данной намъ отъ предковъ нашихъ, и въ тоже время какъ блистала слава Твоя во градѣ нашемъ Боровскѣ [2]), общество наше во обгражденіе свое представляло, что предки Августѣйшей Вашей Фамиліи: Петръ I и Екатерина II, въ 1716 и 1775 годахъ изъявили монаршія милости всѣмъ старообрядцамъ и высочайшими указами подтвердили полную свободу (?) въ отправленіи богослуженія по закону и исповѣданію святаго равноапостольнаго Князя Владимира, просвѣтившаго землю Русскую святымъ крещеніемъ; а также блаженныя и вѣчно достойныя памяти, Великіе Императоры: Павелъ I и Александръ Благословенный позволили намъ слѣдовать въ точности ученію и чиноположеніямъ Греко-Россійской церкви напечатаннымъ по повелѣнію царей и по благословенію пяти первыхъ патріарховъ, и желая при томъ тишины и спокойствія всѣмъ вѣрноподданнымъ, даровавъ

---

[1]) Приводимъ прошеніе полностью, со всею безграмотностью оригинала.

[2]) Во время его путешествія по Россіи.

Высочайшее утвержденіе въ 26-й день марта 1822-го года, представили старообрядцевъ вѣдомству не духовнаго, но гражданскаго начальства, коимъ позволено было добровольно принимать священниковъ и діаконовъ, не сдѣлавшихъ уголовнаго преступленія.

Наконецъ, нынѣ царствующій Великій Государь Императоръ, торжественно въ слухъ всѣхъ своихъ подданныхъ, при восшествіи на прародительскій престолъ провозгласилъ, что его царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія Великихъ Предковъ, и въ знакъ сего благоволилъ изъявить Монаршее покровительство старообрядцамъ, поселившимся близъ города Измаила—Некрасовцамъ, построить церковь, посвященную Христу Богу, на тѣхъ же правахъ согласно 44 и 45 ст. изданныхъ законовъ I-го тома, не воспрещая же и прочимъ разнымъ сектамъ народовъ каждой имѣть моленныя для отправленія своего обряда.

Одни лишь мы терпимъ душевное прискорбіе, единственно за то, что не осмѣлился принять перемѣнъ въ церковныхъ нашихъ утвержденныхъ на 7 вселенскихъ соборахъ обрядахъ, и не дерзая изъ благоговѣнія къ первенствовавшей святости церкви и добрыхъ пастырей, разсуждать о столь высокомъ дѣлѣ вѣры, боимся за всякое измѣненіе подвергнуться гнѣву Господню; и потому хотя и въ стѣсненіи, но остаемся твердыми въ прародительской вѣрѣ. Чуждые всякаго раскола, таковое несвойственное обряду нашему уложеніе не позволяетъ намъ имѣть священника для исправленія таинствъ святой церкви и для прославленія молитвъ за весь Августѣйшій домъ Вашъ, за бояръ и воинство и за всѣхъ христіанъ: а также и рождающіяся у насъ дѣти по неимѣнію священниковъ умираютъ безъ крещенія, браки остаются невѣнчанными, и всѣ мы находимся безъ покаянія и пріобщенія Святыхъ Христовыхъ таинъ и умираемъ какъ безсловесныя твари. Для избѣжанія столь великаго грѣха несвойственнаго христіанамъ, и для полученія спасенія для сего принимаемъ смѣлость вторительно умолять Тебя.

Премилосердый Государь, сынъ Помазанника Божія. Единаго просимъ у Тебя, свойственнаго Вамъ милосердія, услыши гласъ погибающихъ народовъ, излей за насъ молитву къ Великому нашему Монарху, да повелитъ намъ имени твоего ради избрать добраго священника и утвердить его на тѣхъ же правилахъ, дарованныхъ предкомъ Вашимъ въ 26 день Марта 1822 года, чѣмъ да умножится число Вашихъ благодѣяній, и слезы благодарности

да смѣшаются съ сердечною молитвою ко Всевышнему о ниспосланіи долгоденственнаго и мирнаго житія, здравія и спасенія всему Августѣйшему Вашему Дому.

Августѣйшій сынъ Монарха,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Высочества вѣрноподданнѣйшія: калужской губерніи, города Боровска, часовенное общество старообрядцевъ." [1])

Это прошеніе, заключающее въ себѣ совершенный вымыселъ невѣжественной раскольнической фантазіи на ряду съ лукавымъ притворствомъ, въ декабрѣ 1842 г. было гофмаршаломъ Двора Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника сообщено г. оберъ-прокурору Св. Сунода по повелѣнію Его Высочества. Между тѣмъ наслѣдникъ престола черезъ министра внутреннихъ дѣлъ приказалъ калужскому губернатору, „чтобы послѣдній чрезъ довѣреннаго чиновника объявилъ означеннымъ раскольникамъ, что называемые ими старообрядческіе священники суть бѣглые, которые, оставя свою церковь, нарушили тѣмъ присягу и потому законно священнодѣйствовать не могутъ, а какъ никому не дозволяется произвольно оставлять своего мѣста, и бѣглые подвергаются строгому по законамъ наказанію, то и бѣглымъ священникамъ никакъ нельзя дозволить находиться у нихъ, раскольниковъ, но что отъ нихъ самихъ зависитъ избрать для себя правильнаго священника, который будетъ совершать богослуженіе точно такъ, какъ оно у нихъ нынѣ отправляется по старопечатнымъ книгамъ, и такимъ образомъ они будутъ присоединены къ единовѣрческой церкви установленнымъ порядкомъ".

Конечно, напередъ можно было сказать, что прошеніе ие будетъ имѣть никакого успѣха. Но мало того, боровскимъ раскольникамъ современемъ пришлось сильно раскаяться въ своей смѣлой затѣѣ. Дѣло въ томъ, что дерзкій поступокъ подать прошеніе на имя Государя Наслѣдника заставилъ обратить особенно серьезное вниманіе гражданскаго и духовнаго правительства на состояніе раскола въ Боровскѣ, слѣдствіемъ чего было введеніе въ Боровскѣ единовѣрія и лишеніе боровичей ихъ вѣковой часовни.

Министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ г. калужскому губернатору, по надлежащемъ совѣщаніи съ преосвященнымъ „принять

[1]) Арх. Кал. Дух. Консист. Дѣло № 21. При изложеніи исторіи введенія единовѣрія въ Боровскѣ мы пользовались этимъ дѣломъ и другимъ за № 153.

приличныя мѣры для внушенія симъ раскольникамъ, что они могутъ имѣть священника для отправленія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ, какъ оно совершается въ единовѣрческихъ церквахъ, но съ тѣмъ, чтобы назначеніе священника, по существующему порядку, было не иначе, какъ отъ епархіальнаго начальства".

Преосвященный Николай еще въ 1840 г., при обзорѣ епархіи, увѣщавалъ боровскихъ раскольниковъ оставить свои заблужденія и присоединиться къ православной церкви на правахъ единовѣрія, на что они отвѣчали: „подумаемъ".

Теперь, когда гражданское правительство требовало отъ него рѣшительныхъ мѣръ, ему волей-неволей приходилось серьезно заняться вопросомъ. Онъ приказалъ объявить боровскимъ раскольникамъ слѣдующее. „объяснить гражданамъ города Боровска, что они просятъ не дѣльнаго, безразсуднаго и беззаконнаго; если позволить имъ имѣть просимаго ими священника, то онъ прежде долженъ быть судимъ по преступленію за побѣгъ, а они по принятію за пристанодержательство; по сему внушить имъ, чтобы они обратились къ епархіальному архіерею о дозволеніи, если желаютъ, имѣть благословенную по старой вѣрѣ церковь, и священника по его назначенію; въ противномъ случаѣ поступить съ ними по уголовнымъ законамъ." Самъ же между тѣмъ послалъ слѣдующаго содержанія письмо къ архимандриту боровскаго монастыря Геннадію. „Высокопреподобнѣйшій отецъ, архимандритъ Геннадій! Вы были очевиднымъ свидѣтелемъ тѣхъ убѣжденій, которыя были мною сдѣланы боровскимъ раскольникамъ объ оставленіи ими своего заблужденія и объ обращеніи или къ православію, или къ церкви благословенной. Вы помните, безъ сомнѣнія, что купецъ Девятовъ, какъ главный между ними, объявилъ, съ прочими двумя товарищами, что они о семъ подумаютъ. Изъ прилагаемыхъ при семъ бумагъ Вы усмотрите, что въ дѣлѣ по просьбѣ сихъ раскольниковъ, принесенной Государю Наслѣднику, пришла чреда и мнѣ имѣть участіе.

Покорнѣйше прошу Васъ, отецъ архимандритъ! Взойти въ сношеніе съ главными лицами боровскаго раскольническаго общества, пока хотя частнымъ образомъ, и отобрать отъ нихъ, что они нынѣ придумали, какъ относительно даннаго ими мнѣ обѣщанія, такъ и рѣшенія на просьбу ихъ, объявленнаго имъ черезъ г-на гражданскаго губернатора. Что и какъ Вами будетъ по сему учи-

нено, и какой Вы будете слышать отзывъ отъ раскольниковъ, имѣете донести мнѣ обстоятельно и всѣ препровождаемыя при семъ бумаги возвратить ко мнѣ. Призывая на Васъ Божіе благословеніе и желая Вамъ полнаго и совершеннаго успѣха въ исполненіи сдѣланнаго Вамъ порученія, есмь Вашъ всегдашній доброжелатель и готовый къ услугамъ, Николай Епископъ Калужскій и Боровскій."

Но всѣ старанія о. архимандрита остались безуспѣшны, и онъ донесъ рапортомъ Его Преосвященству, что 12 мая имъ были вызваны главные изъ раскольниковъ часовеннаго общества, боровскіе купцы: Иларіонъ Томилинъ, Захаръ Капыринъ, Никита Щукинъ и Ефимъ Мелютинъ, состоявшіе въ должности попечителя сего общества, которые, по выслушаніи содержанія предписанія, отозвались словесно, что со времени объявленія имъ черезъ г. гражданскаго губернатора рѣшенія на ихъ просьбу, поданную Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу въ 1838 г., и по сіе время они вовсе не думали и не думаютъ о томъ, чтобы присоединиться къ православію или церкви благословенной. Купецъ же Иларіонъ Томилинъ, являвшійся къ Преосвященному и давшій съ товарищами Щукинымъ и Большаковымъ обѣщаніе подумать объ обращеніи своемъ къ церкви единовѣрческой или православной, объявилъ, что это обѣщаніе дано было ими не въ томъ намѣреніи, чтобы дѣйствительно имѣли они нужду подумать объ обращеніи, но потому только, что не нашлись тогда, какой дать отвѣтъ на предложеніе и убѣжденіе преосвященнаго. На предложеніе и убѣжденія о. архимандрита обратиться, по крайней мѣрѣ, къ церкви единовѣрческой, остались не преклонными и объявили, что если не будетъ дозволено имѣть имъ священника по ихъ желанію и прошенію, поданному въ 1838 г., въ такомъ случаѣ за лучшее признаютъ оставаться безъ наличнаго при ихъ часовнѣ священника, нежели подчинить себя священнику, опредѣленному духовною властью. 16 числа мая вторично былъ приглашенъ имъ купецъ Иларіонъ Томилинъ, какъ болѣе прочихъ защищавшій свои обряды, для увѣщаній, который и послѣ сего остался непреклоннымъ и объявилъ, что какъ „онъ самъ, такъ безъ сомнѣнія и все ихъ общество ни въ какомъ случаѣ не будутъ согласны на присоединеніе къ церкви благословенной, поелику церковь сія, по его мнѣнію, сближаетъ ихъ съ церковью православною".

Между тѣмъ калужскій губернаторъ просилъ Его Преосвященство увѣдомить, какія мѣры признаетъ онъ правильными къ на-

значенію боровскимъ раскольникамъ, называющимъ себя принадлежащими къ часовенному обществу, попа. Преосвященный, конечно, отвѣтилъ, что разъ раскольники не желаютъ присоединиться къ церкви на правахъ единовѣрія, то и не можетъ быть вопроса о какомъ-либо самостоятельномъ раскольническомъ священствѣ.

Равнымъ образомъ Св. Синодъ требовалъ отъ преосвященнаго „подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ сношеніяхъ его съ ними и мнѣнія о томъ, какъ надлежало бы поступить теперь въ отношеніи обращенія ихъ на путь истины". Тогда преосвященный Николай счелъ нужнымъ вытребовать черезъ гражданскаго губернатора почетныхъ и вліятельныхъ раскольниковъ, но не надѣясь достигнуть какихъ-либо положительныхъ результатовъ отъ раскольническихъ заправилъ, поручилъ протоіерею боровскаго собора Алексѣю Бѣляеву переговорить еще разъ съ менѣе упорными раскольниками. Какъ и ожидалъ самъ преосвященный, личныя увѣщанія его не подѣйствовали на закоренѣлыхъ боровскихъ раскольниковъ. Вызванные, вмѣсто изъявленія согласія, подали ему слѣдующее заявленіе: „1844 г. февраля 5 дня, мы нижеподписавшіеся города Боровска старообрядцы, призванные Его Преосвященствомъ Николаемъ, Епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ, дали сію подписку въ томъ, что высочайшая воля Его Императорскаго Величества, чтобы мы приняли единовѣрческую церковь, объявлена намъ и правила сей церкви Его Преосвященство читалъ со внушеніемъ, но мы вѣру предковъ нашихъ стараго обряда по повщинѣ оставить не желаемъ, потому что душевныя чувства наши не согласны на перемѣну сію, и потому, что мы, преданные сердцемъ и душею Августѣйшему Государю, вѣрные подданные и послушные законамъ и Его волѣ желаемъ остаться по прежнему и пользоваться милосернымъ Его указомъ 1822 года, подтвержденнымъ и въ 1826 г., подобно какъ пользуются ими московское старообрядческое общество Рогожскаго кладбища и многіе другіе. Подписали: купецъ Ефимъ Милюкинъ, купеческій племянникъ Иларіонъ Томилинъ, купецъ Никита Щукинъ, купецъ Семенъ Саинъ, купецъ Петръ Чичкинъ, купецъ Иванъ Щербаковъ, купеческій сынъ Иванъ Рудаковъ, мѣщанинъ Григорій Чичкинъ, мѣщанинъ Григорій Овчинниковъ, купецъ Михаилъ Муромцевъ, купеческій братъ Иванъ Саинъ, купецъ Захаръ Капыринъ, купецъ Иванъ Девятовъ".

Счастливѣе оказался протоіерей Бѣляевъ. Какъ человѣкъ, близко знающій убѣжденія боровскихъ раскольниковъ, онъ видѣлъ,

кто изъ нихъ менѣе закоснѣлъ въ своихъ заблужденіяхъ и обратился съ увѣщаніемъ къ послѣднимъ. Дѣйствительно, онъ нашелъ, что нѣсколько человѣкъ (11) недалеки отъ возсоединенія съ православною церковью, а черезъ нѣсколько времени, именно 15 февраля 1844 г., отъ Боровскаго 3-й гильдіи купца Ѳедора Ефимова Санина пришло на имя преосвященнаго прошеніе объ открытіи въ Боровскѣ единовѣрческой церкви.

„Вслѣдствіе сдѣланнаго намъ объявленія Попечительнаго Правительства“, писалъ Санинъ: „съ благословенія Вашего Преосвященства я, бывъ убѣжденъ въ святости благословенной церкви, изъявляю искреннее желаніе быть истиннымъ сыномъ оныя. И какъ вмѣстѣ съ тѣмъ таковое жъ желаніе объявили мнѣ и прочіе начальники шести семействъ нашего согласія, то собственноручную ихъ въ томъ подписку имѣю честь Вашему Преосвященству представить и покорнѣйше просить Вашего Архипастырскаго ходатайства объ открытіи въ нашемъ городѣ Боровскѣ благословенной церкви на правилахъ таковой, существующей въ городѣ Калугѣ. Почему весьма удобно нынѣ существующую въ Боровскѣ часовню, именуемую старообрядческою, освятить священниками той Калужской церкви въ благословенную церковь. Въ семъ случаѣ да позволено бъ намъ было, слѣдуя священной волѣ попечительнаго о насъ Правительства, изложить откровенно слѣдующее:

1. Что съ освященіемъ часовни въ благословенную церковь скоро откроются средства къ содержанію причта, ибо многіе, освободясь отъ вліянія теперешнихъ попечителей часовни, обратятся къ церкви, а по имѣнію въ часовнѣ вполнѣ приличествующаго не для часовни, а для церкви благолѣпія утвари и служебныхъ книгъ устранится всякая нужда въ пріобрѣтеніи оныхъ вновь.

2. Съ освященіемъ часовни въ церковь благословенную благоволено бъ было оную, пока откроется совершенная возможность прилично содержать причтъ, причислить къ помянутой благословенной въ городѣ Калугѣ церкви, священникомъ которой въ извѣстное время года будетъ отправляться въ Боровскѣ богослуженіе и совершаемо давно желаемое святое напутствованіе насъ и исполненіе требъ, какъ-то: совершеніе крещенія, браковъ и проч.

„Въ заключеніе имѣю честь изъяснить, что просьба наша объ освященіи часовни на благословенную церковь возбуждается и тѣмъ еще, что мы и предки наши, состоя постоянными, болѣе

прочихъ, прихожанами той часовни, участвовали пожертвованіемъ какъ въ построеніи оной, такъ и во внутреннемъ украшеніи ея".

Протоіерей Бѣляевъ указывалъ на 11 человѣкъ, недалеко стоявшихъ, по его мнѣнію, отъ православной церкви, и онъ не ошибся, потому что большинство изъ нихъ, дѣйствительно, будучи убѣждены въ безсмысленности раскола, согласились присоединиться на правахъ единовѣрія. На прошеніи Ѳедора Ефимова Санина высказали свое согласіе просить объ открытіи благословенной церкви слѣдующія лица: купецъ Поликарпъ Ефимовъ Санинъ, Матвѣй Петровъ Капыринъ, купецъ Иванъ Ѳедоровъ Щукинъ, купецъ Ефимъ Захаровъ Рудаковъ, купецъ Іосифъ Васильевъ Санинъ, купецъ Левъ Ефимовъ Санинъ. Такимъ образомъ прежде всего изъявило желаніе на присоединеніе къ православной церкви на началахъ единовѣрія семейство Саниныхъ и его родственниковъ. Во главѣ всѣхъ ихъ сталъ Боровскій купецъ Ѳедоръ Ефимовичъ Санинъ. Санинъ былъ замѣчательною личностью въ Боровскѣ, какъ по своему уму, характеру, такъ и по своей семейной жизни. Онъ былъ не особенно богатъ, но жилъ лучше всякаго богатаго, поэтому о немъ въ Боровскѣ ходила такая поговорка: „Ѳедоръ Санинъ не богатъ, да славенъ"! И, дѣйствительно, Санинъ былъ славенъ! Будучи градскимъ головою, онъ такъ поставилъ себя, что былъ уважаемъ всею администраціею. Онъ умѣлъ поддерживать хорошее знакомство со всѣми правительственными лицами, начиная съ преосвященнаго Николая, который зналъ Санина еще въ бытность свою учителемъ въ боровскомъ духовномъ училищѣ, и г. начальника губерніи. По своему оффиціальному положенію, а главнымъ образомъ, благодаря общительному характеру, Ѳедору Ефимовичу очень часто приходилось бывать въ обществѣ православныхъ. Послѣднее обстоятельство въ высшей степени не нравилось закоснѣлымъ раскольникамъ, и Санина стали упрекать въ томъ, что онъ „омирщился", требуя отъ него, чтобы онъ прекратилъ общеніе съ православными, грозя, въ противномъ случаѣ, изгнать его изъ своего общества. Наскучившись выслушивать безсмысленные упреки отъ заправилъ часовеннаго общества и оцѣнивши по достоинству фанатизмъ раскольниковъ, Ѳедоръ Ефимовичъ, какъ человѣкъ недюжиннаго ума, рѣшился порвать связь съ расколомъ и возсоединиться съ православною церковью.

Такимъ образомъ боровскіе раскольники поповщинскаго согласія, вмѣсто полной свободы въ отправленіи богослуженія, о чемъ

они дерзко ходатайствовали передъ Государемъ Наслѣдникомъ, достигли того, что былъ поставленъ на очередь вопросъ объ отобраніи у нихъ часовни и обращеніи ея въ единовѣрческую церковь. Правда, очень немногіе выразили свое желаніе на присоединеніе къ православной церкви на началахъ единовѣрія, но духовное начальство разсчитывало, что съ теченіемъ времени число ихъ увеличится, полагая, что раскольники, лишившись часовни, волей-неволей должны будутъ присоединиться къ православной церкви. Да и сами раскольники, когда до нихъ достигли слухи о намѣреніи правительства отобрать ихъ часовню, разсуждали такъ же. Поэтому преосвященный Николай, подробно изложивъ имъ весь ходъ дѣла, вошелъ въ Синодъ съ докладомъ, въ заключеніи котораго, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ представляется нужнымъ и полезнымъ: 1) боровскую каменную раскольническую часовню, имѣющую престолъ, царскія врата, главу, крестъ и прочія подобныя принадлежности и вообще видъ церкви, освятить въ единовѣрческую церковь, въ томъ предположеніи, что боровскіе раскольники, по упраздненіи ихъ часовни, рано или поздно должны будутъ присоединиться или къ церквамъ православнымъ приходскимъ, или къ церкви единовѣрческой, каковую необходимость и сами заранѣе видятъ и говорятъ о ней, какъ доходятъ до меня о томъ частные слухи; 2) часовню сію принять по описи со всею ея утварью, иконами и прочими принадлежностями отъ попечителей ея церковному старостѣ, который будетъ избранъ вмѣстѣ съ причтомъ; 3) чего не будетъ доставать для предполагаемой боровской единовѣрческой церкви изъ ризничныхъ вещей и церковно-богослужебныхъ книгъ, то заимствовать на время изъ здѣшней Калужской единовѣрческой церкви; 4) опредѣлить къ сей единовѣрческой церкви, какъ на первый разъ малоприходной, одного священника и одного дьячка и ходатайствовать впредь до усмотрѣнія объ окладѣ изъ казны съ назначеніемъ священнику 90, а дьячку 36 р. сер. въ годъ; 5) когда изъ боровскихъ раскольниковъ, за присоединеніемъ изъ нихъ къ православію или единовѣрію, иные останутся неприсоединенными ни къ первому, ни къ послѣднему, то просить гражданское начальство ограничить свободу сихъ упорныхъ людей принимать къ свои домы проѣзжихъ раскольническихъ поповъ для совершенія требъ, воспретить также вѣнчаться и крестить младенцевъ въ Московской Рогожской и въ Тульской раскольническихъ часовняхъ, а покойниковъ выносить

и погребать днемъ съ нѣкоторою торжественностью, что все ими дѣлается почти безъ всякаго препятствія со стороны ихъ начальства“ Но Св. Сунодъ не рѣшился сразу ввести единовѣріе, а опредѣлилъ по поводу доклада преосвященнаго: „1) предоставить г. министру внутреннихъ дѣлъ войти въ разсмотрѣніе объ отклоненіи обстоятельствъ, способствующихъ усиленію раскола въ Боровскѣ. и о томъ, можно ли въ настоящемъ положеніи сего раскола, обратить тамошнюю часовню въ единовѣрческую церковь, и если не встрѣтится, по его соображеніямъ, къ тому препятствій, то дать о семъ предписаніе мѣстному гражданскому начальству, и увѣдомить Св. Сунодъ для надлежащихъ съ его стороны распоряженій; 2) Вашему Преосвященству поручить дѣйствовать на Боровскихъ раскольниковъ непосредственно и черезъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ мѣрами кроткаго убѣжденія, въ духѣ снисходительности и любви, склоняя ихъ принять единовѣріе на точномъ основаніи правилъ 1800 года. При семъ въ подробное руководство снабдить Васъ выпискою изъ дѣла о мѣрахъ къ успѣшнѣйшему обращенію въ единовѣріе саратовскихъ раскольниковъ на правилахъ 1800 г., съ тѣмъ, чтобы Вы вполнѣ и во всѣхъ подробностяхъ подлежащаго Вамъ дѣла слѣдовали содержащимся въ той выпискѣ наставленіямъ Св. Сунода“.

Преосвященный поэтому снова предписалъ боровскому архимандриту Геннадію, протоіерею Бѣляеву и Борисо-Глѣбскому священнику Василію Баталину увѣщевать боровскихъ раскольниковъ, съ тѣмъ, чтобы они, по истеченіи двухмѣсячнаго срока, сообщили ему о результатахъ своего воздѣйствія; но раскольники „рѣшительно высказались, что они никогда не согласятся къ церкви единовѣрческой присоединиться и просили на будущее время освободить ихъ отъ подобныхъ предложеній, присовокупивъ между прочимъ и то, что они ожидать будутъ, что послѣдуетъ съ Московскою Рогожскою часовнею“.

Наконецъ, послѣ всѣхъ справокъ, наведенныхъ высшими духовнымъ и гражданскимъ правительствами, вопросъ о введеніи въ гор. Боровскѣ единовѣрія и обращенія боровской раскольнической часовни въ благословенную церковь былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Государь Императоръ 13 января 1846 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: „сказанную часовню со всею утварью, какая въ ней имѣется, передать въ вѣдѣніе духовнаго начальства для обращенія оной въ единовѣрческую церковь, поручивъ Начальнику

Калужской губерніи, подъ личною его отвѣтственностью, принять въ семъ случаѣ надлежащія мѣры для предупрежденія безпоряд ковъ, могущихъ послѣдовать со стороны упорствующихъ раскольниковъ." Св. Сунодъ, исполняя волю Государя, предписалъ тѣмъ не менѣе преосвященному Николаю дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе и осторожнѣе. „По передачѣ сей часовни гражданскимъ начальствомъ, въ приходъ ея причислить тѣхъ изъ жителей г. Боровска, которые изъявляютъ желаніе принять единовѣріе; въ приглашеніи же къ тому прочихъ поступать со всею возможною осмотрительностью и осторожностью; 2) опредѣленіе причта къ означенной церкви произвести по выбору прихожанъ, строго подтвердивъ священно-церковно-служителямъ въ отправленіи богослуженій, въ совершеніи христіанскихъ требъ и во всѣхъ сношеніяхъ, какъ съ принимающими единовѣріе, такъ и съ остальными, неизмѣнно держаться Высочайше утвержденныхъ въ 27 день октября 1800 г. правилъ и наставленій, изложенныхъ въ указѣ 5 апрѣля 1845 г., а равно и самимъ Вамъ въ завѣдываніи сею церковью поступать по вышеприведенному указу Св. Синода, не допуская участія въ томъ лицъ, не принадлежащихъ къ единовѣрію".

Преосвященный Николай, во исполненіе указа, предписалъ священнику Свято-Духовской Калужской единовѣрческой церкви Сергію Покровскому принять часовню по описи и устроить на мѣстѣ все необходимое по образованію новаго прихода, обратившись въ то же время къ губернатору за содѣйствіемъ мѣстной полиціи. Въ виду фанатизма боровскихъ раскольниковъ, губернаторъ Николай Михайловичъ Смирновъ не рѣшился, боясь открытаго возмущенія и осложненія дѣла, поручить надсмотръ мѣстной полиціи и отправился въ Боровскъ самъ. 13 марта 1846 г., въ присутствіи трехъ лицъ, пожелавшихъ быть единовѣрцами, онъ передалъ часовню со всею ея утварью священнику Покровскому „благополучно". 14 и 15 тотъ же священникъ сдѣлалъ подробную опись имущества сей часовни и передалъ его (имущество) подъ росписку избранному при немъ же (17 числа) церковному старостѣ Ѳеодору Ефимовичу Санину. Былъ составленъ также списокъ лицъ, желавшихъ единовѣрія; но, кромѣ одного Андріана Максимова Глухарева, вновь никто не изъявилъ согласія, хотя губернатору лично и высказали свое желаніе 3-й гильдіи купецъ Романъ Михайловъ Полежаевъ и купеческій сынъ Иванъ Ивановъ Киркинъ. Но и изъ семействъ тѣхъ немногихъ, которые еще ра-

нѣе высказали желаніе присоединиться къ единовѣрію, не всѣ согласились теперь на это, нѣкоторыя женщины—старухи (матери Рудакова и Іосифа Васильева Санина) отказались отъ присоединенія въ виду долголѣтней привязанности къ расколу. Организовавъ немногочисленный приходъ, священникъ Покровскій предложилъ будущимъ единовѣрцамъ избрать причтъ и указать, во имя кого они желаютъ освятить храмъ

Впредь до освященія часовня была запечатана губернаторскою печатью и сдана на храненіе подъ строгой отвѣтственностью боровскому городничему Чеполевскому Конечно, можно себѣ представить, что должны были чувствовать боровскіе раскольники, добивавшіеся полной свободы въ отправленіи своего богослуженія, а вмѣсто того лишившіеся послѣдняго На имя губернатора полетѣли изъ Боровска безыменныя письма, гдѣ раскольники грозили, что отдадутъ часовню лишь съ своею жизнью и кровью, почему губернаторъ предписывалъ полиціи всячески хранить часовню и даже нѣсколько разъ вызывалъ къ себѣ городничаго Чеполевскаго, чтобы узнать о настроеніи раскольниковъ и принять соотвѣтствующія мѣры.

Между тѣмъ освященіе часовни отсрочилось, вслѣдствіе ея неприспособленности къ православному богослуженію. Недоставало колоколовъ, сосудовъ, нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ Наконецъ, будущіе единовѣрцы пріобрѣли на свой счетъ необходимыя вещи, такъ что можно было приступить и къ освященію часовни. Въ силу предоставленнаго имъ права самимъ выбрать священника, они указали на діакона Калужской единовѣрческой церкви Н П. Кудрявцева, предоставивъ послѣднему выбрать причетниковъ — Преосвященный донесъ Сѵноду о кандидатѣ, какъ „опытномъ въ единовѣрческомъ служеніи (діакономъ состоялъ съ 9 августа 1828 г.) и обхожденіи со старообрядцами и искусномъ въ чтеніи и пѣніи по старопечатнымъ книгамъ и при томъ могущемъ способствовать и къ обращенію раскольниковъ въ единовѣріе". Св Сѵнодъ утвердилъ избраніе, и Кудрявцевъ 13 октября былъ рукоположенъ во священника Пришло прошеніе и отъ боровскихъ единовѣрцевъ съ просьбою освятить ихъ часовню. „Принимая въ соображеніе важность предстоящаго обстоятельства, писали они между прочимъ, каковое есть освященіе означенной часовни на церковь, а равно и то, что въ настоящее время при закоснѣлости нѣкоторыхъ старообрядцевъ, а въ особенности бывшихъ попечителей оной, они еще

не уразумѣли святой и благодѣтельной воли Государя Императора въ отношеніи открытія сей часовни въ церковь и, наконецъ, имѣя въ виду умноженіе въ текущее время различныхъ сектаторовъ въ гор Боровскѣ, мы пріемлемъ смѣлость все сіе представить на благоусмотрѣніе Вашего Преосвященства и покорнѣйше просить Вашего архипастырскаго ходатайства о вмѣненіи въ особенную обязанность мѣстной полиціи гор Боровска, чтобы при производствѣ пріуготовительныхъ работъ и при самомъ совершеніи сего таинства, а равно и послѣ онаго полиція та имѣла ближайшее и внимательнѣйшее наблюденіе по охраненію предназначаемой церкви отъ всякаго безпорядка и нарушенія тишины и благочинія, могущихъ возникнуть отъ закоренѣлости сектаторовъ". Принявъ предварительно мѣры, обезпечивающія успѣхъ дѣла, преосвященный Николай поручилъ освятить церковь по древнему чиноположенію Калужскому единовѣрческому священнику Николаю Ѳедорову и рукоположенному къ оной священнику Кудрявцеву „на выданномъ ему древняго освященія святомъ антиминсѣ въ честь и славу Покрова Пресвятыя Богородицы", а для большаго торжества приказалъ ѣхать соборнскому діакону Василію Авраміеву и одному или двумъ причетникамъ.

1 декабря 1846 г состоялось самое освященіе церкви „при наблюденіи мѣстнаго начальника губерніи, съ военнымъ церемоніаломъ, при многочисленномъ собраніи правовѣрныхъ богомольцевъ гор. Боровска и усердствующихъ нарочито „согласующихъ въ единомысліи" (т. е. единовѣрцевъ же) Московской губерніи города Можайска, г. Вереи, и Смоленской губерніи города Гжатска; въ освященіи соблюдено богослуженіе чинно, благоговѣйно, а въ особенности соблюдено христіанское братолюбіе". А въ это время толпа раскольниковъ, въ количествѣ 300 человѣкъ, стояла вокругъ ограды, разбитая, угнетенная, „съ вырваннымъ сердцемъ", какъ выражались раскольники. Послѣднимъ пришлось подчиниться волѣ Государя, но они затаили злобу и стали вредить единовѣрцамъ косвенно. Въ оградѣ единовѣрческой церкви стояло нѣсколько избъ, въ которыхъ проживали раскольницы съ дѣтьми, слѣдовательно было что то въ родѣ пріютовъ; стояла еще порожняя изба, куда ставился военный караулъ для охраны церкви на случай нападенія раскольниковъ. Послѣднимъ хотѣлось упразднить всѣ эти избы, дабы оставить церковь единовѣрческую одну, такъ какъ она стояла на отлетѣ, въ значительномъ разстояніи отъ слободы. Будучи не

въ правѣ снести постройки самовольно, раскольники просили городничаго исходатайствовать разрѣшеніе на это у губернатора, Въ тотъ жо день, какъ пришло предписаніе отъ городничаго причту единовѣрческой церкви объ очисткѣ церковной земли отъ излишнихъ построекъ, къ обитательницамъ ихъ явились бывшіе попечители моленной: Иванъ Матвѣевъ Щербаковъ, Ларіонъ Васильевъ Томилинъ и Алексѣй Ѳедоровъ Головтѣевъ и стали требовать отъ нихъ, чтобы онѣ забирали свое имѣніе и выселялись, угрожая, въ противномъ случаѣ, „изгладить“ ихъ изъ своего согласія Единовѣрцы, конечно, видѣли дальнѣйшую цѣль этихъ ревнителей древняго благочестія, а потому, не считая себя болѣе безопасными, донесли Его Преосвященству о посягательствахъ раскольниковъ. „Опасаясь, писали они, дабы не послѣдовало какого злоупотребленія и церкви расхищенія, Ваше Преосвященство, обратите вниманіе къ защитѣ церкви, мы находимся въ большой опасности отъ сектаторовъ, а полиція не мало не обращаетъ вниманія къ защитѣ“. Но воспретить перенести дома, конечно, было невозможно, такъ какъ они составляли частную собственность лицъ, хотя надзоръ былъ усиленъ, а покровительствующему раскольникамъ городничему Чепелевскому отъ г губернатора сдѣланъ строгій выговоръ

Весь единовѣрческій приходъ составился изъ 37 лицъ муж. и 28 жен. пола, изъ нихъ семейство Капырина (2 м. и 2 ж. п.) проживало въ Верей, семейство Щукина (4 м. и 6 ж. п.)—въ Можайскѣ Московской губерніи. Епархіальное начальство разсчитывало, что раскольники этихъ уѣздовъ со временемъ послѣдуютъ примѣру возсоединившихся и, дѣйствительно, на второй же годъ послѣ введенія единовѣрія присоединились два семейства Проваторовыхъ и Молчановыхъ изъ Боровска (11 м. и 8 ж. п.), но зато послѣ этого случаи присоединенія до сего времени были очень рѣдки Наоборотъ, съ наступленіемъ болѣе снисходительнаго къ раскольникамъ царствованія Императора Александра II, начались отпаденія отъ единовѣрія. Въ 1857 г. отпавшихъ было двое, а въ 1860 г. уже 17. Въ 1898 г. по духовнымъ книгамъ прихожанъ при единовѣрческой церкви значилось всего лишь 39 человѣкъ: 15 муж. и 24 жен. п., сверхъ того раскольниковъ 6 м. и 6 жен. [1]) Ветхая, грозящая паденіемъ деревянная церковь какъ бы сама говоритъ, какъ слабо утвердилось единовѣріе въ Боровскѣ.

---

[1]) См. духовныя книги Боровской единовѣр. церкви.

Еще болѣе печальную судьбу имѣло единовѣріе въ Сухиничахъ. Законъ 1854 г., которымъ повелѣвалось „раскольникамъ, кои, при объявленіи ими купеческихъ капиталовъ, не представятъ, свидѣтельствъ о принадлежности къ православной церкви безусловно или на правахъ единовѣрія, выдавать торговыя свидѣтельства по гильдіямъ на временномъ правѣ", былъ очень тяжелъ для богатыхъ гражданъ гор. Сухиничъ, потому что имъ раскольники-купцы низводились въ мѣщанство и были поставлены межъ двухъ огней: или отказаться отъ раскола, или отъ своихъ торговыхъ операцій и барышей Сухиническіе заправители старообрядчества рѣшили замаскировать себя единовѣрцами и этимъ сохранить за собою права торговли. Въ томъ же 1854 г. они подали прошеніе за подписью 58 гражданъ на имя калужскаго губернатора П. А. Булгакова, въ которомъ, между прочимъ, писали, что „единогласно положились. содержимую донынѣ секту оставить, а присоединиться къ единовѣрческой въ гор. Калугѣ Сошествія Св. Духа церкви со всѣми семействами. А такъ какъ, добавляли они,—мы сею нашею подписью уже твердо положились оставить свои обряды и просоединиться къ единовѣрческой церкви, то и благоволено бы было со стороны гражданскаго начальства разрѣшить изъ насъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя до настоящаго времени состоятъ въ купечествѣ и которыя вновь имѣютъ быть записаны въ сіе званіе, объявить нынѣ же на 1855 г. капиталы безпрепятственно". Губернаторъ не замедлилъ предписать сухинической ратушѣ принять отъ всѣхъ подписавшихся подъ прошеніемъ лицъ предъявленные ими на 1855 г. капиталы и выдать имъ гильдейскія свидѣтельства, но нельзя было такъ поспѣшно дѣйствовать и съ введеніемъ самаго единовѣрія, потому что изъ числа 58 лицъ, пожелавшихъ соединиться съ православною церковью на правилахъ единовѣрія, до 40 оказались записанными въ приходскихъ церквахъ православными. Напрасно епархіальное начальство увѣщавало послѣднихъ, но только трое изъ сорока обязались остаться въ церкви, а остальные рѣшительно настаивали на присоединеніе къ единовѣрію. Въ 1855 г. 7 февраля изъявившіе желаніе на возсоединеніе сухиническіе купцы и мѣщане подали губернатору „условія", на которыхъ они согласны присоединиться, и объяснили ему, что они желаютъ, въ ожиданіи построенія для нихъ каменной церкви, перестроить въ церковь свою раскольническую часовню и имѣть своимъ священникомъ уставщика Калужской единовѣрческой церкви Глин-

кина Преосвященный Григорій командировалъ въ Сухиничи для наблюденія надъ перестройкой часовни священника Калужской единовѣрческой церкви о. Розанова, который и имѣлъ случай ознакомиться съ религіозными воззрѣніями просителей. Они не дозволили о Розанову исправлять у нихъ требъ, давъ по сему предмету такого рода объясненіе: „получивши разрѣшеніе избрать священника изъ своей среды и избравши Глинкина, котораго единогласно и искренно къ отправленію (службъ?) желаемъ имѣть своимъ пастыремъ, какъ опытнымъ (опытнаго?) по старообрядчеству (?!), по которому въ насъ не подобаетъ отправлять требъ иному (??), хотя старообрядческому (?) священнику, но другой (!) церкви, въ надеждѣ на скорое постановленіе и прибытіе къ намъ настоящаго Глинкина, кромѣ котораго мы никого не желаемъ имѣть себѣ священникомъ и не поручаемъ (!) исправлять нашихъ требъ“. Преосвященный, испытавъ этого Глинкина, по происхожденію изъ самой колыбели старообрядчества, посада Клинцовъ, нашелъ, что онъ „оказалоя чистымъ мѣщаниномъ, могущимъ разбирать только грамоту, свѣдѣній же о предметахъ вѣры не имѣетъ и такихъ, какія имѣютъ хорошіе начетчики изъ мірянъ“, почему и сомнѣвался поставить его во священника Св. Сунодъ разрѣшилъ указомъ отъ 13 ноября 1855 г ввести единовѣріе въ Сухиничахъ и поставить Глинкина во священника, который 11 мая 1856 года и освятилъ перестроенную къ этому времени въ церковь часовню во имя Покрова Пр. Богородицы Съ освященіемъ церкви и пріобрѣтеніемъ священника, сухиническіе единовѣрцы стали дѣйствовать смѣло, и тутъ то открылось, что единовѣріе для нихъ было только предлогомъ, чтобы обойти законъ 1854 г, въ существѣ же дѣла они остались раскольниками Въ 1857 г. 26 ноября они подали прошеніе преосвященному Григорію, въ коемъ ходатайствовали: „дабы которые будутъ повѣнчаны изъ насъ старообрядцы съ дѣвицами или вдовами, принадлежащими къ греко-россійской церкви, числились какъ тѣ новобрачные, такъ и впослѣдствіи рожденныя дѣти ихъ уже принадлежащими къ нашей благословенной церкви прихожанами, съ исключеніемъ отъ прихожанъ греко-россійской церкви“. Преосвященный донесъ о незаконныхъ притязаніяхъ единовѣрцевъ Св. Суноду, а самъ запросилъ ихъ, на чемъ они основываютъ свое ходатайство. Тѣ сослались, что Государь, при разсмотрѣніи правилъ митрополита Платона, на статьѣ, трактующей, что „есть ли случится быть браку состоящемуся одной половинѣ греко-

россійской церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ греко-россійской, или старообрядческой церкви", положилъ резолюцію: „сію статью принять можно". Но преосвященный имъ отвѣтилъ на имя Глинкина, что рѣшеніе вопроса, поднятаго единовѣрцами, заключается въ тѣхъ же правилахъ митрополита Платона, въ V пунктѣ коихъ сказано: „а въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ не допускать", и, конечно, отказалъ имъ въ просьбѣ Тогда единовѣрцы дерзаютъ въ 1858 г подать прошеніе на имя Государя, въ коемъ повторили просьбу, обращенную къ преосвященному Григорію, и добавляли, чтобы было разрѣшено ихъ священнику „у окрестныхъ отписныхъ старообрядцевъ отправлять требы въ поддержаніе церкви и для увеличенія прихода". Св Сунодъ, которому было передано это прошеніе, передалъ его для заключенія преосвященному Григорію. Онъ отвѣтилъ, что „Сухиничесие единовѣрцы, какъ извѣстно епархіальному начальству, только по имени единовѣрцы съ православною церковью, а на самомъ дѣлѣ чуждаются оной" и что „поэтому дозволить присоединить православныхъ къ единовѣрію значило бы допустить распространеніе мнимаго единовѣрія въ ущербъ православію". Св. Сунодъ указомъ отъ 4 декабря 1862 г. отказалъ въ просьбѣ единовѣрцамъ, и тогда они, видя, что строгія николаевскія времена прошли, рѣшились снять маску. Въ 1863 г. въ прошеніи на имя министра внутреннихъ дѣлъ они заявляли, „что состоя въ старообрядчествѣ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, около 10 лѣтъ тому назадъ, по случаю сильныхъ преслѣдованій отъ мѣстнаго начальства вынуждены были обратиться къ Калужскому архіерею для рукоположенія имъ, по обрядамъ ихъ священнослуженія, Григорія Николаевича Глинкина, который съ того времени находясь у нихъ въ санѣ священника, совершалъ богослуженіе, исполнялъ требы безъ всякаго соприкосновенія и участія со стороны господствующей церкви Но какъ послѣ сего Калужскому преосвященному благоугодно было сопричислить ихъ въ число стада своего и подчинить нѣкоторымъ распоряженіямъ Калужской духовной консисторіи, то они, не имѣя ни наклонности, ни убѣжденія къ господствующей церкви и не желая находиться подъ вліяніемъ пастыреи ея, возъимѣли смѣлость обратиться къ его высокопревосходительству съ просьбою объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго соизволенія въ нижеслѣдующемъ: 1) оставить священника Григорія Николаевича Глинкина при ихъ старообрядческой цер-

кви Покрова Пресвятыя Богородицы совершенно независимымъ отъ мѣстнаго духовнаго начальства съ тѣмъ, чтобы метрическія книги были представляемы въ Сухиническое Смотрительское Правленіе для большаго удобства имъ и священнику извлекать изъ оныхъ нужныя свѣдѣнія, какъ и прежде ими были подаваемы и въ настоящее время подаются всѣми старообрядцами и 2) если не благоугодно будетъ правительству оставить сего священника у нихъ на вышеръченномъ положеніи и основаніи, то просятъ исходотайствовать имъ дозволеніе обращаться къ единовѣрнымъ имъ священникамъ, рукоположеннымъ отъ старообрядческихъ епископовъ, находящихся во всероссійскомъ государствѣ, для исполненія у нихъ христіанскихъ обязанностей". Такого рода ходатайства сухиническихъ единовѣрцевъ заставили духовное начальство обратить вниманіе на Глинкина. На запросъ преосвященнаго, зналъ ли онъ о вышеуказанномъ ходатайствѣ своихъ прихожанъ предъ министромъ и сочувствуетъ ли ихъ просьбѣ, онъ отвѣчалъ, что о подачѣ прошенія ему хорошо извѣстно, и что сочувствіе его съ ними въ этомъ дѣлѣ „единодушное"; а на запросъ, почему онъ и его семейство не были въ 1863 г. у исповѣди,—что ему „не дозволяютъ этого долга исполнить". Теперь для епархіальнаго начальства не было сомнѣнія въ приверженности Глинкина къ расколу, и онъ, чувствуя, что за отдѣленіе отъ своего епископа подлежитъ извержению изъ сана, дабы избѣгнуть заслуженной кары, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ мѣста „по старости лѣтъ". Между тѣмъ, по частнымъ слухамъ епархіальному начальству стало извѣстно, что „Глинкинъ еще при избраніи его во священника былъ въ согласіи съ своими избирателями касательно дѣйствованія въ духѣ раскольническомъ и скоро по рукоположеніи искалъ исправы у бывшаго въ то время въ гор. Тулѣ бѣглаго попа Павла, но не былъ принятъ послѣднимъ въ общеніе", и что „прихожане Глинкина въ 1863 г. свозили его самовольно въ Москву и поставили въ общеніе съ лжеепископомъ Антоніемъ (Шутовымъ), отъ котораго онъ, какъ гласитъ народная молва, принялъ такъ называемую исправу". Чисто раскольническія убѣжденія Глинкина и его отказы подчиниться требованіямъ епархіальнаго начальства побудили послѣднее на строго отнестись къ нему: Глинкина рѣшено было лишить сана. Св. Синодъ указомъ отъ 12 января 1865 г. призналъ справедливымъ такое рѣшеніе, но „чтобы дать возможность заблудшемуся раскаяться и обратиться при ду-

ховномъ увѣщаніи на путь истинный," опредѣлилъ Глинкина заключить въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, а Сухиническимъ единовѣрцамъ подумать объ избраніи на его мѣсто новаго пастыря. Но по отношенію къ Глинкину опредѣленіе Сунода пришлось привести въ исполненіе не скоро, потому что онъ бѣжалъ изъ Сухиничъ и скрывался по различнымъ уѣздамъ, пока, наконецъ, 10 апрѣля 1866 г. былъ пойманъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Что же касается прихожанъ Глинкина, то тѣ отвѣчали, что кромѣ Глинкина они никого священникомъ имѣть не желаютъ, а потому епархіальное начальство, впредь до избранія ими новаго священника, распорядилось запечатать единовѣрческую церковь; но сухиническіе единовѣрцы желали совсѣмъ раздѣлаться съ нею и просили назначить кого нибудь принять и церковь, и церковное имущество. Такъ печально кончилась судьба единовѣрія въ Сухиничахъ. [1])

---

[1]) Арх. Калуж. Дух. Кон Дѣла за №№ 10212 и 16092. См статью С. М. Маркова „Сухиническіе единовѣрцы". Прав. Обозр. 1885 г., т. III, стр. 294—319.

Глава V.

Безпоповщинскія секты и секта воздыханцевъ.

Безпоповщинскія секты. перекрещенцы, трехъ-начальные христіане, селезни. Воздыханцы.

Калужская епархія преимущественно является гнѣздомъ поповщинскаго раскольническаго толка, и лишь незначительный процентъ раскольниковъ принадлежитъ къ безпоповщинѣ. Но, не смотря на малочисленность этого рода сектантовъ, догма ихъ ученія, а равнымъ образомъ и самая ихъ жизнь представляютъ интересъ, въ особенности съ точки зрѣнія изученія мѣстнаго края. Безпоповщина выразилась въ трехъ сектахъ: перекрещенцевъ, трехъначальныхъ христіанъ и селезней

Возникновеніе секты перекрещенцевъ въ калужской епархіи относится къ концу XVII или началу XVIII столѣтія. Св. Димитрій Ростовскій среди брынскихъ скитовъ указываетъ много безпоповщинскихъ До сихъ поръ въ южной части губерніи безпоповцы сохранились еще въ значительномъ количествѣ, особенно въ уѣздахъ Мещовскомъ, Козельскомъ и Жиздринскомъ. Есть не въ большомъ количествѣ безпоповцы и въ сѣверныхъ уѣздахъ. Такъ, боровскіе безпоповцы еще въ концѣ XVII или началѣ XVIII ст. имѣли молечную въ деревнѣ Каурцовой, а „по преумноженіи ихъ секты“ перенесли ее въ деревню Инютину, около которой (между дер. Инютиной и Ермолиномъ) у нихъ было свое кладбище. Въ концѣ XVIII ст. она снова перенесена была почему-то въ Коряково, гдѣ и существовала до 1808 года [1]). Калужскіе перекрещенцы были въ тѣсномъ общеніи съ московскими безпоповцами, а со времени основанія Московскаго Преображенскаго кладбища стали подъ начальство послѣдняго. Въ 1808 г. боровскіе безпоповцы окончательно подчиняются московскому клад-

[1]) Арх. Калуж. Губ. Правл. Дѣло № 88904

бищу. Въ этомъ году на средства кладбища крестьянами дер Коряковой Ив. Филипповымъ, Ив. Никитинымъ, Антономъ Филипповымъ и др., а также при участіи нѣкоторыхъ крестьянъ деревень Добриной и Нефедовой, была куплена въ собственность земля, въ количествѣ 3 десятинъ, у помѣщика села Пекина Енько-Доровскаго. На пріобрѣтенной землѣ Преображенское кладбище устроило скитъ, явившійся съ этого времени связующимъ звеномъ всѣхъ безпоповцевъ-перекрещенцевъ Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ. Раскольники занесли дворъ длиною въ 37 саж. и шириною въ 31 саж., перегородивъ его на двѣ половины; въ первой половинѣ по забору стояли 4 избы для жительства людей мужскаго пола, а во второй 4 избы для женщинъ, больница, скотный дворъ. Въ избахъ были сложены изразцовыя лежанки съ печами, поставлены койки, лавки и столы, содержимые „въ опрятности и чистотѣ". По срединѣ двора были вырыты колодезь, два погреба, построены сарай, баня, и отведено небольшое мѣсто для кладбища. [1]) Внутри двора стояла моленная—изба длиною 8 саж., шириною 4 саж., крытая тесомъ. Она была раздѣлена на двѣ половины, соединенныя между собою дверьми; въ обѣихъ горницахъ на полкахъ въ большомъ количествѣ стояли образа, передъ ними свѣчи въ паникадилахъ. По среднѣ первой стоялъ аналогій съ крестомъ и евангеліемъ.

Въ скиту ежедневно совершалась служба. Часа въ 4 пополудни отправлялась вечерня, и вычитывался канонъ Іисусу, а иногда и Богоматери; послѣ этого слушалось правило. Часовъ въ 7, послѣ ужина, служилось повечеріе; на другой день, часу въ 3-мъ утра, а по праздникамъ въ 2, отправляли полунощницу, утреню, первый часъ, а затѣмъ и часы. Службу отправлялъ уставщикъ. Таинствъ совершалось только два: крещеніе и покаяніе Крестили въ рѣкѣ черезъ троекратное погруженіе въ ней крещаемаго, но постриженія и помазанія не совершали. Крещенію подвергались младенцы, родившіеся отъ безпоповцевъ, и взрослые, обращавшіеся въ ихъ секту, откуда и самое названіе „перекрещенцевъ". Для совращенныхъ полагался до крещенія искусъ, который состоялъ въ томъ, что совращаемаго заставляли поститься въ теченіи шести недѣль: съ понедѣльника по пятницу ему назначали употреблять

---

[1]) Настоящее кладбище было верстахъ въ 2-хъ отъ скита на землѣ экономическихъ крестьянъ дер. Добрина и Корякова.

пищу постную безъ масла разъ въ день и лишь въ субботу и воскресенье разрѣшали ѣсть два раза и съ масломъ. За службою его ставили сзади всѣхъ, назначали ему двойное количество „моленія", т. е. земныхъ и поясныхъ поклоновъ, а передъ крещеніемъ его обязывали торжественно „объявить сомнѣніе въ вѣрѣ", что равносильно произношенію проклятія на содержимую имъ до этого вѣру. Таинство крещенія совершалъ уставщикъ, равно какъ и покаяніе. Послѣднее совершалось по требнику, при чемъ опускались священническія молитвы, но разрѣшеніе отъ грѣховъ давалъ самъ уставщикъ. На говѣющаго налагалась эпитимія, размѣръ которой опредѣлялся важностью грѣховъ; состояла она въ поклонахъ. Погребеніе также совершалось уставщикомъ по требнику, изъ коего опять таки не вычитывались священническія молитвы, хотя уставщикъ находилъ возможнымъ давать послѣднее отпущеніе грѣховъ умершему. Браковъ въ молонной не вѣнчали. Желающіе могли обращаться для вѣнчанія къ православнымъ священникамъ, но лишались за это права участвовать въ общей молитвѣ. Лишь въ случаѣ тяжкой болѣзни повѣнчанный допускался до исповѣди и въ моленную, но по выздоровленіи эпитимія на него снова налагалась. Исключеніе дѣлалось для вдовыхъ.

Въ основанномъ скиту, который до настоящаго времени извѣстенъ подъ именемъ Коряковскаго, на первыхъ же порахъ его существованія образовалось довольно многочисленное населеніе, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ окрестныхъ селеній Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ въ количествѣ до 30 человѣкъ обоихъ половъ [1]). Коряковскій скитъ былъ самый многолюдный изъ безпоповщинскихъ скитовъ въ епархіи. Въ то время какъ въ другихъ уѣздахъ безпоповщинскіе отшельники, по большей части скитницы, ютились въ бѣдныхъ избушкахъ по 2—3 человѣка, отбивая другъ у друга пасомыхъ [2]), въ боровскомъ скиту поселилось до 30 человѣкъ. Уѣздное начальство, допустившее существованіе скита, молчало про него и сбирало съ него какіе-то оброки, а безпоповцы, пользуясь свободою, настолько свободно разставляли свои сѣти, что причтъ села Ворсина почти лишился своихъ прихожанъ. Тогда изъ Калуги было назначено строжайшее слѣдствіе, и моленная была въ 1818 г. запечатана [3]).

---

[1]) Арх. Калуж. Губ. Правл. Дѣло № 88904.

[2]) Арх. Кал Дух. Консист. Дѣло отъ 1854 г., № 208.

[3]) Арх. Калуж. Губ. Правл. Дѣло № 88904.

Всѣ безпоповцы должны были находиться въ безусловномъ подчиненіи „настоятелю“, называвшемуся еще „старцемъ“, „учителемъ“. Всѣ эти „старцы“ и „учители“ большею частью были присылаемы Преображенскимъ кладбищемъ, при чемъ часто были подозрительной репутаціи Настоятель Коряковскаго скита Ив. Филипповъ былъ бродяга, крестьянинъ дер Подчеревины, убѣжавшій отъ своего помѣщика Губина въ 1815 г. въ Молдавію, откуда возвратился въ слѣдующемъ году и, назвавъ себя выходцемъ изъ за границы, приписался къ московскому мѣщанству. Онъ опредѣлился на Преображенское кладбище сторожемъ, а „попечители“ послали его наставникомъ боровскаго скита [1]). Но преображенскіе „попечители“ не стѣсняли безусловно свободу калужскихъ безпоповцевъ и дозволяли имъ иногда выбирать себѣ наставниковъ и по собственному усмотрѣнію, требуя лишь, чтобы избранные являлись къ нимъ за утвержденіемъ. Такъ въ 40-хъ годахъ въ селѣ Чертени Мосальскаго уѣзда происходили безпоповщинскія моленія въ домѣ солдатской дочери Аксиньи Тимоѳѣевой, у которой проживали крестьянскія дѣвки села Ульянина Анна Терентіева и дер. Касимовки Домна Осипова. Къ нимъ на моленія собирались безпоповцы сола Чертени. Во время моленій читала сама Тимоѳеева, а иногда и Осипова, кадилъ же „наставникъ“, крестьянинъ села Чертени Никита Герасимовъ. Кѣмъ же былъ поставленъ послѣдній? Право совершать службы Никита Герасимовъ получилъ отъ своего умершаго предшественника, который поручилъ ему исповѣдывать, хоронить и поминать умершихъ. Единовѣрцы дали ему удостовѣреніе въ томъ, что они выбираютъ его уставщикомъ, и онъ съ этимъ видомъ отправился на утвержденіе къ старцамъ Преображенскаго кладбища Одинъ изъ нихъ, Семенъ Казьминъ, сказалъ: „такъ какъ общество тебя утвердило, то и я тебя благословляю“. Съ тѣхъ поръ Герасимовъ сдѣлался наставникомъ у чертенскихъ безпоповцевъ, отправлялъ въ праздники при помощи Тимоѳеевой службу, исповѣдывалъ сектантовъ, провожалъ умершихъ съ пѣніемъ на кладбище Къ приходу его относились раскольники деревень Греченки, Тенюковки и Пореховки [2]).

Старцы и старицы приходили обыкновенно школу Московскаго Преображенскаго кладбища. Сюда стремились безпоповцы,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Арх. Кал. Дух. Консист. отъ 1854 г Дѣло за № 208.

прельщаемые разными выгодами: здѣсь помогали имъ избѣгать рекрутства или же откупаться отъ крѣпостного владѣнія. Получавшіе такую помощь уплачивали за нее личною службою, которая состояла въ томъ, чтобы приходить ежедневно въ моленныя Преображенскаго кладбища, пѣть и читать на клиросахъ, почему они и назывались „псаломщиками и псаломщицами". Жили они въ находящейся близъ Преображенскаго кладбища слободкѣ, принадлежавшей государственнымъ крестьянамъ села Черкизова, продаваясь тамъ разврату, а между тѣмъ способнѣйшіе изъ нихъ приготовлялись въ наставники для всѣхъ мѣстъ раскольническаго населенія безпоповщинской секты въ государствѣ [1]) Наскучившись развратомъ, престарѣлые безпоповцы и безпоповки шли въ качествѣ наставниковъ и наставницъ куда-нибудь въ скиты прожить покойно на щедрыхъ подачкахъ московскихъ благодѣтелей остатокъ своихъ дней. Воспитанные въ обстановкѣ грубаго разврата, эти старцы и старицы вели неприглядную жизнь и въ деревенскомъ скиту, но тѣмъ не менѣе старались пропагандировать свою секту. Противозаконныя дѣйствія Московскаго Преображенскаго кладбища, наконецъ, обратили на себя вниманіе правительства, и Императоръ Николай I въ 1854 г. повелѣлъ запечатать его, разославъ всѣхъ его обитателей по мѣстамъ жительства. Въ Боровскъ и его уѣздъ было выслано 8 человѣкъ молодыхъ людей и дѣвицъ, въ Медынь 1 дѣв. и въ Сухиничи 1 дѣв. подъ строгій надзоръ мѣстнаго гражданскаго начальства и для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на нихъ приходскихъ пастырей. [2]) Съ запечатаніемъ Преображенскаго кладбища, духовная связь калужскихъ безпоповцевъ съ Москвою не порвалась. До сихъ поръ безпоповцы на вопросъ, къ какой сектѣ они принадлежатъ, отвѣчаютъ: „мы по Преображенскому кладбищу". Но съ половины столѣтія, когда жизнь стала дороже, прекращается приливъ матеріальной помощи изъ Москвы. Тогда являются мѣстные богатые „благодѣтели", которые поддерживаютъ своихъ единовѣрцевъ. Не дали заглохнуть и Коряковскому скиту. Его взялъ подъ свое покровительство крестьянинъ село Русинова, фабрикантъ Александровъ. Въ 1867 г Коряковская моленная сгорѣла, и раскольники было начали строить новую, но преосвященный Григорій донесъ Св. Сѵноду Послѣдній, усматривая въ этомъ.

---

[1]) Арх. Калуж Дух. Конс. Дѣло № 968

[2]) Тамъ же.

нарушеніе 62 ст и примѣчанія къ ней XIV т. Уст. о пред и прес. прост., (изд. 1857 г), снесся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который предписалъ губернатору къ немедленному закрытію моленной [1]) Дѣти Александрова до сихъ поръ хозяйничаютъ въ средѣ боровскихъ безпоповцевъ Одинъ изъ нихъ, Евграфъ Александровъ, кромѣ Коряковскаго скита, устроилъ нѣчто въ родѣ такого же и на своей фабрикѣ. Съ этою цѣлью онъ отвелъ особую, уединенную и незамѣтную для посторонняго глаза комнату, и въ ней устроилъ безпоповщинскую моленную Въ ней нѣсколько образовъ, писанныхъ масляными красками, портретъ главаря-безпоповца и аналой съ книгами— вотъ все ея убранство. Но здѣсь по бокамъ комнаты стоятъ кровати и сундуки, которыя замаскировываютъ ее въ простую жилую комнату. При этой моленной постоянно живутъ отцы, старцы, уставщикъ, пѣвчіе мужскаго пола разнаго возраста, числомъ около 10, и читалки-дѣвы среднихъ лѣтъ. Отцы, уставщикъ и пѣвчіе живутъ и спятъ въ самой моленной, для чего имѣется у каждаго кровать и сундукъ; при готовомъ столѣ получаютъ отъ Александрова жалованье Обязанности ихъ заключаются въ отправленіи службъ церковныхъ и требъ. Это дѣло свое они тщательно скрываютъ. Пріѣдетъ ли въ домъ Евграфа Александрова мѣстный причтъ или мѣстная полиція,—моленная моментально пустѣетъ, всѣ эти тайные обыватели разбѣгаются: одни на кухню, другіе въ контору, третьи на дворъ. Читалки же живутъ въ особомъ флигелѣ Постояннымъ занятіемъ ихъ служитъ снованіе пряжи, за что и называется сновалками, и за эту работу, при готовомъ столѣ, получаютъ жалованье Другимъ занятіемъ ихъ служитъ несеніе особенныхъ правилъ, или вычитываніе въ извѣстный срокъ извѣстнаго числа молитвъ и положеніе поклоновъ за чьи-либо грѣхи; чаще, конечно, за грѣхи самого Александрова. Церковныя службы въ моленной совершаются ежедневно утромъ и вечеромъ; литургія замѣняется обѣдней—часами. По буднямъ въ моленную почти никто не приходитъ. Въ воскресные дни приходитъ только семейство Евграфа, именно: сестра его Мавра, невѣстка Екатерина Александрова, а иногда и братъ его Иванъ Александровъ; кромѣ того нѣкоторые изъ служащихъ на фабрикѣ и немногіе изъ Русиновскихъ при-

[1]) Записка съ изложеніемъ извлеченныхъ изъ дѣлъ Св. Синода за послѣднее десятилѣтіе свѣдѣній о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ духовнаго начальства по отношенію къ расколу. СПБ. 1874 г., стр. 267—270.

ҳожанъ-раскольниковъ. Въ большіе праздники въ моленной бываетъ больше оживленія, такъ какъ пріѣзжаютъ или приходятъ старообрядцы изъ далекихъ мѣстъ. Но совсѣмъ не узнать этой моленной въ дни храмоваго праздника с. Русинова—6 декабря и 9 мая. За нѣсколько дней до этихъ праздниковъ начинается варитьея разнообразная пища для гостей. Затѣмъ начинаются съѣздъ раскольниковъ, кажется, со всѣхъ сторонъ, гдѣ только по близости имѣются безпоповцы, и между прочимъ изъ Боровска. Лошади и экипажи ихъ устанавливаются тихо, безъ всякаго шума, въ особыхъ укромныхъ мѣстахъ. Въ день праздника въ 2 часа ночи безпоповцы становятся въ моленной на службы, которыя продолжаются часовъ до 10 дня. Затѣмъ начинается празднество, состоящее изъ обѣдовъ, ужиновъ, десертовъ. Такъ продолжается обыкновенно три дня. На четвертый день, получивъ подарки деньгами до рубля, платками и т п., гости разъѣзжаются по домамъ, всюду разнося славу о богатствахъ Александровыхъ, ихъ святой вѣрѣ, любви къ ближнимъ и ихъ благотворительности. Но этимъ не ограничивается вліяніе Евграфа Александрова на окружающее селеніе и въ особенности на прихожанъ села Русинова.

Какъ хозяинъ большой фабрики, Александровъ вліяетъ на своихъ рабочихъ. Своихъ „древлеправославныхъ“ ставитъ на болѣе выгодныя мѣста. Всѣ почти фабричные въ угоду хозяина не только сообразовываютъ свой образъ жизни съ его жизнію, но и свои воззрѣнія. Кромѣ того, при всякомъ удобномъ случаѣ Александровъ съ челядью своею всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами стараются совращать православныхъ христіанъ, особенно женщинъ. Бывали примѣры, когда Александровъ самъ открыто приходилъ въ домъ, никѣмъ не приглашенный, и, противъ воли мужа или старшихъ въ домѣ, приступалъ къ совращенію на одрѣ лежащей женщины, обѣщая ей рай въ будущей жизни и полнѣйшее матеріальное обезпеченіе въ настоящей жизни. Бывало, конечно, Александрова выгоняли вонъ съ его предложеніями; но случалось и такъ, что при помощи денегъ достигалъ своей цѣли. Вотъ одинъ примѣръ совращенія Александровымъ изъ православія въ расколъ. Крестьянка дер. Маломаховой, прихода Аграфенинскаго, Матрона Яковлева, частенько работавшая на фабрикѣ, отъ старости и болѣзни пришла въ бѣдность. Чрезъ своихъ сновалокъ онъ предлагаетъ ей перейти жить въ моленную. Матрена Яковлева, доведенная лишеніями до крайности, согласилась. Тутъ ей дали хорошую

обувь, бѣлье, платки и всякую одежду. Приставили къ ней особенную дѣвку—сновалку, которая ухаживала за нею и прислуживала. Пищу давали отличную. Каждый день служба для успокоенія души. Понравилось старухѣ житье. А тутъ старцы-отцы и сновалки постоянно похваляли вѣру свою. „Хорошо тебѣ тутъ жить, а если примешь нашу святую вѣру, то на томъ свѣтѣ въ милліонъ разъ лучше будетъ. Грѣховъ у тебя много, въ своей вѣрѣ ты прощенія въ нихъ получить не можешь; а къ намъ какъ пройдешь, какъ перекрестимъ мы тебя, то всѣ твои грѣхи, какъ съ гуся вода! И роднымъ твоимъ будетъ хорошо: Евграфъ Александровъ дастъ и корову, и лошадь, и денегъ.“ Великъ былъ соблазнъ, но и крѣпко была привержена старуха ко св. православной церкви: ни за что не хотѣла она измѣнять своей вѣрѣ. Тогда Александровъ приказываетъ своимъ отцамъ перекрестить Матрену Яковлеву силою, говоря: „старуха не понимаетъ своей выгоды“, и назначилъ для этого ночь 1 января, а мѣстомъ крещенія прорубь при селѣ Красномъ, гдѣ у Александрова имѣется особое помѣстье. Красное отъ Русинова отстоитъ верстахъ въ 9-ти. Насталъ вечеръ подъ 1 января. Одѣли въ хозяйскія шубы Матрену Яковлеву, посадили въ сани и повезли въ Красное. Пріѣхали. „Страшный морозъ“,—говорятъ между собою старцы: „если мы станемъ крестить ее въ проруби, то она не вынесетъ—умретъ“, и рѣшились ее окрестить на дому въ чану. Нашли бочку, поѣхали за водой, привезли воду на дворъ; но тутъ почему-то полопались обручки на бочкѣ, и вода разлилась. „Ну, сказали отцы, видно судьба старухѣ креститься въ рѣкѣ Протвѣ“. Вотъ какъ она сама разсказывала про это ужасное дѣло. „Раздѣли меня, сняли бѣлье съ меня и на голое тѣло надѣли опять хозяйскую шубу и отправились на рѣчку. Кромѣ старцевъ, со мною была дѣвка Анисья Иванова и крестьянинъ Дороѳей Степановъ, которые должны быть моими воспріемниками. Дорогой молилась я Богу, чтобы Онъ не допустилъ мнѣ погибнуть. Пришли на прорубь. Вижу идетъ по дорогѣ народъ на ярмарку въ Боровскъ. Что есть мочи закричала я тутъ; думаю: съ дороги услышатъ меня и отымутъ. Въ одинъ моментъ тогда сняли съ меня шубу, схватили за руки и за ноги и бросили въ воду. Во все тѣло мое впились тутъ леденящія иглы холодной воды. Какъ стрѣла, бросилась я со дна къ верху, но не выскочила на свѣтъ Божій; о что то твердое стукнулась головой. Ну, думаю, подъ ледъ попала. Что было дальше, не помню. Пришла

въ себя уже тогда, когда была одѣта опять въ шубу. Чувствую, лежу въ какомъ-то странномъ холоду и слышу старецъ говоритъ: „что жъ имя то ей забыли дать?“, а другіе отвѣчаютъ: „ну чтожъ! была Матрена; пусть и теперь будетъ Матреной!“ Послѣ, чрезъ шесть недѣль мнѣ моя новая крестная мать говорила, что когда опускали меня въ прорубь, то я выскользнула изъ рукъ старцевъ, и меня съ трудомъ нашолъ отецъ въ проруби и за волоса вытащилъ вонъ. Вотъ что испытала несчастная Матрена Яковлева! Черезъ нѣсколько времени Матрену Яковлеву отпустили изъ молонной; при этомъ Александровъ исполнилъ свое обѣщаніе: далъ ей корову и 50 руб. Но черезъ нѣсколько времени она снова возвратилась въ лоно православной церкви [1]). Будетъ-ли поддерживать скитъ и заниматься совратительствомъ братъ Евграфа, недавно умершаго, Иванъ, покажетъ будущее, хотя едва ли скупость дозволитъ ему тратить на это свои громадные капиталы.

Кромѣ указанныхъ безпоповцевъ, такъ называемыхъ перекрещенцевъ, т. е принимающихъ въ свою секту чрезъ крещеніе, въ Боровскомъ уѣздѣ и, лишь единичными случаями, въ самомъ Боровскѣ есть безпоповцы, именующіе себя „трехъ-начальными христіанами“ [2]). Въ простонародьи ихъ называютъ воздыханцами, но скорѣе эта секта приближается къ Бабушкиному или Спасову согласію. Исторія возникновенія и сущность секты „трехъ-начальныхъ христіанъ“, какъ объяснили ее сами сектанты на разспросы своихъ приходскихъ священниковъ, слѣдующая.

Послѣдователи секты „трехъ-начальныхъ христіанъ“ до постройки Московскаго Преображенскаго кладбища были во всемъ единомысленны съ перекрещенцами-ѳедосѣевцами. Но вотъ явился ревностный фанатикъ безпоповщинскаго толка, извѣстный Илья Алексѣевъ Ковылинъ, которому задумалось вмѣстѣ съ другими, тоже московскими обывателями и такого же религіознаго покроя, построить въ Преображенскомъ, подмосковномъ селѣ, по подобію православныхъ, безпоповщинскій монастырь [3]). А это не иначе можно было сдѣлать, какъ подъ именемъ богадѣльнаго дома и при томъ съ разрѣшенія Высочайшей власти. Такъ и было сдѣлано. Они просили о постройкѣ богадѣльни и при томъ съ обѣщаніемъ

---

[1]) Отч Бр Преп. Пафнутія за 1896—1898 г.г., стр. 63—68.

[2]) Арх. Кал. Дух. Консист Дѣло № 899.

[3]) Преображенское кладбище основано въ 1771 г.

молиться о здравіи и спасеніи царя, чего у нихъ прежде никогда не дѣлалось, да и теперь считается тяжкимъ грѣхомъ. Это просьбенное обѣщаніе молиться за царя и заставило нѣкоторую часть отложиться отъ цѣлаго безпоповщинскаго ѳедосѣевскаго общества. Отдѣлившіеся обратили все свое вниманіе на церковный уставъ и, по разсмотрѣніи его, оказалось, что практика церковныхъ заправленій и дѣйствій почти вся принадлежитъ однимъ архіереямъ и священникамъ, а не мірянамъ; вслѣдствіе чего они стали такъ разсуждать, что отдѣлить изъ оной практики какую-либо часть для себя будетъ недостаточно, а больше оставить было бы незаконно. Разсуждая такъ, протестанты-ѳедосѣевцы пришли къ такому заключенію: „такъ какъ священства нынѣ нѣтъ, потому что время антихристово настало, поэтому церковные уставы устали, кормчая не кормитъ, правила не правятъ, и кануны потонули, и намъ простецамъ осталось лишь держаться „трехъ началъ", кои одни только, взамѣнъ всей церковной практики, они и усвоили въ богослуженіи Отсюда и стали называть себя „трехъ-начальными христіанами".

Что же собственно означаетъ раскольническій началъ? Началъ раскольническій состоитъ изъ слѣдующихъ молитвенныхъ реченій и поклоновъ. Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному (поклонъ); создавый мя, Господи, помилуй мя (другой поклонъ); безъ числа согрѣшихъ, прости и помилуй мя (третій поклонъ—всѣ поясные)! Потомъ: Достойно есть яко во истину блажити тя, Богородицу... (послѣ сей богородичной пѣсни полагаютъ земной поклонъ). Далѣе: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (поклонъ) нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ (другой). Господи помилуй—трижды (поклонъ третій—всѣ поясные). Потомъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ и всѣхъ святыхъ твоихъ, помилуй и спаси насъ, яко благъ и человѣколюбецъ (земной поклонъ). Этотъ раскольническій началъ долженъ быть употребляемъ до 3 разъ въ собраніяхъ, до 3 разъ утромъ и вечеромъ, и между началами не полагается дѣлать никакого промежутка; а послѣ того, въ теченіе всего дня вмѣняется въ обязанность непрестанно творить Іисусову молитву: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!

Сущность секты „трехъ-начальныхъ христіанъ" состоитъ въ слѣдующемъ. Время антихристово настало, а потому нѣтъ священства; нѣтъ священства,—не можетъ быть ни полнаго богослуженія, ни полноты таинствъ; міряне же не имѣютъ права предвосхищать

власти священниковъ. Поэтому у нихъ не бываетъ того формальнаго богослуженія, какое бываетъ у безпоповцевъ еедосѣевцевъ, и они ограничиваются, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ раскольническимъ началомъ. Тѣмъ не менѣе моленія у нихъ совершаются, и совершаются слѣдующимъ образомъ. Входя въ домъ, кланяются другъ другу въ ноги, старики кланяются только въ поясъ, и всѣ безъ исключенія цѣлуютъ другъ друга; то же дѣлаютъ и уходя изъ собранія При этомъ входящіе произносятъ нѣкоторыя привѣтствія, наприм.: „Христосъ прислалъ вамъ поклонъ со всѣхъ сторонъ“, или: „рабы Христовы вамъ кланяются“; привѣтствуемые на это отвѣчаютъ благодарностью. Или входящій произноситъ: „Христосъ посредѣ насъ“, а присутствующіе: „есть и будетъ“. Собравшіеся избираютъ кого-либо изъ своей среды совершать богослуженіе Избранный проситъ у народа разрѣшенія на начало молитвы, и старшій изъ народа говоритъ: „за молитвы святыхъ отецъ нашихъ“... Тотъ отвѣчаетъ. „аминь“ и читаетъ начало. Послѣ сего они кладутъ поклоны за службы по лѣствамъ съ молитвою Іисусовою. Въ праздники Божіей Матери и великихъ святыхъ, сверхъ положенныхъ за службы поклоновъ, отмаливаютъ лествицу или двѣ Божіей Матери съ молитвою: „Пресвятая Госпоже Богородице, спаси насъ“ и святому также съ подобающей молитвою. Далѣе, у нихъ бываетъ малый отпустъ, похожій на употребляемый въ православной церкви. Затѣмъ читается молитва: „ненавидящихъ и обидящихъ“... (на повечеріи), въ которой, однако, опущено моленіе за царя. Наконецъ, происходитъ чтеніе книги какого-либо св. отца, толковаго апокалипсиса, прологовъ или даже легендъ чисто раскольнической работы, хотя это ужъ и не включается въ порядокъ службы и совершается большею частью сидя. Читаетъ книгу старшій, при чемъ прочитанное толкуется. Слушатели внимаютъ толкователю, а иногда и сами принимаютъ участіе въ объясненіи, и тогда начинаются безконечныя и безсмысленныя рѣчи и споры о вѣрѣ. Вотъ образчикъ такового толкованія Читаетъ, наприм., старшій 12 главу апокалипсиса и поясняетъ, что два орлиныхъ крыла, данныхъ женѣ, облеченной въ солнце, означаютъ два таинства, крещеніе и покаяніе, которыхъ, по мнѣнію сектантовъ, вполнѣ достаточно для спасенія. Кромѣ чтенія съ объясненіемъ, бываетъ пѣніе псалмовъ, исполняемое дѣвками по крюкамъ. Поютъ также стихи раскольническаго сочиненія въ родѣ, наприм.: „о горе мнѣ грѣшному су-

щу, горе благихъ дѣлъ не имущу"... Моленія обыкновенно продолжаются до полуночи и заканчиваются „святымъ" ужиномъ, приготовляемымъ хозяиномъ того дома, гдѣ было собраніе.

Такъ какъ патріархъ Никонъ, учатъ „трехъ-начальные христіане", порушилъ вѣру, и теперь настало царство антихриста, то каждый долженъ спасаться, какъ кого Спасъ научитъ. Каждый христіанинъ добрыми дѣлами можетъ сдѣлаться іереемъ и даже царемъ: „сотворилъ есть цари и іереи Богови". Разбойникъ на крестѣ и Іоаннъ Креститель спаслись безъ причастія; крестить должно, но можно дозволить и простецу, такъ какъ нѣкоторые святые крестили, не будучи священниками. Дѣйствительно, крещеніе у „трехъ-начальныхъ" совершаютъ старшіе, мужчины или женщины. Такъ какъ причащаться они не имѣютъ возможности, за отсутствіемъ священниковъ, то говорятъ, что они утоляютъ гладъ духовный добрыми дѣлами, отъ коихъ и пріобщаются. Исповѣдываться сектанты считаютъ необходимымъ, но опять таки, за неимѣніемъ священниковъ, исповѣдываются другъ другу, предоставляя право каждому избрать себѣ по совѣсти „мужа мудра". Нѣкоторые изъ „трехъ-начальныхъ" разсказываютъ свои грѣхи всей братіи, какъ и было, говорятъ они, въ древней церкви. На вопросъ же: кто прощаетъ и разрѣшаетъ грѣхи? они отвѣчаютъ: „Самъ Господь Богъ"; поэтому у насъ всѣ равны, и мы не имѣемъ нужды въ попахъ. При исповѣди потребника въ руки не берутъ, считая это за грѣхъ, хотя на столъ его и кладутъ, думая, что онымъ можно и должно руководствоваться только однимъ священникамъ. Брака „трехъ-начальные" не признаютъ; впрочемъ, съ наложеніемъ нѣкотораго наказанія, терпятъ обратившихся въ ихъ секту супруговъ. Если кто изъ нихъ женится или вступитъ въ замужество, того отлучаютъ и дѣвкамъ, впадшимъ въ худую жизнь, налагаютъ наказанія. При похоронахъ поютъ канонъ за умершихъ, по покойникамъ читаютъ псалтирь отъ 3-хъ дней до года, смотря по состоянію умершаго. Употребляютъ больше мѣдныя иконы и кресты (крестъ принимаютъ безъ титла), а иконъ, писанныхъ красками, не употребляютъ. Масла деревяннаго для иконъ также не употребляютъ, считая за грѣхъ, такъ какъ оно изъ невѣрныхъ рукъ идетъ Ладона для кажденія также не употребляютъ, считая кажденіе правомъ однихъ священниковъ. „Трехъ-начальные" представляютъ изъ себя замкнутую секту и принимаютъ въ нее лишь черезъ перекрещиваніе. На себя они смотрятъ, какъ

на „духовныхъ монаховъ, проводящихъ высшую христіанскую жизнь“. Изъ женщинъ нѣкоторыя носятъ названіе „Богородицъ“.

Первоначальное гнѣздо секты „трехъ-начальныхъ христіанъ“ находилось въ Коломенскомъ и Рузскомъ уѣздахъ Московской губерніи и оттуда уже секта проникла въ Боровскій уѣздъ. Но когда, достовѣрно неизвѣстно; хотя, судя по тому, что ея послѣдователи въ Боровскомъ уѣздѣ большею частью были уклонившіеся лишь въ расколъ изъ православія, можно полагать, что она привилась въ уѣздѣ лишь въ 50 или 60-хъ годахъ, но быстро завоевала себѣ симпатіи мѣстнаго населенія. Въ Боровскомъ уѣздѣ „трехъ-начальные“ явились въ деревняхъ Рѣдькиной, Ильиной, Климонтиной, Денисовой, Пекинѣ, Воробьяхъ, Истьи, Грачевкѣ, Кисловѣ, Балабановой, сельцѣ Никитскомъ, деревняхъ: Аристовой, Бураковой, Прокопинѣ, Шемякиной, Слободкахъ, Шитаевой, сельцахъ: Константиновѣ и Астрѣевѣ. По списку 1872 г. „трехъ-начальныхъ“ насчитывали въ количествѣ 103 человѣкъ.

Изъ Боровскаго уѣзда секта проникла въ Малоярославецкій, но число ея послѣдователей здѣсь неизвѣстно. Главными распространителями секты въ Боровскомъ уѣздѣ были крестьянинъ дер. Аристовой, Иклинскаго прихода, Стефанъ Исаевъ, который совратился въ расколъ изъ православія, какъ видно изъ духовныхъ росписей, въ 1855 году; дер Киселевой, Спасъ-прогнанскаго прихода, крестьянинъ Панферъ Тимоѳеевъ Кондаковъ, но самымъ дѣятельнымъ оказался крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда, дер. Орѣховой, Евграфъ Егоровъ. Поселившись въ Боровскомъ уѣздѣ, онъ въ 60 и 70-хъ годахъ былъ главнымъ руководителемъ и распространителемъ секты.

Русскій расколъ, какъ основанный на несознательномъ протестѣ, въ самомъ себѣ носитъ разлагающее начало. Отсюда его дробленіе на массу сектъ. Поражаетъ лишь способность неразвитаго религіознаго сознанія соединять привязанность къ авторитету съ рѣзкимъ отрицаніемъ. Малѣйшій внѣшній поводъ вызываетъ движеніе, разрѣшающееся дробленіемъ секты. Это особенно замѣтно въ безпоповщинѣ, гдѣ поистинѣ: „что деревня, то вѣра“. Не избѣгли разложенія и „трехъ-начальные“ боровскіе раскольники. Расколъ въ сектѣ обнаружился по слѣдующему поводу. Вышеупомянутый Евграфъ Егоровъ воспользовался своимъ авторитетнымъ положеніемъ ревнителя и вожака толка, чтобы извлечь изъ этого матеріальныя выгоды. Вмѣсто бывшихъ только въ употребленіи мѣдныхъ иконъ,

онъ сталъ выпускать и распространять иконы собственнаго письма, которыя отличались особенно грубымъ и сердитымъ видомъ изображаемыхъ. [1]) Къ этому присоединилось еще слѣдующее обстоятельство. Въ прежнее время „трехъ-начальные“ не ѣли мяса, картофеля, не пили вина, кофе, чая и не носили щегольской одежды; но тотъ же Евграфъ Егоровъ, сдѣлавшись изъ бѣдняковъ богатымъ на счетъ своихъ единовѣрцевъ, самъ сталъ все пить и ѣсть, носить хорошую одежду и разрѣшать тоже дѣлать и всѣмъ сектантамъ. Такія новшества возбудили неудовольствія среди болѣе строгихъ единовѣрцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ стали протестовать. Кончилось тѣмъ, что часть отложилась, и такимъ образомъ возникли два толка въ сектѣ, получившіе свое названіе отъ имени вожаковъ—Евграфовы и Алексѣевы. Сектаторы прекратили между собою всякое общеніе. Отличительнымъ признакомъ Алексѣевой секты служитъ строгость въ одеждѣ, которая доходитъ до того, что запрещается носить, наприм., картузъ, поддевку, потому что они татарскаго происхожденія, ситцевое бѣлье, которое обрабатывается изъ хлопка, идущаго отъ невѣрныхъ; по этимъ же мотивамъ они не пьютъ чая, не ѣдятъ картофеля и т. п. Въ настоящее время всѣхъ послѣдователей Алексѣева толка въ Боровскомъ и Малоярославецкомъ уѣздахъ не болѣе 50 человѣкъ, но зато сплоченныхъ между собою. Евграфова секта многочисленнѣе.

Въ Боровскомъ уѣздѣ, а главнымъ образомъ въ самомъ городѣ Боровскѣ, есть сектанты, носящіе странное названіе „селезней“. Ни раскольники другихъ толковъ, ни православное духовенство города не знаютъ, въ чемъ заключается сущность „селезневщины“. Ихъ сближали, какъ и теперь сближаютъ, съ такъ называемыми „тайными“ раскольниками, т. е. съ лицами, скрывающими почему-либо свою принадлежность къ расколу. „Секта селезневщина“, доносилъ въ 1854 г. преосвященному Григорію боровскій протоіерей Чертковъ: „ближе другихъ сектъ къ церкви. Послѣдователи ея принимаютъ въ свои дома священниковъ для исправленія требъ, кромѣ исповѣди и св причастія Въ послѣднемъ случаѣ они сходятся съ тайными раскольниками, отличаясь отъ нихъ

[1]) Въ особомъ ходу былъ образъ, называемый „Благое Молчаніе“, на которомъ писался Спаситель въ отроческомъ видѣ, въ длинной и широкой, подобно архіерейской, одеждѣ, надъ головою Его изрисовано въ видѣ грубаго сіянія, по полямъ сего образа написаны апостолы и другіе святые.

лишь тѣмъ, что тайные раскольники ходятъ на исповѣдь къ раскольническимъ попамъ въ Москвѣ или Тулѣ, а селезневцы къ простецамъ изъ своей братіи и въ семъ случаѣ сливаются съ перекрещенцами". Но нѣкоторыя данныя проливаютъ свѣтъ на сущность этой секты.

Въ отчетѣ о состояніи Калужской губерніи за 1842 г. начальникъ губерніи доносилъ, между прочимъ, что „въ Боровскѣ существуетъ особаго рода секта, послѣдователи коей, называющіе себя Иларіоновцами (въ простонародьи Селезневцы), принадлежатъ къ числу вредныхъ сектаторовъ". На предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній, г. губернаторъ донесъ, что „секта иларіоновцевъ возникла съ давнихъ временъ и получила названіе отъ учредителя оной; основное отличіе сей ереси состоитъ въ совершеніи таинства причащенія: часть даровъ, сохраняемую иларіоновцами будто бы съ самаго отпаденія отъ православія, они запекаютъ въ каравай, которымъ и пріобщаются каждый въ своемъ семействѣ" [1]). Откуда заимствовалъ губернаторъ извѣстія о сектѣ, мы не знаемъ; но что они могутъ быть справедливы, за это говоритъ слѣдующее. Среди многихъ брынскихъ скитовъ святитель Димитрій Ростовскій указываетъ и скитъ иларіоновцевъ, о которыхъ ему сообщили слѣдующее; „въ томъ скитѣ простіи неосвященніи попами дѣлаются, а причащеніе и муро, сказуютъ, прежде Никона патріарха освященное. [2]) Очевидно, что иларіоновщина боровская и брынская одна и та же, именно, послѣдняя есть родоначальница первой.

Когда занесена въ Боровскъ секта иларіоновская, не извѣстно, но еще по полицейскому списку 1826 г. всѣхъ сектантовъ значилось 15 человѣкъ мужскаго пола, изъ конхъ къ 1844 году четверо умерли, двое гдѣ то странствовали, одинъ обратился въ православіе. Судебнымъ слѣдствіемъ въ этомъ году было обнаружено, что изъ указанныхъ городничимъ лицъ лишь Касаткинъ заявилъ, что онъ придерживался секты иларіоновщины. „Я, Герасимъ Касаткинъ, показалъ онъ, [3]) занимаясь чтеніемъ старопечатныхъ книгъ, имѣлъ нѣкоторое расположеніе къ сектѣ, именуемой иларіоновщина или по простому названію селезневщина, и послѣдовалъ нѣсколько

---

[1]) Арх. Кал. Дух Конс. Дѣло № 41.
[2]) Розыскъ, л. 39.
[3]) Арх. Кал. Дух. Конс. Дѣло № 199.

лѣтъ втайнѣ уставамъ той секты, по которой не былъ многіе годы на исповѣди и у св. причастія, но не отдѣлялся совершенно отъ православной церкви, а заимствовался прочими таинствами и обрядными требоисправленіями отъ приходской церкви". Касаткинъ далъ подписку въ томъ, что онъ приметъ православіе и, дѣйствительно, 7 марта 1845 г. исповѣдывался и причащался; но жена и дочь его, не смотря на увѣщанія православнаго духовенства, отказались возсоединиться съ православной церковью.

Семейство Касаткиныхъ стояло во главѣ селезневской секты. На усадьбѣ Касаткина, въ Молчановской улицѣ, были выстроены избы, носившія названія келлій, гдѣ проживали заправилы илларіоновской секты. Въ одной избѣ проживали 60-ти лѣтняя крестьянская дѣвка, Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, Фекла Антонова и дочь Касаткина 46-ти лѣтняя дѣвка Авдотья Герасимова. Въ другой проживали крестьянинъ Медынскаго уѣзда, дер. Орлицъ, Яковъ Ѳедотовъ съ дочерью Натальею и сестрою Касаткина Акулиною Въ третьей—самъ Касаткинъ съ женою. Яковъ Ѳедотовъ былъ уставщикомъ, роль котораго раньше исполнялъ нѣкто Дементій Глухаревъ, отчего и самая секта была извѣстна подъ именемъ „Дёминой." [1]) Въ видахъ пропаганды, онъ держалъ у себя 3—4 мальчиковъ, которые занимались чтеніемъ псалтири, а затѣмъ должны были расходиться въ качествѣ уставщиковъ по селеніямъ, зараженнымъ этою сектою. Проживавшія въ келліяхъ дѣвки занимались вышиваніемъ вѣнчиковъ, возлагаемыхъ на умершихъ. Роль попа играла вышеозначенная дѣвка Ѳекла. Къ ней собирались какъ боровскіе, такъ и окружные „селезни" для исповѣди и причащенія, которыя она совершала въ особой для сего одеждѣ, съ распущенными волосами и съ повязкою на головѣ изъ позумента.

Когда полиція въ 1854 г. выслала изъ города уставщика Якова Ѳедотова, эта секта повидимому почти прекратилась, но вѣрнѣе она скрылась подъ другими названіями, потому что послѣдователи ея стыдились замѣтно названія секты. Такъ, подозрѣваемые въ этой сектѣ на увѣщаніи въ боровскомъ духовномъ правленіи объявили себя или православными или принадлежащимъ къ поповщинской сектѣ „по Рогожскому кладбищу". Изъ селеній, зараженныхъ селезневщиной, въ 50-хъ годахъ были извѣстны Гра-

[1]) Дементій нажилъ на этой сектѣ значительный капиталъ, который передалъ своимъ сыновьямъ Якову и Авксентію.

чевка и Желѣзный Заводъ. Въ настоящее время эти сектанты имѣются какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, но сравнительно не въ большомъ количествѣ

Въ чемъ заключается сущность секты, установить трудно Изъ показаній допрошенныхъ селезней видно лишь, что они принадлежатъ къ безпоповщинскому толку съ его ученіемъ о пришествіи антихриста. Но указаніе губернатора на то, что они сохраняютъ причащеніе якобы первыхъ патріарховъ, несомнѣнно заставляетъ насъ отождествить секту иларіоновцевъ боровскихъ съ иларіоновцами брынскими. Св. Димитрій указываетъ нѣкоторыя черты этой секты въ Розыскѣ. Говоря о безпоповщинскихъ сектахъ: волосатовщины, андреевщины и иларіоновщины, св. Димитрій замѣчаетъ, что послѣдователи этихъ сектъ сами крестятъ, исповѣдуютъ, постригаютъ въ иночество, молитвятъ роженицъ и читаютъ умершимъ разрѣшительную молитву. Ссылаясь на кормчую книгу, они утверждаютъ, будто бы можно и бабамъ тайну крещенія совершати Бракъ отрицается, допускается совмѣстное жительство половъ безъ вѣнчанія. „Причастіе у нихъ сказуютъ давное, еще прежде Никона патріарха аки бы освященное. И егда того причастія не станетъ, дѣлаютъ тѣсто прѣсное, и растерши, остающуюся часть причастія на муку, посыпаютъ тѣмъ тѣсто, и дѣлаютъ просфоры большія, чтобъ надолго стало, и пекутъ, и разсылаютъ по своимъ толкамъ, сказующе, яко то тѣло Христово есть Егда же паки не стаетъ, паки такожде просфоры дѣлаютъ, посыпающе тѣсто растертое на муку остающею частію, и тако у нихъ древно причастіе, яко бы прежде Никона освященное, никогда же не умолеется“ [1]).

Замѣчательно, что при обыскѣ въ келіяхъ Касаткина найдено было очень мало книгъ, именно: двѣ псалтири, о пришествіи антихриста, часовникъ и уставъ домашней молитвы.

По свидѣтельству боровскихъ миссіонеровъ, секта иларіоновцевъ въ настоящее время немногочисленна, и послѣдователи ея скрываютъ свою принадлежность къ ней.

Ученіе безпоповцевъ, будучи проведено послѣдовательно, ведетъ къ полнѣйшему отрицанію церкви съ ея таинствами и обрядами. Безпоповцы калужской епархіи, раздробившіеся на нѣсколько сектъ, въ концѣ концовъ дошли и до этого. Среди нихъ въ самомъ

[1]) Розыскъ, л. 347.

гор. Калугѣ явилась секта такъ называемыхъ воздыханцевъ. Когда возникла эта секта, по видимому чисто мѣстнаго происхожденія, точно неизвѣстно, но М. С. Дударевъ еще въ 50-хъ годахъ въ Калугѣ встрѣтилъ среди „малинницъ“ воздыханку—старуху Борисьевну, которая на высказанное имъ желаніе побесѣдовать о вѣрѣ отвѣтила: „Вѣръ-то всякихъ теперь такъ много расплодилось, что и не перечтешь; но это не суть вѣры христіанскія, а прелести антихриста, который царствуетъ на землѣ уже двѣсти лѣтъ“.—„Какая же истинная-то вѣра“? спросилъ пришедшій. „Теперь истинной вѣры не сыщешь на землѣ, отвѣтила Борисьевна, улетѣла она въ пресвѣтлыя небеса, къ престолу Божьему и тамъ пребываетъ вмѣстѣ съ ангелами и архангелами и со всѣми небесными силами, съ ликами пророковъ, апостоловъ, преподобныхъ и мучениковъ. Да, мой роднешькій, нѣтъ теперь истовой христіанской вѣры“.—„А ты то, Борисьевна, какой вѣры держишься“?—„Вѣрую въ Господа Спасителя, на Него единаго надѣюсь, Ему служу, Ему поклоняюсь“. Борисьевна слыла въ городѣ за старицу, которая, „всю глубину писанія проникла“ [1]). Повидимому это разсужденіе воздыханки-безпоповки, но уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ роли распространителя и главнаго руководителя той же секты воздыханцевъ выступилъ башмачникъ Иванъ Тихоновъ Ахлебининъ (ранѣе принадлежавшій къ православной церкви), въ рукахъ котораго секта является уже чисто раціоналистической. Будучи грамотнымъ, Ахлебининъ собиралъ къ себѣ калужскихъ простаковъ изъ старообрядцевъ и православныхъ и читалъ имъ евангеліе, апостолъ и др. книги, но при этомъ пускался въ толкованія непонятныхъ для слушателей мѣстъ, при чемъ искусно сопоставляя прочитанное съ современными явленіями церковной и религіозно-нравственной жизни. Скоро неизвѣстный до того башмачникъ пріобрѣлъ славу „внятнаго чтеца и толкователя божественныхъ книгъ“. Аудиторія Ахлебинина увеличилась, увлекаемая его краснобайствомъ, и онъ, пріобрѣтши вліяніе на слушателей, сталъ рѣзко отзываться о церкви, таинствахъ, обрядахъ и т. д Распространеніе секты пошло еще успѣшнѣе послѣ того какъ Ахлебининъ пріобрѣлъ себѣ помощника въ лицѣ мѣщанина Захара Никитина Чернышева, который пропагандировалъ начала воздыханской ереси въ

[1]) М С Дударевъ Воспоминанія о моей жизни въ расколѣ и по выходѣ изъ раскола, стр. 41.

домахъ калужанъ. Напрасно заправилы часовеннаго общества, желая прекратить распространеніе воздыханской секты, вступали въ словопренія съ Ахлебининымъ, для чего однажды приводили къ нему даже своего малограмотнаго попа, но распространитель секты не отказался отъ своего лжеученія и продолжалъ еще добывать къ себѣ изъ рядовъ старообрядцевъ, нерѣдко даже наиболѣе закоснѣлыхъ. Его вліяніе на темную массу было такъ сильно, что достаточно для нѣкоторыхъ было два раза побывать на его чтеніяхъ, чтобы стать ярымъ послѣдователемъ ученія воздыханцевъ.

Догматика воздыханской секты не сложна, она состоитъ главнымъ образомъ въ отрицаніи церкви со всѣми ея установленіями. Исходною точкою ученія сектантовъ служитъ та мысль, что ученіе Христа искажено церковью, которая затмила единую истину Христа. Какъ же можно познать Его? А исключительно, читая слово Божіе, чѣмъ человѣкъ освобождается и отъ грѣховъ, и отъ дѣлъ закона, т. е. исполненія закона Божія, занятіе словомъ Божіимъ есть истинное служеніе Богу-Духу, т. е. служеніе разумное, сознательное Но понимать слово Божіе надо духовно. Толкуютъ его и православные, но они понимаютъ его не такъ, какъ нужно, а потому ихъ руководителей-священниковъ слушать не слѣдуетъ. Если нѣтъ на землѣ церкви, то не нужны ни священнодѣйствія, ни приношенія, ни внѣшніе обряды. Въ церковь ходить не слѣдуетъ, потому что это простое лишь зданіе, „овощное хранилище“, и молящійся на нее камнямъ молится. Св. иконамъ поклоняться не слѣдуетъ, ибо это бездушное вещество, а не Богъ; Бога никто не видалъ и видѣть никто не можетъ. Таинство крещенія для воздыханцевъ простое омовеніе плоти, исповѣдь передъ священникомъ не нужна, потому что, говорятъ они, сказано: „исповѣдайтеся Господеви“, а не человѣку. Всякій самъ какъ упалъ, такъ и поднимайся, а подниматься надо такъ: когда ложишься спать, то припомни содѣянное тобою и воздохни къ живому Богу,—и проститъ тебя Богъ. Особенно хульно отзываются воздыханцы о таинствѣ евхаристіи. Отвергнувъ церковь со всѣми ея воспитательными учрежденіями, воздыханцы проповѣдуютъ полный произволъ въ пищѣ, брачной жизни и т. п. [1])

Въ 1871 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ доставилъ Оберъ-Прокурору Св. Сѵнода представленіе калужскаго губернатора о

---

[1]) Кал. Еп. Вѣд. 1873 г., №№ 1 и 2.

появившейся въ Калугѣ сектѣ воздыханцевъ съ просьбою сдѣлать отзывъ. Св. Сунодъ распорядился, чтобы преосвященный сдѣлалъ вразумленіе Ивану Тихонову Преосвященный Григорій самъ бесѣдовалъ съ Ахлебининымъ, но тотъ обнаружилъ упорство; тогда владыка приказалъ благочинному и приходскому священнику имѣть особенное наблюденіе за сектантами. Въ октябрѣ 1873 г министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Оберъ-Прокурору Св. Сунода, что судебный слѣдователь калужскаго окружнаго суда, производящій слѣдствіе о воздыханцахъ, проситъ министерство объ увѣдомленіи: 1) не составляетъ ли эта секта выродившейся безпоповщинской секты или какой либо другой существующей въ другихъ мѣстахъ; 2) можетъ ли она, какъ выразился о ней калужскій преосвященный, относиться къ сектамъ особенно вреднымъ не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Св. Сунодъ увѣдомилъ министра, что подъ видомъ духовнаго христіанства проводится въ простой народъ полнѣйшій матеріализмъ, отвергающій всѣ религіозныя учрежденія и внушающій безграничную свободу въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ и имѣя въ виду, что воздыханцы не только отвергаютъ таинства, но и кощунственно порицаютъ ихъ, а потому нашелъ, что секту слѣдуетъ признать особенно вредною въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. [1])

---

[1]) Записка съ изложеніемъ извлеченныхъ изъ дѣлъ Св. Синода за послѣднее десятилѣтіе свѣдѣній о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ духовнаго начальства по отношенію къ расколу СПБ. 1874 г., стр 267—270.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

ГЛАВА I *Насажденіе и распространеніе раскола старообрядства въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи; состояніе его въ XVIII вѣкѣ.*

Мѣстныя условія, способствовавшія насажденію и распространенію раскола старообрядства въ продѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи. Насажденіе раскола въ Боровскѣ, Калугѣ и Брынскихъ лѣсахъ. Данныя о состояніи раскола въ Калужскомъ краю въ XVIII столѣтіи до времени учрежденія самостоятельной Калужской епархіи ..... 3—34

ГЛАВА II *Состояніе мѣстнаго раскола отъ учрежденія Калужской епархіи до царствованія Александра II.*

Состояніе раскола въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I ..... 35—98

ГЛАВА III *Состояніе мѣстнаго раскола съ царствованія императора Александра II до настоящаго времени.*

Перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ раскольникамъ въ царствованіе императора Александра II. Предложеніе преосвященнаго Григорія о высылкѣ боровскихъ „большаковъ“ и отношеніе къ нему калужскаго губернатора В. А. Арцимовича. Отношеніе мѣстныхъ раскольниковъ къ австрійской іерархіи и дѣленіе ихъ на окружниковъ и противоокружниковъ. Разочарованіе раскольниковъ въ австрійской іерархіи. Дѣятельность миссіонерскихъ братствъ ..... 99—130

ГЛАВА IV. *Единовѣріе въ Калужской епархіи.*
Единовѣріе въ Калугѣ, Боровскѣ и Сухиничахъ..... 131—153

ГЛАВА V. *Безпоповщинскія секты и секта воздыханцевъ.*
Безпоповщинскія секты: перекрещенцы, трехъ-начальные христіане, селезни. Воздыханцы .... 154—173

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка сверху.	Строка снизу	Напечатано.	Читать.
17	—	8	старицци	старицы
20	16	—	ученія	ученію
21	—	7	илріоновщина	иларіоновщина
24	8	—	внутреняя	внутренняя
33	—	5	по нѣсколъку	по нѣскольку
34	—	15	скааать	сказать
35	—	6	отдѣлъныхъ	отдѣльныхъ
36	7	—	памяникъ	памятникъ
37	15	—	воспользовались	воспользовавшись
56	8	—	приходитъ	приходилъ
58	17	—	пока	попа
60	12	—	декабри	декабря
61	9	—	за исключеніемъ	за совершеніемъ
62	—	20	Лялилъ	Лялинъ
63	—	9	Никола	Никона
64	1	—	не отличалось	не отличалась
—	8	—	отъ согласія	отъ ихъ согласія
69	—	4	сябя	себя
71	—	4	быша	была
74	1	—	Куланиъ	Куманинъ
74	—	5	Чебывшемъ	Чебышевымъ
80	2	—	Лужкова	Лужковъ
83	—	2	пбстановка	постановка
119	12	—	выступать	выступить
128	13	—	созданъ	создалъ
134	—	12	обращались	обратились
144	—	6	обращенія	обращеніи
162	2	—	странномъ	страшномъ
169	11	—	илларіоновской	иларіоновской
170	—	13	древно	древнее